

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия (ПИ № ФС77-39902 от 19 мая 2010 г.)

Территория распространения —
Российская Федерация

© ГОУ ВПО ПГНИУ, 2011

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (профессор, докт. филос. наук)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Николаевич Железняк (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *Владимир Вячеславович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Виктор Дмитриевич Балин (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Асия Гарафовна Исмагилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *Александр Октябрьнович Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула)

СОЦИОЛОГИЯ

Анатолий Григорьевич Антипов (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *Вячеслав Борисович Житенев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Галина Ивановна Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Валерий Германович Попов* (профессор, докт. социол. наук, Екатеринбург), *Татьяна Николаевна Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва)

Международный редакционный совет

Джорджо Де Маркис (профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), Стивен МакДауэлл (профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), Майкл Рьюз (профессор философского факультета, Университет штата Флорида, США), Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия), Александр Строканов (профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, Вермонт, США), Дмитрий Широков (профессор, докт. филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия), *Жига Кнап* (профессор, докт. философии, Люблянский Университет, Словения), *Исак Эберштейн* (профессор социологии, заведующий кафедрой социологии, университет штата Флорида, США)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. +7(342) 2396-617, +7(342) 2396-834.

E-mail: abergfeld@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.

Web-site: [http:// www.psu.ru/](http://www.psu.ru/)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Современная и античная герменевтика: к проблеме исторической типологии <i>И.В. Рязанов</i>	4	Modern and antique hermeneutics: to the problem of historical typology <i>Ivan V. Ryazanov</i>
О двух аспектах философской концепции отбора <i>А.Ю. Внутских</i>	10	Two aspects of selection's philosophical conception <i>Aleksandr Y. Vnutskikh</i>
Метафизическое vs постметафизическое (в контексте хайдеггеровского основания метафизической мысли) <i>Д.А. Шишкин</i>	23	The metaphysical vs the postmetaphysical (in the context of Heidegger's basis of metaphysical thought) <i>Dmitriy A. Shyshkin</i>
Проблема массы и энергии в аспекте учета субфизической формы материи <i>В.В. Киселев</i>	29	Problem of mass and energy in aspect of taking into account subphysical form of matter <i>Vladimir V. Kiselev</i>
К философии истории химии <i>В.Л. Чечулин</i>	38	For the phylosofy of the history of chemistry <i>Viktor L. Chechulin</i>
Творчество Н. Бердяева в контексте «нового религиозного сознания» и его политические последствия <i>С.А. Нижников</i>	44	Berdyaev's art in the context of "New religious consciousness" <i>Sergey A. Nizhnikov</i>
О личной самоидентификации парадигмы «Царь — раб» и её духовном смысле в культуре Древнего Египта <i>Л.Л. Леонова</i>	55	About personal identification of paradigma "king — slave" and her spiritual sense in the culture Ancient Egypt <i>Lyidmila L. Leonova</i>

ПСИХОЛОГИЯ

К вопросу о целостности «Я» <i>Д.Г. Трунов</i>	57	On the integrity of the Self <i>Dmitry G. Trunov</i>
Настоящее и будущее гуманитарных технологий <i>Н.Д. Узлов</i>	62	The present and the future of humanitarian technologies <i>Nikolay D. Uzlov</i>

Нервно-психическая устойчивость к стрессу и уровень резистентности организма у лиц, страдающих онкологическими заболеваниями в условиях проживания в Пермском Крае: постановка проблемы <i>А.Ю. Бергфельд, В.П. Рочев, М.Ю. Сироткина</i>	71	Neuro-psychological stability to stress and level of the body's resistance in persons with cancer living in perm region: problem definition <i>Alexandra Y. Bergfeld, Valeriy P. Rochev, Marya Y. Sirotkina</i>
Изменения гендерных стереотипов в процессе взросления <i>М. Уле</i>	75	Changes of gender stereotypes throughout the maturing <i>Mirjana Ule</i>
Особенности самоотношения воспитателей с разными стилями педагогического общения <i>А.Г. Исмаилова</i>	87	Self-relationship of educators having various styles of pedagogical communication <i>Asia G. Ismagilova</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Динамика социокультурного развития Прикамья в период 2006-2010 гг. <i>И.А. Германов, Е.Б. Плотникова, Е.А. Злыднева</i>	93	Dynamics of socio-cultural development in the Perm region from 2006 to 2010 <i>Igor A. Germanov, Elena B. Plotnikova, Ekaterina A. Zlidneva</i>
Рождаемость в современном российском обществе: особенности и последствия <i>Л.А. Хачатрян</i>	98	Fertility in contemporary Russia: features and consequences <i>Lyudmila A. Hachatryan</i>
Структура спроса на профессии (на основе контент-анализа объявлений о работе в г. Перми) <i>А.Г. Антипов, В.С. Волегов</i>	107	Structure of demand for professional (based on content analysis of the board in Perm) <i>Anatoly G. Antipov, Vladimir S. Volegov</i>
Анализ рынка образовательных услуг с целью выявления мотивации абитуриентов 2011 г. <i>И.Н. Ефимова</i>	115	Analysis of the market of educational services to identify the prospective students' motivation in their choice <i>Irina N. Efimova</i>

ФИЛОСОФИЯ

УДК 4214(2 Рос-4 пер)73

**СОВРЕМЕННАЯ И АНТИЧНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА:
К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ****И.В. Рязанов**

В статье исследована проблема типологии герменевтики, возникающая в античной философии языка. Проанализирована античная философия языка, существенно повлиявшая на теорию и практику истолкования. Определяется исторический финал традиции истолкования, связанный с онтологией языка и выявивший возможность герменевтики как искусства и теории интерпретации.

Ключевые слова: герменевтика; дешифровка; язык; имя; речь; предпонимание; понимание; знак; значение; онтология языка.

Фактов нет, есть лишь интерпретации
Ф. Ницше.

В лексиконе русского языка греческое слово герменевтика представлено, начиная с XIX в., в виде кальки с его латинского эквивалента «Deinterpretatione», предложенного средневековым переводчиком Исидором Севильским в качестве названия одноименного сочинения Аристотеля. В толковом словаре живого Великорусского языка Владимира Даля, изданного в 1880 г., заимствованное слово герменевтика определяется как «греческая наука, объясняющая священное писание». В современных философских энциклопедических словарях термин герменевтика — это, как правило, искусство и теория истолкования текстов. При небольших смысловых вариациях большинство академических определений, так или иначе, подчёркивают, что герменевтика на практике сталкивается с письменно фиксируемым текстом. А поскольку метод дешифровки, т. е. исследование сообщений или текстов для обнаружения информации, закодированной или представленной способом неизвестным учёному, может быть связано с предметной областью его научных исследований, то возникает вопрос: в чём состоит принципиальное отличие

герменевтики от естественнонаучной дешифровки, которая занимается изучением явлений природы? Изучает и исследует, например, белковые и нуклеотидные цепи или распознаёт образы при отсутствии эталонов сравнения, сюда же можно отнести и проблему медицинской диагностики и пр. К этому же уровню вопросов относится различие герменевтики и технической дешифровки, когда сталкиваются с результатами человеческой деятельности, но она не принадлежит к национальным языкам, это, например, нотные и картографические тексты неизвестного содержания или сообщения секретного характера, изучаемые с помощью военной дешифровки.

Более острым и проблематичным оказывается данный вопрос, когда мы сравниваем герменевтику с лингвистической дешифровкой, последняя имеет целью исследование текстов на языках, смысл которых непонятен или полагается непонятным из теоретических соображений. В предметных границах общего языкознания прикладная лингвистическая дешифровка, исследуя древние тексты, способна совершать значительные, а порой и фундаментальные научные открытия. Дешифровка древнеегипетской письменности или клинописных

текстов древнеаккадского и шумерского языков оказалась бесценной для исторической и не только исторической науки.

Таким образом, как только мы фиксируем в истории развития человеческой культуры феномен письменности, т. е. определённую знаковую систему фиксации речи, позволяющую с помощью начертательных (графических) элементов передавать речевую информацию на расстояние и, самое главное, передавать и закреплять её во времени, то мы с определённой долей неизбежности подходим к проблеме обоснования и спецификации герменевтики в качестве теории и практики истолкования текстов.

С другой стороны, мы не должны упускать из виду феномен «текстуализации» современной культуры, поскольку начиная со второй половины XX в. в гуманитарном познании философская герменевтика в значительной степени пересекается с теоретической лингвистикой, а лингвистика — с философской герменевтикой, в силу чего «текстуализация» культуры требует осмысления речемыслительной деятельности и анализа процесса научной интерпретации. Старое правило, предупреждающее нас о том, чтобы мы не перегружали своими интерпретациями и без того сложную проблему, позволит нам редуцировать такие сложные научные конструкции, как «первичный и вторичный текст» или «интертекстуальность и интертекст, и вернуться к исходному состоянию проблемы, выраженной вопросом: как возможна герменевтика в форме теории и практики человеческой культуры. Другими словами, в центре нашего внимания должна оказаться проблема исторической типологии герменевтики.

Древнегреческое слово (ἐρμηνευτική – разъясняю, истолковываю) возвращает нас в границы античной культуры, где искусство толкования иносказаний, многозначных символов и изречений древних поэтов получает религиозно-мифологическое, а порой и философское обоснование. Ярким примером такой «толковательной теории» может служить сонник онейрокритика Артемидора Далдианского [1]. Будучи близок к школе стоицизма, этот античный пи-

сатель сумел систематизировать многочисленные представления своего времени, связанные с толкованием снов и определённым для своей эпохи пониманием природы сновидений. Смысловым ядром сочинения Артемидора было введение им различия простых и вещей снов, прямосозерцательных и аллегорических, а также определения влияния снов, которое могут оказывать на жизнь человека.

Важность и значимость толковательной практики сновидений напрямую пересекалась с философской практикой (аскезой) комплексом физических и духовных упражнений, целью которых было саморазвитие субъекта. Проиллюстрируем подобную значимость герменевтической практики на примере пифагорейской школы. Видеть сны для пифагорейцев означало соприкоснуться с божественным миром тем, что по ту сторону смерти, он же мир истины, поэтому ко сну надо было готовиться.

Неоплатоник Ямвлих в сочинении «О Пифагоровой жизни» описывает процедуру приготовления ко сну следующим образом: «Когда его ученики вечером засыпали, он освобождал их от дневных волнений и впечатлений, очищал смятенный ум, и они спали спокойно и хорошо, сны становились вещими». Как мы видим, время перед сном надо было посвятить ритуальным практикам, которые должны были очистить душу и тем самым приготовить её к вхождению в мир божественного, пониманию видений, посланий и истин, явленных в более или менее двусмысленном облике. К важнейшим очищающим процедурам относились: слушание музыки, вдыхание благовоний и, самое главное, посредством акта припоминания необходимо было восстановить весь прожитый день, вспомнить те ошибки, что ты мог совершить. Припоминание было основным условием, при котором субъект был готов к практике истолкования своих сновидений. Подобную способность, культивируемую не только в школе Пифагора, но и во многих других философских школах античности, французский философ XX в. М. Фуко назвал техникой досмотра сознания [2].

Совокупность таких техник тщательно и скрупулёзно была им исследована на основе различных источников и обозначена в качестве определённой культуры себя — это был с его точки зрения целый ансамбль практик, обычно именуемый греческим словом аскесис. Цель философской аскезы — приготовить человека к событиям, которые могли с ним произойти.

Пифагореец, стоик или киник должен был учиться не давать таким событиям привести себя в замешательство, не позволить эмоциям захлестнуть происходящее. Чтобы сохранить самообладание перед лицом непредвиденных событий, необходимы были истинные речи, те разумные речи, что позволяли человеку выстоять при любых обстоятельствах. Римский стоик Сенека писал по этому поводу следующее: «Разумная речь способна развеять наши страхи и не позволить сразить нас тому, что мы считаем несчастьем». В связи с тем значением, которое разумная речь оказывала на жизнь человека, возникали в период античности многочисленные дискуссии между разными философскими школами по поводу вопроса, какова же природа истинных речей.

Для современной науки указанная проблема существует в форме обобщающего исследования существовавших в эпоху античности воззрений на зарождение и развитие языка. Анализируя взгляды Демокрита и Эпикура, Парменида и Платона, отечественный учёный А.Л. Верлинский в монографии «Античные учения о возникновении языка» приходит к выводу о существовании двух противоположных теоретических направлений в философии языка — натурализма и конвенционализма [3].

Поскольку ранние варианты философии языка были представлены так называемой философией имени, заданной нерасчленённостью в культуре понятия, и выражающего его слова, то первый подход (натуралистический) базировался на презумпции онтологической заданности соответствия имени и означаемого им предмета. Приведём в качестве иллюстрации оценку неоплатоника Прокла, данную позиции Пифагора по этому вопросу. Прокл пишет: «Пифагор считал, что образовывать имена ве-

щей не может всякий, кому вздумается, но лишь тот, кто видит ум и естество сущего. Итак, имена образуются по природе». То обстоятельство, что имена даны предметам по природе, означает возможность правильного или неправильного наименования и задаёт необходимость постижения истинного значения — этимона имени — отсюда этимология, в итоге всё это обеспечивает постижение сущности предмета.

Второй подход — конвенциональный исходил из противоположной точки зрения, связь между словом и его значением имеет произвольный характер и устанавливается либо выраженным согласием сторон, либо молчаливым соглашением. Неоплатоник Прокл писал по этому поводу следующее: «Демокрит говорил, что имена даются по случаю, а не по природе», как мы видим, полемика с аргументами, основанными на этимологии в конвенциональном подходе, отталкивается от идеи, что человеческий язык — это отражение случайных обстоятельств, сопутствующих возникновению слов.

Критическое сопоставление двух указанных подходов мы можем найти в диалоге Платона «Кратил», который является, по словам немецкого философа Х.Г. Гадамера, основателя философской герменевтики XX в. «наиболее ярким воплощением того, что греки смогли сделать в сфере философии языка» [4]. Сталкиваясь между собой натуралистический и конвенциональный подходы, Платон сумел отчётливо разграничить две гипотезы — гипотезу о конвенциональном характере языка, для которой этимология не существенна для функционирования слова, и гипотезу «правильности имён», в соответствии с которой для каждой вещи есть слово, установленное специально для неё, поэтому этимология слова содержит в латентном виде указание на важнейшие свойства вещи. В центре античной философии языка оказалась проблема семантической неоднозначности слов, что и явилось главной предпосылкой для постановки вопроса, как соотносятся слова и вещи и на чём основывается их связь. «Вечной» проблемой человечества оказалось само различие между обозначением и обозначаемым, что

в какой-то степени, по-видимому, всегда осознаётся носителями языка, несмотря на отличие формулировок, так или иначе определяющих это отношение.

Именно в центре разгоревшейся полемики о том, каково господствующее в языке соотношение между словом и вещью, и возникает представление о творцах языка: как о мудрецах, глубокое постижение которыми сути вещей отражено в этимологии слов. Наиболее раннее свидетельство превращения бога Гермеса в изобретателя языка содержится в «Кратиле» Платона. В соответствии с сократическим этимологическим методом Гермес — это «тот, кто придумал речь». Вместе с тем одно и то же имя может в зависимости от контекста истолковано по-разному. В «Кратиле» Платон широко использует подобный «плюрализм» для того, чтобы поставить под сомнение познавательные возможности этимологического метода.

Обратимся к смысловому анализу диалога для выяснения проблемы соотношения слов и вещей. По оценке русского философа А.Ф.Лосева «Кратил» принадлежит к числу довольно трудных и замысловатых диалогов Платона. Общая тематическая структура диалога нам уже известна, противопоставляется точка зрения Гермогена, ученика Протагора, придерживающегося конвенционализма, и точка зрения Кратила, ученика Гераклита, обосновывающего натуралистический подход к имени. Критика теории условного происхождения имён оказывается у Сократа постановкой вопроса о правильности имён, такое представление содержит, несомненно, черты, характерные исключительно для Платона. Поскольку трактовка слова как орудия для правильного именования вещи связана с идеей или эйдосом слова, на которую ориентируются мудрые законодатели, создававшие правильные слова, то есть слова, имеющие сходную внутреннюю форму. При этом необходимо обратить внимание на гипотезу Платона о символическом характере звуков, она применена для доказательства «правильности» слов, которые нельзя этимологизировать. Сторонники этимологии как метода познания сущности вещей, как правило, не об-

ращают внимание на существование неэтимологизируемых слов.

При всей сложности «фантастических», по выражению А.Ф. Лосева, толкований Платона вся эта масса или совокупность слов и вещей, рассматриваемая в контексте проблемы правильности имён, даёт вполне чёткую и отчётливую картину античной философии языка. Самопоказывание, самовыговаривание слов, есть их наличность и определённость, единство совместности. Платон понимал такую совместность в качестве указания на толкование-интерпретацию, при этом смысловое поле, в силу самой структуры античного Логоса, постоянно расширяло круг своих значений. Это стало прообразом того герменевтического круга, который начиная с Платона должен был не только расширять поле значений, но и воспроизводить единство смысла, некий сущностно — репрезентативный акт имени.

Человеку в роли толкователя связи слов и вещей приходилось постоянно выполнять частный относительно репрезентативный акт имени, поскольку у Платона в «Кратиле» идеальная сущность слишком высока и далека от него. Ввиду отсутствия абсолютной адекватности имени вещи самой вещи человеку приходится тем или иным способом интерпретировать идеальные сущности или осуществлять диакритический акт имени. Ещё один момент необходимо нам выделить для полноценной реконструкции античной философии языка. В диалоге «Кратил» сторонник конвенционализма Гермоген формулирует принципы своего подхода следующим образом:

Во-первых, установление носит характер соглашения носителей языка.

Во-вторых, устанавливаемые обозначения абсолютно произвольны, т. е. любое сочетание звуков может быть присвоено любому предмету.

В-третьих, любое обозначение заменяется на любое другое посредством нового соглашения.

В-четвёртых, различие между языками у разных народов и диалектами внутри одного и

того же языка объясняются произвольностью установлений в различных местностях.

Как мы видим, согласно Гермогену безразличность обозначений и лёгкость их изменения не просто характерны для языковой практики, но и вполне удовлетворительны в плане назначения слов. Оставив в стороне критикуемую Платоном позицию, исходя из которой санкционируется произвол в обращении с языком, т. е. релятивные следствия лингвистического конвенционализма, мы можем зафиксировать, что конвенционализм как констатация реального состояния отчасти признаётся Сократом и во многом будет разделяться Аристотелем, для которого «речь есть такое смысловое звуко-сочетание, части которого в отдельности что-то обозначают как сказывание, но не как утверждение или отрицание», избранные пассажи из Метафизики также позволяют сделать вывод, в соответствии с которым мы находим феноменологическую целостность языка в античной философии. Достаточно указать, что несмотря на допущение многообразия и некий структурно-семантический плюрализм Аристотель из посылки, что «сущее сказывается многими способами» [5], выводит универсальный момент, т. е. он ограничивает имеющееся поле значений в языке.

Глава третья первой книги Метафизики недвусмысленно говорит о том, что «о причинах речь может идти в четырёх смыслах». Задержимся на первом смысле буквально в переводе А.В. Кубицкого: «что именно есть ставшее» или сущность и суть бытия. Пояснения Аристотеля — его собственный герменевтический узус сводится к следующему: основание «почему» вещь такова, как она есть, восходит, в конечном счёте, к понятию вещи, а то основание, благодаря чему вещь именно такова, есть некоторая причина и начало. Соединение слов и вещей в Метафизике таково, что несмотря на выделенную немецким философом М. Хайдеггером онтологическую дифференциацию «бытие сущего само по себе не есть сущее» в античной философии, онтологическая грамматика языка «бытие есть, что бытие» определяется границами

самой метафизики и, наоборот, в границах метафизики язык онтологизируется.

Другими словами, после Платона и Аристотеля любая герменевтическая трактовка будет предполагать предпонимание и понимание, или реконструкцию и перевод, не иначе как воспроизведение имманентного смысла эйдосного начиная с Платона и субстанционального с Аристотеля. Изначальная онтологизация языка означает универсальное единство Логос; при всей своей многозначности более 20 лексических значений всегда пребывает в границах видимого смысла, он есть проявление или, как указывал М.Хайдеггер в книге «Бытие и Время», он «файнестай» — феномен [6]. Поэтому, говоря языком современной науки, между знаком и значением всегда будет существовать онтологическая связь и имманентное единство. В силу такой связи общегерменевтическая направленность может быть только редукцией к метафизическому, к самой возможности языка быть видимым. Оставляя в стороне исторические иллюстрации, свидетельствующие о полноценной редуцируемости метафизического смысла (этому посвящены, например, работы С.Н.Трубецкого и А.Ф.Лосева), мы должны с определённой долей необходимости обозначить исторический финал этой традиции.

Во-первых, это генеалогический проект Ф.Ницше — его антиметафизические мотивы, представленные, например, в такой работе, как «По ту сторону добра и зла» или задуманной в качестве приложения работе «К генеалогии морали». Во-вторых, хайдеггеровский проект деконструкции метафизики, включающий в себя знаменитый вопрос о бытии «была ли в истории онтологии вообще интерпретация бытия», и вытекающая отсюда деконструктивная стратегия Ж. Деррида. В-третьих, это ненаписанная М.Фуко «Археология герменевтики», но представленная им в его самоопределении по отношению к лингвистике, с одной стороны, и герменевтики, с другой. Знаменитая и трудно читаемая «Археология Знания» является тому прекрасным примером. Сюда же можно отнести и его лекционный курс «Герменевтика субъекта».

Список литературы

1. *Артемидор*. Онейрокритика. СПб.: Кристал, 1999. 448с.
 2. *Фуко М.* Герменевтика субъекта: курс лекций. СПб.: Наука, 2007. 677с.
 3. *Верлинский А.Л.* Античные учения о возникновении языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 453 с.
 4. *Гадамер Х.Г.* Истина и Метод. Основы фило-софской герменевтики. М.: Изд-во Прогресс, 1988. 704с.
 5. *Хайдеггер М.* Бытие и Время. М.: AD Marginem, 1997. 451с.
 6. *Аристотель.* Об истолковании // Аристотель: Соч: в 4 т. Т.2. М., 1978. 687с.
 7. *Аристотель.* Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования//Аристотель. СПб.: Алетейя; Киев: Эльга, 2002. 832 с.
-

**MODERN AND ANTIQUE HERMENEUTICS:
TO THE PROBLEM OF HISTORICAL TYPOLOGY**
Ivan V. Ryazanov

Perm State Agricultural Academy, 10, 25 Oktyabrya str., Perm, 614000, Russia

The article analyses the problem of typology of hermeneutics, arising in the ancient philosophy of language. Analyzed ancient philosophy of language, significantly influenced the theory and practice of interpretation.

Key words: hermeneutics, decryption, language, name, address, understanding, sign, the value ontology language

УДК 111.821

О ДВУХ АСПЕКТАХ ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОТБОРА*А.Ю. Внутских*

В статье анализируются два аспекта философской концепции отбора как всеобщего механизма развития. Во-первых, отбор рассматривается как процесс закономерной конкурентной дифференциации предметов отбора на более сложные и более простые и их подбора. Во-вторых, определяется задача изучения особенностей конкретных форм отбора, связанных с основными формами материи.

Ключевые слова: предмет; фактор; критерий отбора; элиминация; конкуренция; подбор; элементарный акт отбора.

В предшествующей статье, рассматривая научно-философскую концепцию отбора как всеобщего эволюционного механизма, мы пришли к выводу о том, что в связи с разворачивающейся на наших глазах «второй дарвиновской революцией» разработка такой концепции очень важна для подбора комплекса современных частных наук. Было показано, что благодаря предложенному варианту решения «парадокса отбора» понимание отбора не только как «локального», но и как всеобщего механизма развития имеет определенную научную перспективу [9]. Настоящая статья посвящена рассмотрению двух ключевых проблем и соответствующих важнейших аспектов философской концепции отбора: **как отбор связан с развитием — интегральным прогрессом, который представляет собой возникновение высшего из низшего и их взаимодействие, и каким образом отбор связан с конкретными этапами этого развития.**

«Отбор — преобразователь мира. Звездные системы, минералы, органические формы, общественные формации, болезни и мнения подчинены этому принципу» [4]. Это высказывание хорошо характеризует суть взглядов деятелей «второй дарвиновской революции», которая выражается в экспансии селекционистских интерпретаций эволюционного процесса на все новые области теории и практики. Разумеется, тенденции «второй дарвиновской революции» провоцируют исследователей на создание общенаучных и философских концепций отбора.

Однако распространенные универсальные определения отбора, свойственные ряду философских и общенаучных подходов, например, тектологии, кибернетике, общей теории систем, глобальному эволюционизму, являются достаточно абстрактными и односторонними. В известном смысле, отбор действительно представляет собой дифференцированное сохранение устойчивых и элиминацию неустойчивых форм, ведущие к их уравниванию со средой (философы-атомисты, А.А. Богданов, А.Л. Тахтаджян, А.Д. Арманд, Ю.А. Урманцев, Д. Кэмпбелл, Г. Зико); поиск устойчивости в ходе взаимодействия внутренних и внешних факторов (В.П. Бранский); устранение ошибок (К. Поппер); запрет, ограничение разнообразия, накладываемое на определенные объекты и процессы (У. Эшби, В.А. Марков); выделение из множества возможных состояний некоторого количества допустимых (Н.Н. Моисеев) [6, 24, 31, 33, 41]. Но, во-первых, в рамках подобных определений остается открытым вопрос о связи отбора с развитием — закономерным интегральным прогрессом, о месте в этом процессе «отбора-сита», который действует на уже реализованные объекты действительности и «отбора-выбора» еще не воплощенных возможностей. В рамках означенных подходов отбор понимается в отрыве от прогрессивной направленности развития, выступает в качестве «конечного», «местного» процесса, в принципе неспособного реализовать сколько-нибудь существенную и значимую долю возможностей

бесконечного мира. Соответственно, развитие понимается как случайное, в связи с каждым актом отбора способное «повернуть» куда угодно. Это затрудняет понимание развития как в целом закономерного усложнения, а отбора — как подлинно всеобщего эволюционного механизма, действие которого приводит к появлению высшего из низшего в ходе реализации определенных возможностей.

Во-вторых, выделяя черты отбора «вообще», мы отвлекаемся от богатства особенного, от качественной специфики материальных субстратов и способов развития тех областей объективной реальности, в рамках которой действует эта закономерность. При таком абстрактном подходе «схватывается» лишь наличие одних и тех же черт, характерных для любого отбора. Например, автор «тектологии» А.А. Богданов дал представление о необходимых и достаточных элементах «системы отбора»: **предмете отбора** (т. е. о единице, которая подвергается отбору), **факторе отбора** (о том, что действует на предмет, сохраняя или разрушая его), **базисе отбора** (или критерии отбора — той стороне предмета, от которой прямо зависит его сохранение или разрушение). В свою очередь, В.П. Бранский выделяет в структуре единого процесса отбора **тезаурус** (множество вариантов для отбора), **детектор** (взаимодействие элементов системы, в которой происходит отбор), **селектор**, **селекционный фильтр** (правило, на основании которого делается выбор — закон устойчивости). Разумеется, что без подобных общих определений философская теория отбора немислима и в этом смысле данный подход оправдан. Однако если ограничиться ими, то исследуемая закономерность предстанет как общность, «схватывающая» лишь наличие черт, одинаковых для любой формы отбора, и потому принципиально неспособная зафиксировать специфику отбора в неживой, живой природе и в обществе.

Неудивительно, что в условиях отсутствия адекватной интерпретации отбора как всеобщего эволюционного механизма сформировалась тенденция к «экспансии» дарвиновских представлений об отборе, т.е. представлений об отборе биологическом на все новые области знания. Например, К. Поппер интерпретировал

дарвинизм в качестве «метафизической исследовательской программы» [29]. Можно согласиться, что дарвиновская теория отбора в известной мере адекватно, хотя и не исчерпывающим образом, отражает существенные черты развития второй по сложности (после социальной) формы материи. Поэтому данная теория должна содержать элементы, которые могут характеризовать, по крайней мере, некоторые моменты любого «естественного» (природного) отбора, так как в ходе развития происходило диалектическое «снятие» содержания низших законов высшими. Однако такой подход связан с подменой всеобщего особенным; поэтому он неизбежно приводит к игнорированию специфики более простых (добиологических) форм материи и отбора, с одной стороны, и к редукционизму в понимании общества, с другой стороны.

На наш взгляд, в решении первой проблемы философской концепции отбора следует исходить из того, что отбор, в конечном счете, приводит к появлению **высшего, более сложного**, т. е. способствует реализации **все большего многообразия, интегрированного во все большей степени**. Отбор есть **неотъемлемая сторона процесса возникновения высшего из низшего и их взаимодействия**. Возникновение более сложного отнюдь не является «фронтальным». Согласно выявленным в научной философии конкретно-всеобщим закономерностям формирования среды развития и конвергенции, «распространенность» форм материи по мере их усложнения сокращается, развитие идет «на конус». И в Солнечной системе, и в Метагалактике простые состояния материи распространены существенно шире, чем сложные. В первом приближении обобщить эти факты позволяют расчеты Ф. Дрейка и К. Сагана [30]. Согласно им количество звезд в Галактике составляет примерно $4 \cdot 10^{11}$, планетных систем — примерно $1,3 \cdot 10^{11}$, планет, на которых может возникнуть жизнь, — $1 \cdot 10^{11}$, а количество планет, на которых может возникнуть технологическая цивилизация, составляет около $1 \cdot 10^9$. Конвергентность развития прослеживается и в современном антагонистическом обществе — представления о «селективности» распространения достижений технологических

революций, об «исключающем развитии» и «золотом миллиарде» говорят сами за себя [14]. Не рассматривая пока вопрос о том, можно ли отвергнуть конвергентность развития с появлением сознающего и преобразующего мир существа, отметим, что факт конвергентности является первым непосредственным свидетельством в пользу существования всеобщего механизма отбора. Большинство объектов действительности устраняется из процесса усложнения, т. е. элиминируются — они либо остаются на исходном уровне сложности (происходит «торможение»), либо регрессируют (происходит собственно элиминация), и лишь некоторые, выходящие на магистраль развития, усложняются, поскольку аккумулируют, «обобщают» результаты предшествующего мирового процесса. Благодаря конвергентному и аккумулятивному характеру развития генерируются среда и «теневые системы» (внешние и внутренние условия магистрали), вследствие чего возникает и продолжает развиваться высшее, в свою очередь, активизирующее низшее. Повидимому, в этой опосредованной элиминацией дифференциации объектов действительности на взаимодействующие сложное и простое и состоит **элементарный акт отбора как всеобщего механизма развития**. Отбор следует рассматривать как зарождение, обострение и разрешение противоречия между высшим и низшим, противоречие, которое в непосредственном плане представляет «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними» [17].

Конкретизируя эту идею, остановимся на прогрессивно направленной коэволюции магистрали мирового процесса, включенного и невключенного низшего в рамках комплексных форм материи подробнее, обратившись к примеру витально-субвитального комплекса [10]. Возникнув из низшего, высшее как элемент магистрали изменяет низшее «по своей мерке», формируя тем самым среду адекватную своей сложности и попутно активизируя функционирование низшего («прямая связь»). Например, химический способ развития (синтез) в живых организмах протекает значительно эффективнее, чем в пределах невключенного химического. Это приводит к колоссальному ускорению

процессов в неживой среде биологического: живое становится «геологической силой» и фактически «берет на себя» осуществление способа развития всей химической формы материи в биосфере. Живое, посредством своих теневых систем, продуцирует собственную неживую среду. Факты свидетельствуют, что «право первого хода» в мировом процессе принадлежит магистрали, собственно высшему. При этом первозданный вид среды разрушается — она усложняется в пределах, допускаемых ее сущностью, и это делает ее условием дальнейшего развития на магистрали.

В свою очередь, сформированная высшим среда, посредством изменений теневой системы живого, изменяет само живое («обратная связь»). Например, первые фотосинтетики повысили в атмосфере Земли концентрацию кислорода, выбрасывая его как побочный (и потенциально опасный) продукт собственного метаболизма. В конечном счете, это обеспечило формирование «озонового экрана» — необходимой предпосылки дальнейшего усложнения жизни, выхода ее на сушу. Биологическая материя как элемент магистрали в значительной мере сама сформировала условия своего дальнейшего развития — в диалектике магистрали и эволюционных «тупиков» определяющую роль, в конечном счете, всегда играет магистраль. Однако изменение первозданного вида субвитальной среды по механизму обратной связи привело к избирательной элиминации примитивных форм жизни (ранних, специализированных образцов высшего), не приспособленных к высокому содержанию в среде кислорода, т. е. к возвращению значительной доли живого вещества на физико-химический уровень, что интенсифицировало химический синтез в невключенном низшем.

Во взаимодействии высшего и низшего как диалектических противоположностей их функционирование направлено на превращение «своего другого» в условие собственного развития. А значит, возникает противоречие тенденций эволюции магистрали и невключенного низшего, являющееся источником развития комплексных форм материи. Например, абсолютный характер тенденции живого к росту выживаемости, к самосохранению (усложняясь,

живое «платит все меньшую дань смерти», поэтому с усложнением снижается показатель совокупной геохимической энергии, максимальный у микроорганизмов) приходит в противоречие со столь же абсолютной тенденцией субвиталяльной среды к интенсификации химического синтеза за счет разрушения тел погибающих организмов. Это противоречие тезиса (живое как элемент магистрали) и антитезиса (субвиталяльная среда) снимается лишь с появлением диалектического синтеза, т. е. еще более сложного этапа магистрали, в конечном счете — социально-природной комплексной формы материи. Человек благодаря материальному производству многократно интенсифицирует процессы в неживой среде и благодаря тому же производству оказывается наиболее успешно самосохраняющимся видом. Таким образом, осуществляется **аккумулирующий «отбор на всеобщность, универсальность»** посредством избирательной элиминации, преодолевающий ограниченности тезиса и антитезиса во взаимодействии высшего и невключенного низшего. На наш взгляд, так развиваются все комплексные формы материи; отбор на всеобщность имеет место и в рамках развития каждой конкретной формы материи.

Подобная картина наблюдается и в ходе прогрессивно направленного взаимодействия высшего и изоморфного ему включенного низшего. С одной стороны, высшее «по своей мерке» усложняет и активизирует включенное низшее, продуцируя внутренние условия своего дальнейшего развития. Так, за счет наиболее эффективных катализаторов — биологических ферментов химические реакции могут протекать до 10^{12} раз быстрее, чем в окружающей среде [7]. С другой стороны, известно, что включенная в состав высшей формы материи низшая форма сохраняет общую природу и законы, хотя уже не имеет самостоятельного характера [26]. Следовательно, высшее вынуждено «вписываться» в законы низшего — в противном случае оно лишится своего вещественно-энергетического субстрата, своих внутренних условий. Но это значит, что колоссальное ускорение химического синтеза в живых организмах всегда чревато его выходом из-под биологического контроля — болезни и смерти со-

вершенно неслучайно трактуются как варианты нарушения метаболизма. Гегель в свое время отмечал, что «живое тело всегда готово сделать скачок в область химического процесса...» [11]. Очевидно, что элиминация более простых организмов более вероятна, поскольку их не автономизированный онтогенез весьма уязвим для внешних неблагоприятных воздействий [35]. В ходе усложнения живых организмов химический синтез, многократно увеличивший свою активность, «канализируется», ставится под все более жесткий контроль, т. е. избирательно тормозится. Таким образом, формируется противоречие высшего и включенного низшего, которое в итоге снимается с реализацией следующего, более сложного этапа магистрали. При этом, как было показано в нашей предшествующей статье, взаимодействие высшего и низшего может осуществляться только через сферу возможного, хотя в него и включается момент непосредственного вещественно-энергетического взаимодействия близких по сложности объектов действительности, непосредственно обуславливающих друг друга [9].

Сказанное имеет прямое отношение к всеобщему процессу отбора. Отбор в этом аспекте выступает как **сторона прогрессивно направленного взаимодействия высшего и низшего, обеспечивающая избирательную реализацию возможностей в связи с изменением существующих в действительности условий дальнейшего развития**. Эти условия, в конечном счете, ведут к закономерному появлению в мире более сложных вещей, что подразумевает «отождествление собственно высшего... с реально возможным», подчинение через сферу возможного включенного и невключенного низшего высшему [1]. Основное содержание включенного и невключенного низшего возникает на магистрали, и потому подчиненным условием в прогрессивно направленной коэволюции в конечном счете оказывается низшее. Кроме того, отметим, что высшее, как и возможное, обладает не-вещным характером, у него нет пространственно выделенных частей, а «генетическая связь актуально составляющих мир вещей означает их укорененность в его предшествующих более простых состояниях, по отношению к которым эти вещи неразличи-

мы также, как и по отношению к отдаленно возможному» [3]. Именно в этом, а не в абстрактном телеологическом смысле можно сказать, что «материя внутренне обладает возможностью своего усложнения...» [19].

Итак, в ходе мирового процесса во взаимодействии магистрали и подчиненных направлений развития через сферу возможного формируются действительные внутренние и внешние условия продолжения развития, с необходимостью ведущие к интегральному прогрессу посредством отбора на всеобщность, универсальность. Осуществляется **самодетерминация**, можно сказать, **«самоотбор»**, **внутренний «отбор-выбор» субстанцией именно тех возможностей, которые ведут к ее дальнейшему усложнению**. При этом каждая бифуркация, разделяющая магистраль мирового процесса (высшее) и обуславливающие ее продолжение, подчиненные направления (включенное и невключенное низшее), воспроизводит «в миниатюре» весь опосредованный отбором мировой процесс, выступая в качестве **прогрессивно направленного элементарного акта самоотбора, фундаментальным общим критерием которого выступает сложность**. В итоге отбор дифференцирует объекты действительности, обеспечивая развитие как нарастание их различий по сложности.

Говоря о факторе отбора, в известной мере можно согласиться с А.А. Богдановым, что в качестве такового выступает среда. Однако в качестве среды следует рассматривать совокупность как внешних, так и внутренних условий предмета отбора, которые представляют собой такой же результат в целом закономерного мирового процесса, как и сам отбираемый предмет. В более строгом смысле непосредственным фактором отбора, как для элементов магистрали, так и для подчиненных направлений мирового процесса, является система взаимодействующего высшего и низшего (включенного и невключенного). Причем эта «система отбора», в случае наиболее сложных форм отбора (биологического и социального), может концентрироваться в выбирающем возможности субъекте. Однако и сам объект (субъект) отбора (выбора), и система, обуславливающая его существование, в конечном счете представ-

ляют собой результаты единого закономерного мирового процесса, приводящего к появлению все более сложных вещей. Поэтому наиболее фундаментальным фактором отбора выступает существенно «априорная» **направленность развития** — объективно существующая тенденция материи в целом к самоусложнению [27]. В свою очередь, фактором любого особенного отбора (физического, химического, биологического, отбора в обществе) выступает конкретная модификация всеобщей прогрессивной направленности развития в рамках соответствующего этапа мирового процесса. Подчеркнем еще раз, что представления о прогрессивной направленности развития как фундаментальном факторе отбора в такой интерпретации не имеют ничего общего с телеологией. Показательно, что именно дарвиновская теория отбора расценивается телеологами как «главная угроза утверждению, что вселенная имеет трансцендентальную цель» [43].

При этом наиболее перспективными для дальнейшего развития, для осуществления диалектического синтеза высшего и низшего, оказываются области действительности «на границе» магистрали и невключенного низшего. Появление таких областей — важный момент аккумулятивности развития. Их специфика состоит в том, что в их сравнительно небольших пространственно-временных масштабах сконцентрированы вещи разного уровня сложности, реализован максимальный «перепад сложности». Соответственно, по «абсолютной шкале» сложности мирового процесса эти области являются максимально развитыми. Однако «по мерке» текущего состояния магистрали эти области развиты не максимально, так как не все представляющие их вещи относятся к магистральному направлению. Можно сказать, что это оптимально развитые области, и особый интерес представляют те «неспециализированные» элементы данных областей, которые «концентрируют» в себе как основное содержание магистрали, так и основное содержание «эволюционных тупиков»; соответственно, эти элементы выступают как наиболее глубокое на данный момент выражение всеобщего. И поскольку отбор как всеобщий механизм интегрального прогресса представляет собой **отбор**

на всеобщность, то такие элементы закономерно выходят на магистраль — именно потому, что удовлетворяют **критерию сложности, критерию всеобщности, универсальности**, т. е. наиболее полно и глубоко интегрируют в себе основное содержание предшествующих этапов развития, а значит, способны реализовать наиболее весомую долю возможностей развития в будущем. Напротив, объекты более «специализированные» или менее интегрированные оказываются на подчиненных направлениях, на «периферии» мирового процесса, реализуя менее значимые возможности развития, они способны лишь обуславливать развитие на магистрали. А возможность кардинального усложнения (т. е. выхода на магистраль) вещей, представлявших «вчера» невключенное низшее, неизбежно реализуется, когда коэволюционирующая система более сложных и более простых объектов действительности, с одной стороны, приводит к элиминации «специализированных», «ранних образцов высшего», а с другой, интенсифицируя способ развития «специализированного» низшего, тормозит его принципиальное усложнение. В указанном смысле закономерность отбора связана также с конкретно-всеобщей **закономерностью оптимумов и максимумов**. Возникая из оптимально развитого, «неспециализированного» низшего, высшее далее существует и развивается на основе «доразвитого» низшего, способ развития которого максимально интенсифицирован [28].

Как подчеркивалось выше, развитие представляет собой избирательную реализацию возможностей и возрастание различий по сложности объектов действительности. В рамках этого процесса действие отбора в непосредственном плане представляет собой избирательное исключение предметов отбора из процесса реализации, усложнения (в соответствии с указанными выше критериями), т. е. **избирательную элиминацию**, включающую **элиминацию в узком смысле** (разрушение, регресс) и **торможение** (блокирование реализации возможностей, «консервацию» на достигнутом уровне сложности). Вне элиминации и торможения отбор невозможен — они выступают в качестве необходимой **формы существования отбора**. Акцентируя внимание на элимини-

рующем действии отбора, его можно рассматривать как механизм упрощения. По словам Ф. Энгельса, всякий прогресс есть, с другой стороны, регресс, «ибо он ... исключает возможность развития во многих других направлениях» [37]. Такова «цена отбора» по А.А. Богданову [5], та его неотъемлемая сторона, абсолютизация которой не раз приводила к интерпретации данного фактора как всецело «энтропийного», «отрицательного», отбора в первом значении слова «отбирать», указанном В.И. Далем, — «отнять», «лишить» [12].

Если торможение и элиминация выступают как форма существования всеобщего механизма отбора, то **содержание отбора**, связанное с прогрессивно направленным взаимодействием предметов отбора, позволяет рассматривать отбор в качестве прогрессивного фактора. Действие отбора в отношении объектов действительности организовано по схеме диалектического ограничения прогресса некоторых из них, что в итоге приводит к появлению большего многообразия, к росту «диапазона сложности» действительности. Элементы возникшего многообразия более высокого уровня сложности опять подвергаются избирательной элиминации и торможению — и вновь конечным результатом этого ограничения прогресса большинства объектов оказывается «вспышка» многообразия объектов более высокого уровня сложности, продолжение мирового процесса [8; 13; 34]. Например, три типа частиц, составляющих ничтожную долю от числа элементарных частиц вообще (известны сотни элементарных частиц), порождают огромное разнообразие мира атомных ядер. Устойчивые изотопы девяносто двух «естественных» химических элементов делают возможным возникновение сотен тысяч известных неорганических и миллионов органических веществ. Восемнадцать элементов-органогенов обуславливают появление многих миллионов только ныне живущих видов организмов. Наконец, человеческое общество, возникшее на базе единственного биологического вида (из примерно 4 млрд, когда-либо существовавших на Земле), порождает практически неограниченное многообразие уникальных личностей. Развитие в ряду физическое — химическое — биологическое — социальное в целом выступа-

ет как направленный рост различий объектов действительности по сложности уже хотя бы потому, что абсолютно все физические объекты обязаны своим происхождением стадии рекомбинации, в ходе которой все атомы синтезируются из идентичных (в отношении возможности включения их в более сложные объекты) нуклонов и электронов.

Но здесь мы встречаемся с серьезным затруднением, которое как будто исключает понимание отбора как прогрессивно направленного в своем действии всеобщего механизма. Очевидно, что каждый объект действительности характеризуется существенной неопределенностью в отношении своего будущего, которое представлено огромным многообразием возможностей. Однако в действительность претворяется лишь одна из многообразных возможностей данного объекта и в непосредственном плане это определяется той локальной «нишей» в системе коэволюционирующего высшего и низшего, в которой этот объект случайно оказался. В полном объеме потенциал любого конкретного объекта реализован быть не может хотя бы потому, что пространственно-временные масштабы каждого этапа мирового процесса ограничены, причем, чем более сложен этап, тем больше эти ограничения. А если реализация столь ничтожной доли общего фонда возможностей зависит только от случайно сложившихся локальных условий, то мировой процесс как закономерное движение от простого к сложному оказывается невозможным.

Фактически, именно с таким выводом связано понимание отбора исключительно в качестве «случайного поиска» (М. Иден), механического перебора вариантов методом «проб и ошибок» (Г. Кастлер, Л.А. Блюменфельд, М.В. Волькенштейн) [15]. Как попытку модернизировать концепцию «случайного поиска» следует рассматривать предложенный рядом исследователей принцип «блочно-иерархического совершенствования» (Г. Симпсон, К.М. Завадский, С.Э. Шноль и др.) [36]. Они справедливо подчеркивают, что благодаря своему аккумулятивному характеру отбор не сводится к бесконечному перебору вариантов методом «проб и ошибок». Начинаясь в минимально упорядо-

ченной среде, процесс уже не возвращается в эту точку, поскольку в ходе его отбираются сначала самые простые сочетания исходных элементов, а затем — все более сложные их сочетания — блоки. Сочетания эти разрушаться уже не будут; так, в результате отбора шаг за шагом, но во все ускоряющемся темпе будет происходить накопление каких-то определенных свойств. Считается, что данный принцип подтверждает продуктивность концепции вероятностного детерминизма и объясняет, как ненаправленные события становятся, под воздействием отбора, фактором, определяющим возрастание упорядоченности. Однако блочно-иерархическое совершенствование в интерпретации этих исследователей исходно не направлено, «апостериорно» и потому, хотя данный принцип отражает аккумулятивность развития, он не является достаточным объяснением мирового процесса. Действительно, каким бы ни был слепой поиск, а специалисты различают несколько типов этого процесса, механизм «слепого поиска» не обладает информацией о сфере своего действия в целом [42]. Значит, в рамках этого подхода остается открытым вопрос о факторе отбора, о движущей силе развития, прямо определяющей его прогрессивный характер. Достоинством концепций «ненаправленного отбора» является то, что их авторы правильно отмечают объективно случайный характер единичных явлений, благодаря которому в мировом процессе только и может появиться нечто новое. Однако из этого делаются выводы, исключающие понимание развития как в целом закономерного процесса, а это, на наш взгляд, уже является ошибкой.

Другая крайность заключается в фактическом отрицании объективного характера случайности, многообразия возможностей и, соответственно, в признании **«эволюции без отбора»** («отбирать не из чего»). Видным сторонником этой концепции является шведский исследователь А. Лима-де-Фариа [18]. Его основная идея состоит в том, что никакие формы и функции не возникают вновь; они появляются как комбинации элементов предшествующего эволюционного уровня. Причем это комбинирование на любом этапе эволюции (включая и общественное развитие) жестко детерминиро-

вано физическими и химическими законами. Из подобных воззрений с необходимостью вытекает признание того, что разница между возможным и действительным носит всецело количественный характер; все возможности как бы раз и навсегда зафиксированы благодаря физико-химическим «импринтам». Очевидно, что развитие в данном случае интерпретируется как закономерное, что в принципе верно, но с позиций преформизма и редуccionизма, с чем согласиться также нельзя.

На наш взгляд, объективное существование случайного, как и многообразия возможностей, — это существенный момент действия всеобщего механизма отбора, который нельзя игнорировать без серьезного искажения соотношения важнейших категорий диалектики и самого действительного процесса развития. Как известно, научная философия утверждает, что случайность — это форма проявления и дополнение необходимости, которая как бы «осваивает», «отбирает» случайности. Случайное существует объективно, и его позитивная для процесса развития роль состоит в «расшатывании» прежней необходимости, в появлении нового, которое первоначально всегда возникает в форме случайных отклонений от прежней «нормы». В непосредственном плане, являясь «отступлением от типичного», случайность выступает как конструктивный фактор развития [25]. При этом случайные события, «взятые в целом, обнаруживают черты стройности, закономерности», и потому «случайность принимает вполне рациональный вид... она управляема...» [21]. Таким образом, получается, что «случай — это... интерференция всех известных и неизвестных законов, стянутых в одну точку...» И только поэтому множество «случаев», часто определяемое как «хаос», оказывается внутренне организованным, способным дать «на выходе» статистические закономерности [22].

Многообразие возможного в рамках научной философии также трактуется как объективно существующее; каждая возможность — это определенная тенденция, заложенная в действительности. Как отмечалось нами в предшествующей статье, в силу колоссальных масштабов сферы возможного и огромной роли случая

в реализации потенциала каждого действительного объекта необходимо предположить, что возможности различаются по степени общности и существует определенное правило их реализации: отбираются к реализации те особенные и единичные возможности, воплощение которых обеспечивает в итоге воплощение всех общих возможностей и тем самым реализацию основных этапов мирового процесса [9]. Только такая интерпретация селективного процесса позволяет совместить сильные стороны концепций «отбора-случайного поиска» и «эволюции без отбора», поскольку характеризует мировой процесс как объективно случайный по форме, но необходимый по содержанию.

Далее следует ответить на вопрос, благодаря каким процессам создаются локальные условия продолжения прогрессивно направленного мирового процесса? Ясно, что такие условия создаются благодаря избирательному ограничению прогресса большей части предметов отбора, воплотивших единичные возможности развития. По нашему мнению, это ограничение (т. е. элиминация и торможение части из них) наступает вследствие особых процессов — **соревнования (конкуренции) и подбора (системного отбора)** предметов друг с другом. Избирательное ограничение воплотивших единичные возможности предметов отбора мы интерпретируем как форму существования отбора, его результат, а их «соревнование» и «подбор» — как содержание отбора, действительную причину реализации новых единичных (и через них общих) возможностей прогрессивно направленного развития.

Поясним сказанное. Единичные и особенные возможности порождают наблюдаемое многообразие предметов отбора; если они репрезентируют одну общую возможность, то они близки по сложности, а их многообразие в этом смысле является «вырожденным», избыточным. Например, принадлежа к какой-то из основных форм материи, объекты действительности взаимодействуют друг с другом в рамках одного способа развития (физического или химического синтеза, биологического превращения, общественного производства) и соревнуются за «право» его осуществления. **Соревнование (конкуренцию)** можно определить как

соствязание в рамках системы отбора сходных предметов отбора, обладающих одинаковым (совпадающим) способом развития, который в силу законов системы может осуществляться лишь одним или немногими из числа предметов. Латинский по происхождению глагол *competere* переводится как «требовать того же, чего требует другое лицо»; практически в том же значении используется глагол *to compete* и в современном английском языке [23].

Естественно предположить — чем более сходными являются предметы отбора, тем более ожесточенной, антагонистической будет конкуренция между ними. Конкурирующие элементы подвержены мощному влиянию случайных факторов, которое нередко оказывается элиминирующим. Поэтому усложнение, приводящее к росту многообразия действительности в ходе мирового процесса, следует рассматривать как единственный и неизбежно реализующийся для каких-то из конкурирующих систем способ преодолеть наиболее антагонистические формы конкуренции и уменьшить вероятность случайной элиминации посредством становления собственной уникальности, «непохожести» на другие. Можно сказать, что по мере усложнения системы «подчиняют, осваивают случайности», превращая их в условие собственного развития. «Сложные системы (биологические, технокибернетические, социальные) способны нейтрализовать действие случайных факторов. Онтология случая... включает в себя и способы управления исходом событий в стохастической среде» [21].

Таким образом, многие похожие предметы отбора в ходе конкуренции элиминируются. Другие остаются на прежнем уровне сложности («тормозятся»), продолжая конкурировать «постарому». Наконец, некоторые преодолевают прежнюю конкуренцию, приобретая на пути усложнения новые, специфические свойства. Очевидно, что существенно различающиеся по сложности предметы должны характеризоваться менее острой конкуренцией. В этой связи представляется необходимым ввести понятие **подбора (системного отбора)**, как диалектической противоположности конкуренции. Его можно определить как взаимное дополнение в рамках системы отбора существенно разли-

чающихся предметов отбора, обладающих разными способами развития, которые в силу законов системы могут осуществляться лишь всеми предметами вместе, формируя общую направленность развития системы. Понятие подбор близко понятию выбор. В словаре Даля в числе прочих значений глагола «подбирать» находим «выбирать и собирать одно к одному по какому-либо порядку», а в словаре Ожегова «подобрать» определяется как «выбрать соответственно надобности, потребности».

Таким образом, конкуренция приводит к возникновению многообразия, а подбор это многообразие интегрирует, в результате чего мировая система в целом с необходимостью усложняется (сложность есть интегрированное многообразие). И соревнование, и подбор, которые определяются активностью материи, прогрессивной направленностью ее развития, следует рассматривать как содержание отбора, причину формирования условий продолжения мирового процесса, т. е. внутренних и внешних условий, способствующих «выходу в единичные» все новых общих возможностей. Так, и при формировании комплексных форм материи, и при формировании теневых систем простые и сложные объекты дифференцируются в ходе конкуренции простых сходных объектов; в достаточной степени различаясь, объекты разного уровня сложности начинают «подбираться», находят друг в друге возможности для продолжения собственного развития и тем самым для реализации следующих общих возможностей мирового процесса. При этом в каждый момент времени благодаря форме отбора (элиминации и торможению части предметов отбора) «подводится итог» соревнования и подбора последних. Соревнуясь и участвуя в подборе, предметы отбора проявляют свою активность во взаимодействии с фактором отбора — коэволюционной системой высшего и низшего, а, подвергаясь элиминации и торможению, демонстрируют момент собственной пассивности.

Долгое время синтезировать в рамках диалектического подхода представления о соревновании и подборе не удавалось. В этой связи Ф. Энгельс отмечал, что «до Дарвина именно те люди, которые теперь повсюду видят только

борьбу за существование... делали ударение как раз на сотрудничестве...»; и хотя «обе эти концепции в известных границах до известной степени правомерны... как та, так и другая одинаково односторонни и ограниченны». В действительности же «взаимодействие тел природы — как мертвых, так и живых — включает... как борьбу, так и сотрудничество» [40]. На наш взгляд, всеобщие процессы соревнования и подбора не исключают друг друга, а существуют в неразрывной связи, что обусловлено диалектическим единством противоположностей высшего и низшего. Очевидно, что любые взаимодействующие предметы отбора в ряде отношений являются сходными — и постольку могут конкурировать, а в ряде других существенно различаются — и постольку могут «подбираться». Поэтому в диалектике борьба и единство всегда рассматривались как два неразрывно связанных аспекта противоречия. С позиций общенаучного системного подхода конкуренция характерна для дискретных систем, состоящих из множества однотипных, слабосвязанных и взаимозаменяемых элементов, а подбор — для жесткофиксированных систем, состоящих из уникальных, тесно интегрированных элементов, которые находят друг в друге возможности для собственного развития. Однако очевидно, что названные крайние варианты организации систем не существуют «в чистом виде», а представляют собой различные формы единой системной сущности мира [20]. Получается, что каждый предмет отбора представляет собой «узел» в многоуровневой и многогранной «сети» из отношений конкуренции и подбора, очевидно, соответствующей «сети» отношений простого и сложного — наиболее фундаментальных отношений мировой системы [2].

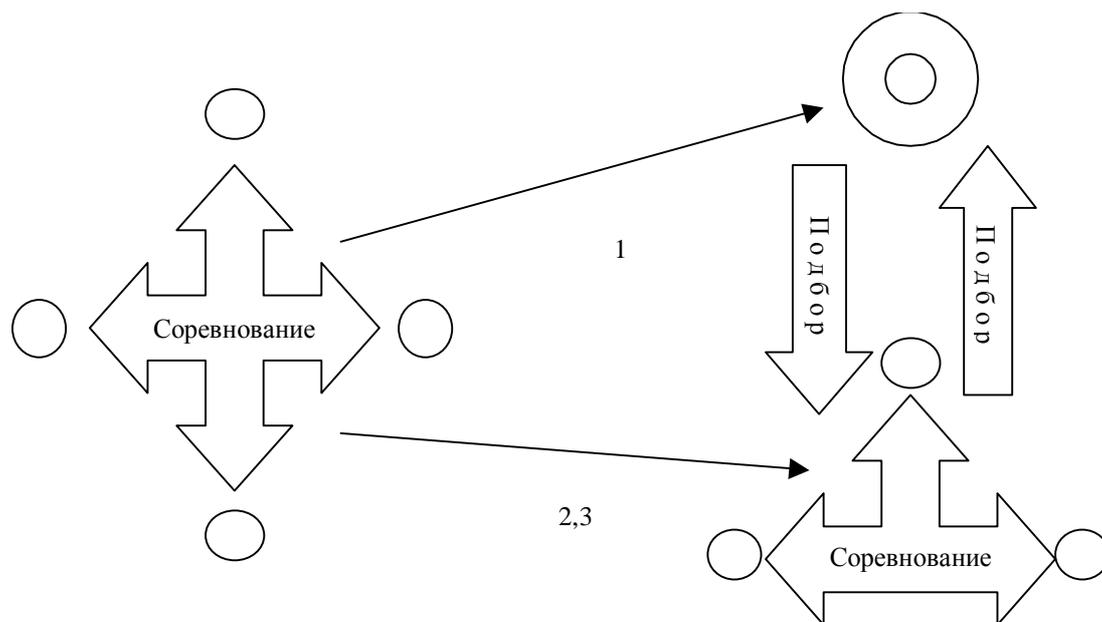
При этом именно соревнование, в котором выражаются существенные внутренние противоречия, «разводит», например, сходные объекты действительности по разным эволюционным траекториям, провоцируя нарастание различий по сложности, в чем и состоит главное содержание развития. В этом смысле соревнование (борьба противоположностей) является абсолютной стороной мирового процесса, а в качестве относительной стороны, в качестве момен-

та и условия конкуренции выступает подбор (единство противоположностей). Очевидно, что подбор различающихся предметов отбора возможен лишь как следствие конкуренции их сходных предшественников. Кроме того, собственно возникновение систем из «подобранных» элементов возможно только благодаря конкуренции таких систем друг с другом, при которой менее координированные системы элиминируются или тормозятся. Вместе с тем единичные предметы отбора конкурируют постольку, поскольку они похожи, т. е. воплощают какую-то одну общую возможность; постольку, поскольку же эти предметы воплощают разные общие возможности (например, уже реализованные возможности разных основных форм материи), они не конкурируют, а подбираются, находя друг в друге возможности собственного развития. Следовательно, конкуренция и элиминация не действуют на уровне уже реализованных уникальных общих возможностей развития. Общие возможности развития существенно различаются по своему содержанию и потому подбираются субстанцией друг к другу (через репрезентирующие их единичные возможности и объекты действительности) в том смысле, что, например, ни одна из реализованных основных форм материи не может исчезнуть. В противном случае субстанция, лишившись необходимых возможностей, условий самоусложнения, не сможет далее осуществлять самоотбор, утратит способность к самодвижению. Иными словами, мир в целом — это единственная в своем роде система, которая на определенном фундаментальном уровне организации предстает как абсолютно жесткофиксированная, состоящая из уникальных, не способных заменить друг друга элементов.

Мы уже упоминали о такой «клеточке», или **элементарном акте отбора**, когда весь единый закономерный мировой процесс можно вывести из **взаимодействия объектов-флуктуаций** — конкурентного, поскольку они похожи, и гармоничного, поскольку они различаются. Показательно, что Энгельс рассматривал именно взаимодействие вещей как *causa sui* развития [38]. На наш взгляд, элементарный акт отбора заключается во взаимодействии схожих предметов отбора, которое, в силу его конку-

рентного характера и действия случайностей, дифференцирует предметы посредством элиминации и торможения на более сложные и более простые, способные к интеграции (подбору). При минимуме допущений появляется возможность судить о **самоусложнении** мировой системы как о неизбежном процессе. Процесс этот благодаря коррелированным через сферу возможного дифференциации и интеграции

единичных объектов действительности оказывается в итоге **отбором на всеобщность, универсальность**, т. е. в конечном счете **отбором на сложность**. Обобщенная концепция прогрессивно направленного элементарного акта отбора и его роли в едином закономерном мировом процессе может быть представлена наглядно (см. рисунок).

Элементарный акт отбора (пояснения в тексте):

1 — магистраль мирового процесса: отбор более сложных «флуктуаций»; 2, 3 — направления развития включенного и невключенного низшего: отбор «флуктуаций», соответствующих высшему на магистрали в качестве его внутренних и внешних условий

Исходя из всего сказанного можно дать общее определение отбора как механизма развития. Отбор — это всеобщий механизм интегрального прогресса, включающий соревнование (дифференциацию) сходных и подбор (интеграцию) различающихся по сложности предметов отбора — флуктуационных воплощений единичных возможностей, формой которого выступает избирательная элиминация или торможение этих предметов, способствующая необходимой реализации всеобщей возможности (направленности) развития.

Действие механизма отбора, на наш взгляд, должно отражаться в теории как особая конкретно-всеобщая закономерность, связанная с другими, уже известными из конкретно-всеобщей теории развития закономерностями. Но если закономерность отбора — это кон-

кретно-всеобщая закономерность, то действие соответствующего всеобщего механизма следует рассматривать также применительно к особенному — т. е. к конкретным ступеням единого закономерного мирового процесса. Такое приложение будет весьма полезным для решения философских проблем частных наук. Следовательно, возникает необходимость изучения второй проблемы философской концепции отбора — исследования особенных черт отбора. Здесь отправным пунктом должно стать положение об отборе — развивающемся механизме, о необходимой последовательности его все более сложных конкретных исторических форм — физической, химической, биологической, социальной.

Вообще, идея развития объективных законов, в том числе законов эволюционных, для

научной философии не нова; одним из первых ее высказал Энгельс [39], а в XX в. она была поддержана широким кругом исследователей. В отношении развития отбора следует предположить соответствие последовательности форм отбора и последовательности способов развития основных форм материи. Действие каждой формы отбора проявляется в рамках соответствующей основной формы материи, обладающей специфической сущностью, способом развития и наделенной специфической модификацией всеобщей направленности развития. Мы исходим из того, что чем более усложняется материя, тем более «рельефно», ярко и непосредственно выражается ее активность в рамках соответствующих способов развития.

Следует согласиться с мнением М.Н. Руткевича о том, что «...чем выше форма движения материи и чем выше ступень освоения человеком мира, тем богаче содержание всех категорий диалектики» [16]. А это значит, что должно обогащаться и содержание связи всеобщих сторон объективной реальности, которую отражает связывающая ряд фундаментальных категорий диалектики закономерность отбора. Можно предположить, что с появлением все более сложных этапов мирового процесса сам отбор, его факторы и критерии также обогащаются, развиваются. Благодаря процессу аккумуляции содержания системы отбора делаются более «универсальными», во все меньших масштабах сосредоточивают необходимые элементы механизма развития, который осуществляет «акты отбора». С усложнением системы отбора устраняются наиболее «грубые» проявления внешнего, консервативного «отбора-сита» в отношении уже сформированных объектов действительности; формируется активный, творческий «отбор-выбор» возможностей к большей степени общности. В итоге всеобщее должно «индивидуализироваться» — степень выраженности природы субстанции в системах отбора должна нарастать. Системы отбора в ряду неживая природа — живая природа — человек должны демонстрировать тенденцию ко все большей самодетерминации, к превращению в субъекты активного, все более свободного выбора.

Список литературы

1. Барг О.А. Живое в едином мировом процессе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. С. 73.
2. Барг О.А. Указ. соч. С. 12 — 20.
3. Барг О.А. Указ. соч. С. 71, 76.
4. Берг Р.Л. Случайна или закономерна эволюция? Генетика и эволюция: избранные труды. Новосибирск: Наука, 1993. С. 237.
5. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003. С. 340.
6. Бранский В.П. Философия физики XX века. Итоги и перспективы. СПб.: Политехника, 2002. С. 68 — 73.
7. Варфоломеев С.Д. Химическая и инженерная энзимология // Современное естествознание: энциклопедия. М.: Магистр-Пресс, 2001. Т. 10. С. 237.
8. Визгин В.П. О соотношении химической и биологической эволюции // Проблема развития в современном естествознании. М.: Изд-во МГУ, 1968. С. 185.
9. Внутских А.Ю. Парадокс отбора и его возможное решение // Вестник Перм. ун-та. Серия Философия. Психология. Социология. 2011. № 3.
10. Внутских А.Ю., Корякин В.В. К вопросу о закономерном возникновении труда как сущностной силы человека // Новые идеи в философии. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. Вып. 11. С. 125 — 129.
11. Гегель Г.В.Ф. Философия природы // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1975. Т. 2. С. 361.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1979 — 1980. Т. 2. С. 710.
13. Карпинская Р.С. Философские проблемы молекулярной биологии. М.: Мысль, 1971. С. 192 — 196.
14. Кастельс М. Информационная эпоха. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 15, 26, 53, 114, 141.
15. Кастлер Г. Возникновение биологической организации. М.: Мир, 1967. С. 17 — 19, 29.
16. Категории диалектики (теоретико-методологические проблемы). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 111.
17. Ленин В.И. Философские тетради // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 29. С. 317.
18. Лима-де-Фариа А. Эволюция без отбора. М.: Мир, 1991. С. 25, 188 — 217, 236.
19. Маковка Н.М. Проблема выбора в диалектике возможности и действительности. Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1978. С. 34.
20. Малиновский А.А. Некоторые вопросы организации биологических систем // Тектология. Тео-

- рия систем. Теоретическая биология. М. 2000., С. 54 — 60.
21. *Марков В.А.* Феномен случайности: методологический анализ. Рига: Зинатне, 1988. С. 19, 29, 52, 54.
 22. *Марков В.А.* Указ. соч. С. 63, 76.
 23. *Мильн А.* Определение понятия «конкуренция» у животных // *Механизмы биологической конкуренции*. М.: Мир, 1964. С. 55.
 24. *Моисеев Н.Н.* Идеи естествознания и общественные науки. М.: ВЦ АН СССР, 1991. С. 12 — 13.
 25. *Необходимость и случайность*. Киев: Наукова думка, 1988. С. 89, 107, 109.
 26. *Орлов В.В.* История человеческого интеллекта. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. Ч. 3. С. 77.
 27. *Орлов В.В.* Указ. соч. С. 57 — 65.
 28. *Орлов В.В.* Указ. соч. С. 76 — 77.
 29. *Поппер К.* Дарвинизм как метафизическая исследовательская программа // *Вопросы философии*. 1995. № 12. С. 39 — 49.
 30. *Саган К.* Космос. СПб.: Амфора, 2005. С. 435 — 441.
 31. *Тахтаджян А.Л.* Principia tectologica. Принципы организации и трансформации сложных систем: Эволюционный подход. СПб.: СПХФА, 2001. С. 16.
 32. *Туунов М.П.* Три формы системной сущности мира // *Успехи современной биологии*. 2002. № 2. С. 204 — 208.
 33. *Урманцев Ю.А.* Эволюционика. Пущино: ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1988. С. 20 — 21.
 34. *Утробин И.С.* Сложность, развитие, научно-технический прогресс. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. С. 66 — 68.
 35. *Шмальгаузен И.И.* Факторы эволюции (теория стабилизирующего отбора). М.: Наука, 1968. С. 52 — 60, 194, 336 — 340.
 36. *Шноль С.Э.* Хватает ли времени для дарвиновской эволюции? // *Природа*. 1990. № 11.
 37. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 621.
 38. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. С. 546.
 39. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. С. 553 — 554.
 40. *Энгельс Ф.* Письмо П.Л. Лаврову от 12 — 17 ноября 1875 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М.: Госполитиздат, 1964. Т. 34. С. 133 — 134.
 41. *Эшби У.* Введение в кибернетику. М.: Иностранная литература, 1959. С. 185.
 42. *Kendall G.* Blind Searches // http://www.cs.nott.ac.uk/~gxxk/courses/g5ai/003blindsearches/blind_searches.htm (дата обращения: 12.10.2011.)
 43. *The shorter routledge encyclopedia of philosophy*. London, New York: Routledge, 2005. P. 161.

TWO ASPECTS OF SELECTION'S PHILOSOPHICAL CONCEPTION
Aleksandr Y. Vnutskikh

Perm State National Research University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Two aspects of philosophical conception of selection as a universal evolution mechanism are analyzed in the article. Firstly, we envisage selection as a process of obligate competitive differentiation of objects selection into more or less complex ones. Secondly, we define the goal of research of concrete selection forms features, which are associated with main forms of matter.

Key words: object; factor; criterion of selection; elimination; competition; assortment; unit process of selection.

УДК 111

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ VS ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОЕ (В КОНТЕКСТЕ ХАЙДЕГГЕРОВСКОГО ОСНОВАНИЯ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ МЫСЛИ)

Д.А. Шишкин

Дана трактовка основания метафизического в контексте определения М.Хайдеггера, а именно того, что «метафизическая мысль одновременно направлена на целое и экзистенцию» и её непосредственного взаимоотношения с постметафизическим. Делается акцент на том, что, несмотря на универсальность этого основания, оно не учитывает тех изменений, которые создали постметафизическое. Очерчиваются контуры постметафизического, отталкиваясь от метафизического. Рассмотрены сущность природы человека и положение рационального в постметафизическом.

Ключевые слова: метафизическое; постметафизическое; основания метафизики; природа человека; рационально-обусловленная личность; метанарративная догматика.

Постановка проблемы в общем виде и связь её с важными научными и практическими задачами. Современный философский дискурс по-прежнему имеет недоверие и массу претензий к понятию «постметафизическое». В данной работе делается попытка обосновать «постметафизическое», показать его право на существование исходя из тех изменений в бытии, которые окружают современного человека; кроме того, определить взаимосвязь постметафизического и метафизического — является ли первое составной частью второго или это два равных понятия.

Актуальность работы определяется огромной ролью противостояния метафизического и постметафизического в философском дискурсе, который предопределяет дальнейшее развитие и, по сути, ход всей истории.

Проблема заключается в типологической специфике метафизических оснований для обоснования постметафизического.

Обзор исследований и публикаций, которые были использованы для решения данной проблемы. Метафизический дискурс по своей сути всегда был стержневым в философии. Одним из тех, кто продолжил развитие традиции классической метафизики и внес огромный вклад в

метафизический дискурс, стал М.Хайдеггер. Именно его понимание метафизики послужило объектом анализа в данной работе.

Одной из последних работ в области метафизики является монография В.И. Пронякина «Западноевропейская метафизика: истоки, эволюционные трансформации, перспективы», в которой основная проблематика погружена в культурно-исторический контекст.

Постановка задачи. Цель статьи — показать легитимность использования понятия «постметафизическое». Для достижения данной цели необходимо последовательно решить ряд задач, которые можно сформулировать следующим образом: 1) определить основания постметафизического, исходя из основания метафизического, которое было выдвинуто М.Хайдеггером; 2) обозначить природу человека в ключе метафизического и постметафизического; 3) обозначить понятие рационального в постметафизическом.

Изложение основного материала. В своих метафизических воззрениях В. Пронякин вслед за М. Хайдеггером (как бы вторя ему) признает лишь одно основание метафизики, формулируя его как «архетипически-антропологическая неумно-неустранимая жажда человека (как ви-

дового существа) освоить мир как целое и экзистенциально пережить его», выделяя кроме этой потребности освоения мира как целого еще потребность в красоте, потребность в Высшем Существо, что, безусловно, является неким каркасом в осознании метафизической мысли. В наших предыдущих статьях, описывая основания метафизики, были выделены рефлексия и спекулятивность [4, с.255], что в той или иной мере органично вписывается в упомянутую формулу потребности освоения мира как целого. Но для того, чтобы в большей мере рассмотреть метафизические основания, остановимся, прежде всего, на хайдеггеровской формуле — «метафизическая мысль направлена на целое и захватывает экзистенцию» [3, с.333] вслед ее авторитетности и универсальности. В подтверждение этого приведем цитату из монографии В. Пронякина «Западно-европейская метафизика: истоки, эволюционные трансформации, перспективы»: «Анализ мотивационно-интенциональной динамики метафизики показывает, что ее статусная (мировоззренческая и когнитивная) определенность во многом обусловлена характером предметно-эпистемных ориентаций мышления, не удовлетворяющегося регистрацией эмпирических фактов и стремящегося освоить мир во всей его полноте и цельности, раскрыть сущностные его свойства» [2, с.18], что более широко раскрывает сущность хайдеггеровской формулы.

В эту формулу достаточно комфортно входит вся западноевропейская метафизика со всеми её интенциями на истину как того, что открывается с помощью череды логических умозаключений.

Следует отметить, что хайдеггеровская формула универсальна вследствие своей «открытости» — в неё достаточно органично можно вписать наивную натурфилософию, религиозную схоластику и весь постметафизический дискурс. Отсюда возникает потребность в какой-то конкретизации, тем более, что перед нами стоит задача сформулировать основания не метафизики, а того, что находится за ними — основания постметафизики.

Итак, метафизический хайдеггеровский каркас упускает одно из главнейших метафизических свойств, а именно: *интенцию на истинность* или даже на нахождение истины. Она как бы подразумевается, но не упоминается то, что фактически разделяет метафизику и постметафизику.

Следует признать, что если исходить из этой хайдеггеровской формулы, то постметафизики быть не может, поскольку всё, что человек не производит, он производит из собственной потребности, которая, безусловно, направлена на охват целого и, несомненно, экзистенциально привязана. Но следует признать, что сама суть этой интенции изменилась, а значит, если переформулировать (или дополнить) Хайдеггера под постметафизику, можно сказать: «Постметафизическая мысль выходит из заданной схемы, где был один вектор — Разум». Причем исключая *ratio*, постметафизическое не заменяет его чем-либо, тем самым образовывается мнимая пустота, потому как в этой хаотической пустоте вырисовываются определенные образы, о которых постоянно твердят постметафизические исследователи И.Хассан и др. Речь идет о полиморфности, деконструкции, ацентризме, хаосмосе и т.д.

Не следует рассматривать постметафизику как абсолютную радикализацию, которая «перевернула все с ног на голову» как хайдеггеровская формула, которая по своей сути осталась нетронутой (несмотря на наши попытки уточнения), так как она в такой же мере относится к метафизике, как и к постметафизике. Следовательно, необходимо разрушить представления о том, что постметафизика должна нам представить постчеловека.

Проанализируем противостояние метафизического и постметафизического как противопоставление двух личностей. Первую условно выделим как рационально-обусловленную личность, вторую — лишенную этой рациональной обусловленности.

Можно достаточно четко представить себе рационально-обусловленную личность, где *ratio* — метанарративная догматика, которая нетерпима к любому инакомыслию, где уверенность

в правоте обосновывается верой в кого-либо, во что-либо (Бога, рай, светлое будущее, справедливость, очищение), в красном уголке находится метанарративная сверхличность, а человек всегда стремится к некоему духовному совершенству.

Рассмотрим личность, лишенную этой рациональной обусловленности, лишенную догматического, а значит, идеологического, следовательно, постоянно меняющуюся. Следует, пожалуй, выделить в постметафизической личности эпитет «лишенный» — как не обременённый поисками на истину. Итак, признавая некую универсальность хайдеггеровской формулы, мы приходим к выводу о том, что постметафизический человек лишен определенных вещей. Вводя понятие «постметафизический человек», мы лишь пытаемся обособить его — современного человека постиндустриальной цивилизации с огромными потребительскими интенциями, которые по сути своей безыдейны, циничны, — от человека, который стремился к высоким идеалам — добра, любви, справедливости, равенства и пр.

Теперь обратимся к природе человека. Человек — слабое существо, «всего лишь тростник» [1, с.282], который стремится вслед этой слабости к определенным статичным основам собственного мироздания. Под основами мы понимаем авторитарные методы, т. е. определенные устойчивые незыблемые правила. Следует заметить, что этот консерватизм крайне развит у детей и стариков. У детей — так как существует некая бессознательная тяга к статичности, а у стариков — в силу желания как-то упростить, упорядочить окружающий хаос. Тогда как молодежь — более гибка, способна изменяться, подстраиваться, приспособливаться. (В данном аспекте вполне уместно коснуться человеческой жизни как череде циклов, где начало и конец — костны и статичны). Безусловно, следует оговориться, что понятия «дети», «молодежь», «старики» — некие условные символические категории, за которыми стоят вполне конкретные возрастные психофизиологические особенности человека. Речь идет не только о режиме дня (в таком почти кантов-

ском понимании), но и о бытовых установках, например чистить зубы сначала верхние, затем нижние; расставлять продукты в холодильнике определенным образом; располагать каналы на ТВ в определенном порядке; ходить определенным маршрутом, есть из определенной тарелки и прочее, что условно можно определить как «микроуровень» человеческих установок. «Макроуровень» — это статичность или же приближение к ней в понимании красоты, добра, справедливости и прочих общих понятий, которыми апеллирует каждый человек.

Соответственно так или иначе человек стремится к некоему «постоянству», авторитарности, догматичности. Все, что в том или ином виде описывает человека в его закостенелых бытовых привычках на «микроуровне», можно относить и к его макрокосмическим установкам на «макроуровне».

Следовательно, постметафизика есть в определенном смысле разрушение собственной человеческой природы, параноидальность в разрушении закостенелости, что в том или ином виде чревато и до определенной степени является невозможным.

Не следует воспринимать постметафизику как борьбу с собственной человеческой природой, потому как «нашествие» ее началось не изнутри, а снаружи — от ухода, разочарования, фиглярства и гримасничества. Рассмотрим причины появления постметафизического, которое задело лишь маленькую толику огромного айсберга под названием «статичность человеческой природы» и совершило настоящую революцию в философии, именуемую многими постмодерным поворотом. Невозможно себе представить, какие масштабы изменений могут (или могли бы) произойти, если бы постметафизическое (здесь как динамичное, стремящееся всяким способом уйти от единственно правильного) коснется (или коснулось бы) «микроуровня» человеческой природы. Тем самым постметафизика как доминанта постметафизического в человеческой природе еще не наступила, но четко обозначила себя.

Следует коснуться и вопроса о возможности полновесной эпохи постметафизической

доминанты и вытеснения метафизической рациональности. На сегодня такой исход событий или даже просто прогноз будет поспешно категоричным, поскольку такой ход событий кажется крайне маловероятным: должны произойти какие-то невероятные причины для таких радикальных изменений (или хотя бы быть предпосылки для них), которые сегодня не наблюдаются. И наоборот, инертное развитие либеральных инноваций подчеркивает, что авторитарность, традиционность, статичность по-прежнему сильны и не исчерпали своего ресурса.

Точно так же и постмодерн (здесь как культура постметафизического) не исчерпал себя, он имеет свои тенденции, но в то же время несёт в себе человеческую природу, которой противен весь плюрализм. Этим мы обозначим *парадокс постметафизического*, который в конечном итоге приведет к «свержению» постметафизического. Иными словами, постмодерн зиждется на постметафизической плюральности, тогда как сущность природы человека стремится к статичности.

Рассуждая о человеческой природе, следует подчеркнуть главную ошибку, которую допускает рационально-обусловленная личность — это излишнее упрощение, из-за которой зачастую какая-либо система сводится к простой дуальности, где существует лишь белое — черное, доброе — злое, красивое — некрасивое и т.д. Пожалуй, представление о постметафизическом как о появлении постчеловека можно отнести именно к этому ряду. Постметафизический подход — это плюрализация подходов. Выделенный парадокс постметафизического: стремясь к статичности, человек по своей сути разрушает статичную метафизику, лишней раз подчеркивая эту «сложность», и обосновывает правомочность постметафизического.

Далее остановимся на том, что человеческая природа и человек — это два параллельных явления, которые могли бы никогда не встретиться, если бы не метафизика.

Рассмотрим проблему рационального в контексте метафизического — постметафизического. Человек — существо разумное (Homo

Sapiens), отсюда все человеческие артефакты по природе своей рациональны. Такое понимание рациональности отрицает человеческую нерациональность как таковую, потому как любая деятельность, строго направленная на разрушение рациональности, является тем же самым человеческим артефактом, только с другим знаком. Следовательно, говоря о нерациональности, имеют в виду отход от определенных стереотипов, парадигмы, т. е. отход от определённых рамок.

Этот довод вызывает сомнения относительно существования постметафизического. Следовательно, можно говорить о пострациональном как об инварианте рационального, тогда как о постметафизическом — инварианте метафизического; при этом, четко обозначив, что пострациональное противопоставляет себя в целом рациональному, а постметафизическое — метафизическому. Необходимо уточнить, что такое понимание постметафизической рациональности является поверхностным, так как постметафизическое изменило саму суть рациональности. Теперь она является дискретной, многовекторной, полицентричной и так далее, что, так или иначе, характеризует её как параллельную по отношению к метафизической рациональности.

Нельзя говорить о том, что рациональное и метафизическое изжило себя как таковое. Человеческий разум стремится к обособлению собственного Я, т.е. к обособленности, проговариванию нового, отличного от предыдущего. Но вслед ограниченности, лимитированности человеческих способностей (в том числе статике человеческой природы) он лишь меняет парадигму на другую, выделяя то один момент, то другой.

Метафизика (включая постметафизику) по своей сути — человеческая обреченность на отсутствие помощников, которые могли бы научить, показать, рассказать о «правилах» существования во Вселенной. Отсутствие таких создало массу предпосылок для того, чтобы метафизическое мышление — субъективное, рефлексивное — стало правомочным, легитимным источником знания.

Следует заметить, что борьба за легитимацию знания, идущего вслед метафизическому мышлению, продолжается, и появление постметафизического возможно в той или иной мере соотносить с этой борьбой за легитимацию.

Метафизические категории также должны постоянно доказывать свою состоятельность. Так, человеческое одиночество и отсутствие помощника/помощников является некой метафизической предпосылкой, которая открывает путь к свободе метафизического мышления. Метафизическая и постметафизическая свобода — это свобода опыта и рефлексии. Однако разница между ними огромная — первая представляет собой исключительно свободу своей субъективности, тогда как постметафизическая — свободу чужой (или же иной) субъективности. Чужой в данном случае употребляется как синоним потери собственной интенции на истину.

Подводя итоги, остановимся на таком аспекте вопроса противопоставления метафизического и постметафизического — является ли постметафизика частью метафизики? Является, как пост-искусство является искусством, при этом подчеркивая и противопоставляя себя последнему. То есть нахождение постметафизики в рамках метафизики несколько не уменьшает роль первой, а возможно, даже умножает его. Постметафизическое достаточно органично входит в хайдеггеровское основание метафизической мысли, постметафизическое — это плоть и кровь метафизики, так как существует в тех же рамках человеческой природы, в рамках *ratio*, при этом подчеркивая свою особенность и претендуя на исключительность (в этом плане противопоставляя категории постметафизического, подчеркивая их разницу по отношению к метафизическому).

Эпоха постметафизической доминанты не наступила, прежде всего, в силу статичности и инертности человеческой природы, но при этом постметафизическое получило право на легитимацию как явление, характеризующее и обобщающее множественность современной культуры западноевропейской цивилизации,

так как лишь появление некоторых черт постметафизического стало настоящим переворотом в философском дискурсе.

Выводы. За основания метафизического принята хайдеггеровская формула — метафизическая мысль направлена на целое и экзистенцию (как инвариант рефлексии и спекулятивности). Данная формула в равной степени применима и к постметафизическому, поскольку она не выводит на первый план отношение к *ratio*. Именно это обстоятельство обеспечивает универсальность определения М.Хайдеггера, как и его слабость, потому как не может объяснить те изменения, которые произошли в природе человека. Исходя из этого, для конкретизации основания постметафизического следует дополнить следующее: постметафизическая мысль выходит из заданной схемы, где был один вектор — Разум.

Обозначена природа человека как внутренне направленная на статику, инертность, тогда как внешне — стремящаяся к авторитарности, догматичности, что в той или иной мере оправдывает метафизическую суть человека. Отсюда феномен человеческой природы объясняется парадоксом постметафизического. Крайне важным является понимание двух уровней человеческой природы, потому как постметафизическое исходит именно от того, что на «макроуровне» произошло осознание деструктивности подобной статики, т.е. первопричина постметафизического идет не изнутри, а снаружи.

Понимание рационального также является граничным в метафизическом и постметафизическом. При этом «пострациональное» не является нерациональным по своей природе, потому как является точно таким же артефактом разума, как и «пра-пострациональное».

Перспективы. В данной работе обозначены лишь три аспекта: обоснования постметафизического основания, рассмотрение природы человека и раскрытие содержания постметафизической рациональности, что является частью огромной философской дискуссии, которая должна продолжаться.

Список литературы

1. *Паскаль Б.* Мысли // Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии: Древний мир эпоха Просвещения. М.: Политиздат, 1991. С. 282-286.
2. *Пронякин В.И.* Западноевропейская метафизика: истоки, эволюционные трансформации, перспективы: монография. Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. нац. ун-та, 2006. 360 с.
3. *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики // Время и бытие. М., 1993. С. 327-344.
4. *Шушкін Д.О.* // Гілея: науковий вісник: збірник наукових праць / Гол. ред. В.М. Вашкевич. К.: ВІР УАН, 2011. Вип. 51. С.254-258.

THE METAPHYSICAL VS THE POSTMETAPHYSICAL
(IN THE CONTEXT OF HEIDEGGER'S BASIS OF METAPHYSICAL THOUGHT)
Dmitriy A. Shyshkin

Dnepropetrovsk National University named Oles Gonchar, 72, pr. Yuri Gagarin, Dnepropetrovsk, 49050, Ukraine

Interpretation of foundation of metaphysical in a context determination of M.Heidegger is considered namely that a «metaphysical idea is simultaneously directed on unit and existence» and its direct interrelation with post-metaphysical. An accent is done on that in spite of universality of this foundation it does not take into account those changes which created post-metaphysical. Contours hatch post-metaphysical pushing off from metaphysical. Essence of human nature is considered.

Keywords: metaphysical, post-metaphysical, bases of metaphysics, human nature, rational-conditioned personality, metanarrative dogmatics.

УДК 117

ПРОБЛЕМА МАССЫ И ЭНЕРГИИ В АСПЕКТЕ УЧЕТА СУБФИЗИЧЕСКОЙ ФОРМЫ МАТЕРИИ

В.В. Киселев

В статье проводится анализ понятий массы и энергии с точки зрения современной физики. Показано, что на сегодняшний день данные понятия имеют лишь феноменологический, описательный характер. В физической науке не выявлена глубинная сущность данных понятий. Нами предполагается, что для определения сущности данных понятий необходимо введение в науку представлений о субфизической форме материи, для которой не существует массы и энергии в привычном нам понимании.

Ключевые слова: масса; энергия; материя; субфизическая форма материи.

Методологический аспект проблемы массы и энергии

При поверхностном прочтении данной статьи у читателя может возникнуть предположение о возможности прямолинейной экстраполяции механических свойств на иные формы объективной реальности, что в философии принято называть механицизмом. Однако в настоящей статье и в других наших работах [15] мы никогда не допускали возможности экстраполяции механических свойств одних форм материи на другие. Подобное представление складывается в силу того обстоятельства, что, к сожалению, на сегодняшний день мы еще не подобрали нужных определений к описанию той реальности, которую исследуем — субфизической формы материи. В настоящее время нужна новая механика (еще не выработанная современной теоретической физикой) для описания движения элементов новой формы материи.

Таким образом, цель работы - отнюдь не возврат к механицизму, справедливо раскритикованному в свое время основоположниками научной философии. Наша задача — показать, что у любого явления есть своя причинная основа на нижележащих уровнях материи. Так, у социального есть биологическая, физиологическая, биохимическая, физическая и субфизическая основа.

Для нас (философов, занимающихся научной философией) необходимо установить связь

между устаревшими (верно раскритикованными марксизмом понятиями) и совершенно новыми понятиями, ничего не имеющими общего с известным в философии механицизмом.

Современная фундаментальная смешивает две формы материи в одну — и физическую, и субфизическую. Причем государства тратят огромные деньги на строительство коллайдера, физики тщетно пытаются найти гипотетическую частицу Хиггса и подтвердить свои надуманные и усложненные теории, которые, возможно, в будущем будут восприниматься аналогично так же, как воспринимаются сегодня теории теплорода и флогистона, эпициклов и деферентов Птолемея и т.п.

Проблема массы

На сегодняшний день в современной физике содержание такого фундаментального понятия, как «масса», несмотря на его первостепенную важность и статус необходимого концептуального инструмента научного мышления, раскрыто явно недостаточно [1]. Природа массы — основной вопрос для современной физики [2]. Особая трудность заключается в объяснении спектра масс наблюдаемых частиц (набор значений масс элементарных частиц). В настоящее время установлены лишь некоторые закономерности в распределении этих масс, точного же предсказания их значений получить не удаётся. Считается, что задачу можно решить после того, как будет обнаружен бозон Хиггса, но

до сих пор неизвестно, реализуется ли в действительности в природе механизм Хиггса.

Известно, что на протяжении истории науки представление о массе менялось. Первоначально (XVII–XIX вв.) массой характеризовали «количество вещества» в физическом объекте, от которого, по представлениям того времени, зависели не только способность объекта сопротивляться приложенной силе, при этом сохраняя свою скорость в отсутствии взаимодействия с другими телами (способность к инертности), но и гравитационные свойства — вес.

В физике вес и масса считаются разными понятиями. Вес может меняться в разных географических координатах, высотах, воде, в состоянии невесомости.

В классической механике выделяется инертная и гравитационная масса, которые по современным общепризнанным представлениям считаются равными.

В свою очередь, гравитационная масса может быть активной (например, масса Земли, притягивающая тело) и пассивной (масса притягивающегося к земле тела).

В классической механике Ньютона масса тела: 1) не зависит от скорости его движения; 2) равна сумме масс всех частиц (или материальных точек), из которых оно состоит; 3) закон сохранения масс: при любых процессах, происходящих в системе тел, ее масса остается неизменной [3].

В дальнейшем при переходе к изучению движения заряженных частиц и их взаимодействий в физике появились определенные трудности, связанные с выбором подходящих критериев и коэффициентов масс.

Так, в релятивистской механике Эйнштейна появляются такие понятия, как динамическая масса и масса покоя. Было установлено, что частица вне зависимости от заряда может обладать собственной массой m_0 , т.е. массой покоя, которую следует отличать от массы движущейся частицы или, иначе, динамической массы. Собственная масса является абсолютной величиной, поскольку в ней система отчета раз и навсегда фиксирована, «привязана» к телу [4]. Открытием Эйнштейна было осознание того, что обычное покоящееся вещество обладает

колоссальным запасом энергии, хранящемся в его массе.

Довольно часто (особенно в научно-популярной литературе) «знаменитое уравнение Эйнштейна» ($E_0=mc^2$) описывают, опуская индекс 0. Тщательно проведенный анализ Л.Б. Окуня[5] показывает, что Эйнштейн под энергией и массой понимал именно энергию покоя (содержащуюся в покоящемся теле) и массу покоя (т.е. собственную абсолютную массу). Отсюда следует (вопреки устоявшемуся неправильному пониманию данной формулы Эйнштейна), что масса тела не зависит от скорости, с которой оно движется, и, следовательно, не зависит от его кинетической энергии.

Как известно, абсолютного покоя не существует, по нашему мнению, введение таких понятий, как масса покоя и энергия покоя, связано с математическим подстраиванием формул под эксперимент. Как такового покоя в природе не существует, существует сбалансированное и несбалансированное состояние. Применительно к фотону можно ответить, что он обладает настолько ничтожной массой, что ни в каких экспериментах ее обнаружить не удавалось. Поэтому обычно полагают, что масса фотона равна нулю. Кроме того, фотон, как мера и переносчик энергии, по своей априори не может находиться в состоянии покоя, поэтому его массу покоя нельзя измерить. Между тем принято считать, что, несмотря на постоянное движение фотона, его центр инерции может находиться в состоянии покоя [6]. Во всех взаимодействиях элементарных частиц происходит распад энергии покоя на энергию движения. При этом полная энергия изолированной системы сохраняется. Сохраняется и масса системы, но не сохраняются массы отдельных ее частиц. Массивные частицы переходят в менее массивные, а то и вовсе в безмассовые. Однако в последнем случае «безмассовость» частицы является условной величиной, поскольку в тех или иных математических расчетах масса безмассовых частиц себя не проявляет.

Возможно предположить, что у фотона, как и у любого материального объекта, есть масса. Другое дело, что материя, из которого состоит тело, бывает разной. Так, условно матерью, из

которой состоит фотон, можно назвать субфизической материей, которую трудно обнаружить современными регистрирующими приборами и соответственно измерить массу какой-либо субфизической частицы. С другой стороны, это не мешает определить фотон в виде некой границы, разделяющей нашу и не нашу материю (в сторону ее убывания). Если рассматривать Нашу материю в сторону возрастания, то границей ее перехода в новый вид материи (космологический уровень материи) будет совокупность сверхскоплений галактик, которые на каком-то отрезке своего диаметра будут представлять собой фундаментальную частицу Макромира (как основу нового космологического уровня материи).

В этом случае мы можем сказать, что у фотона есть масса (для наблюдателя из субфизической материи), точно так же, как есть масса у звезд, галактик и их сверхскоплений, которые наблюдаем мы, находясь в Нашей материи.

Продолжим анализ исторического аспекта понятия массы. Введенные Эйнштейном понятия релятивистской массы и массы покоя привнесли определенные трудности в релятивистскую механику. Открываются нарушения закона сохранения массы. Данное явление было названо термином «**дефект массы**». Установлено, что масса атомного ядра меньше, чем сумма собственных масс частиц, входящих в ядро. И наоборот, масса частицы, способной к самопроизвольному распаду, больше суммы собственных масс продуктов распада. Например, при распаде свободного нейтрона (являющегося радиоактивным) наблюдается превышение энергии суммы масс протона, электрона и нейтрино (продуктов бета распада) [7]. При образовании одного пи-мезона из пары нуклон-антинуклон выделяется энергия, превышающая 10 пи-мезонных масс[8].

Вышеописанный дефект массы приобретает существенное значение в ядерной физике. В связи с этим масса может выступать как мера освобожденной или поглощенной энергии. Другими словами, чтобы расщепить ту или иную систему (например, систему частиц), необходимо приложить энергию превосходящей массы. Эта энергия (частица) может быть со-

ставной частью системы, поскольку она (составная частица системы) превышает массу целой системы.

Таким образом, возникает парадокс масс или противоречие традиционным (классическим) представлениям, касающимся природы материи.

С древних времен известны две основные материалистические точки зрения на природу материи. Условно их можно назвать концепциями Демократа и Эмпедокла¹. Концепция Демокрита подразумевает существование какой-либо первоматерии (атома, архе, первоначала). Концепция Эмпедокла подразумевает существование бесконечной делимости вещества или бесконечную иерархию форм материи как в сторону макро-, так и микроглубин.

В физической науке на заре ее становления подобные идеи были трансформированы в виде противоположных концепций (корпускулярной и континуальной), которые также можно свести к идеям Демокрита и Эмпедокла. Так, например, в соответствии с корпускулярной моделью мир состоит из какой-либо более неделимой первоматерии (атомов, корпускул и т.п.). В соответствии с континуальной моделью мир состоит из величин бесконечной малой дробности[9].

В современной ядерной физике появляется совершенно новое представление на природу материи, не включающее в себя идеи ни Демокрита, ни Эмпедокла. В соответствии с данным представлением привычное понятие «состоит из...», приобретая иной смысл. Так, совсем недавно на языке физиков начала 20-го в. понятие «состоит из...» означало, что объекты физики (кристалл, молекула, атом) представляют собой систему, состоящую из частиц, меньших по своим массам и своим пространст-

¹ Подобную классификацию предложил М.А. Марков, который справедливо указал, что имена Демокрита и Эмпедокла в данном случае являются не более чем условными индексами для обозначения содержания концепций. Вместо них могут быть использованы и другие имена. Кроме того, как известно, Эмпедокл является автором, как бы мы теперь сказали, «теорий четырех стихий» и их бесконечной делимости.

венным размерам. Данные представления укладывались как в идеи Демокрита, так и Эмпедокла.

Квантовая механика открыла новые горизонты в понимании сущности материи и такой ее характеристики, как массы.

Все началось с интерпретации Гейзенбергом (одного из создателей квантовой механики) сформулированного им принципа неопределенности. Если частица малой массы заключена в очень малом объеме, то ее кинетическая энергия возрастает с уменьшением этой области таким образом, что с неограниченным уменьшением этой области кинетическая энергия частицы и, следовательно, ее полная масса стремятся к бесконечности.

Таким образом, оказывается, что принципиально нельзя построить бесконечно «мелкую» структуру данного объекта данной массы, пытаясь строить его механически из частиц меньших масс, занимающих все меньшие объемы в структуре данного объекта. По этой причине оказались в свое время несостоятельными модели ядра, где предполагалось, что электроны находятся в составе ядра, как связывающая субстанция между протонами, образующими данную систему. Обладая большой кинетической энергией электрон, локализованный в области ядра, не может быть удержан в его границах электрическими силами.

Таким образом, как мы видим, с одной стороны исчерпывается идея Эмпедокла о бесконечной делимости материи и существовании ее разных бесконечных форм.

С другой стороны, рождается идея, дающая возможность своеобразным путем продолжить «линию Эмпедокла». В отличие от традиционной идеи о структуре материи, согласно которой объекты строились из частиц все меньших и меньших масс, возникла идея строить частицы данных масс из более фундаментальных частиц, обладающих большими массами. Так возникла идея строить пи-мезоны из более тяжелых нуклонов и антинуклонов, нуклоны — из частиц еще больших по массе кварков. Кваркам приписывается масса, равная массам многих нуклонов. К примеру, масса t-кварка составляет около 190 масс протона, что сопос-

тавимо с массой ядра золота, состоящего из 79 протонов и 118 нейтронов.

Согласно такой идее, если частицы состоят из частиц более больших масс, можно предположить, что существуют частицы бесконечно больших масс. Однако М.А. Марков вводит ограничения этой идеи, высказав предположение о существовании элементарной частицы с экстремально большой массой — **максимона** ($\sim 10^5$ gr) [10].

Таким образом, мы видим, что две идеи, ведущие свое начало с глубокой древности, современной ядерной физикой отвергаются. С одной стороны, можно предположить, что если идея Эмпедокла себя исчерпала, то в таком случае оправдывает себя идея Демокрита: согласно современным представлениям первоматерией можно назвать кварки и лептоны, а также гипотетические преоны, из которых могут состоять лептоны и кварки. С другой стороны, выдвигаются предположения, что решение проблемы о структуре материи может находиться ни в сфере идей Эмпедокла, ни в сфере идей Демокрита. Речь идет о так называемой «ядерной демократии» [11].

Согласно концепции ядерной демократии «Всё» (т.е. каждая элементарная частица) состоит из «Всего» (т.е. всех элементарных частиц). Другими словами: большая частица состоит из малой частицы, а малая частица — из большой. Происходит какое-то абстрактное взаимопревращение частиц друг в друга: больших — в малые, а малых — в большие.

По нашему мнению, вышеуказанный тезис («все состоит из всего»), возможно, не имеет научного смысла, так как содержит в себе крайнее обобщение.

По нашему мнению, идеи Демокрита и Эмпедокла действительно можно соединить в единую концепцию, если представить, что какая-либо материя или ее форма на определенном этапе развития представляет собой самосформированную устойчивую систему, которая может быть основой («первокирпичиком», фундаментом) для строительства новой формы материи. В то же время данная форма материи имеет свою структуру, которая уходит своими корнями к новой **дискретной величине** —

форме материи, представляющей собой устойчивую самосформированную систему. В свою очередь последняя система также имеет под собой свой фундамент, свою структуру, которая также имеет свои бесконечно дробные характеристики.

Трудности в понимании структуры материи, природы массы и энергии, которые стоят в настоящий момент перед физикой элементарных частиц, на наш взгляд, возникли в связи с отказом от традиционных, вполне логичных с точки зрения материализма, представлений, сформированных еще в идеях Демокрита и Эмпедокла. В результате данного отказа появились довольно сложные для восприятия картины, вполне, возможно, искажающие истинное представление о структуре материи на микроуровне.

В данном случае можно согласиться с утверждением М.И. Беляева [12] о том, что процесс создания некоторых основных положений квантовой физики, а вместе с ними — тех или иных теорий физических полей строится вопреки традиционным принципам познания: «от простого к сложному». Вместо них предлагаются принципы создания новых теорий «от сложного к сверхсложному, а от сверхсложного — к еще более сложному», порой совершенно невероятному с точки зрения здравого смысла и элементарной логики.

На наш взгляд, большой вклад в понимание сущности «дефекта масс» вносит предположение о существовании субфизической формы материи. Согласно ему дефект масс может быть объяснен за счет перехода части физической материи из состава частиц в окружающую их среду субфизической материи. В соответствии с нашей концепцией получается, что в результате любых взаимодействий частиц физической материи происходит перераспределение входящих в них частиц субфизической материи. Данное перераспределение происходит вместе с высвобождением частиц субфизической материи и вступлением их в различные взаимодействия, которые могут заканчиваться образованием каких-либо стабильных или нестабильных частиц физической материи. Кроме того, новообразование частиц физической материи

может и не происходить, поэтому какая-то массовая доля частиц физической материи безвозвратно переходит в субфизическую материю, которая не регистрируется на данный момент современными приборами.

При взаимодействии тех или иных элементарных частиц может действительно высвободиться огромная энергия, превосходящая массу первоначальной частицы. Однако указанный парадокс масс связан не с наличием огромных масс частиц «первоматерии», а в связи с вступлением во взаимодействие высвободившейся субфизической энергии с веществом и полем «Нашей материи». В результате данного взаимодействия и рождается частица, превосходящая по массе расщепленную первоначальную частицу.

В последующих параграфах данной главы мы рассмотрим, какие, на наш взгляд, неточности и ошибки были заложены физиками-теоретиками при создании тех или иных теорий и принципов, относящихся в большей степени к квантовой механике.

Укажем, что, на наш взгляд, для **решения проблем**, связанных с выяснением сущности масс в ядерной физике, необходимо выполнить следующие условия.

1. Вернуться к принципам классической механики и идеям бесконечной дискретной делимости материи. Необходимо вернуть понятие силы применимо к явлениям субъядерного мира. Как известно, в современной ядерной физике интенсивность сильного и слабого взаимодействия измеряется в *единицах энергии* (электрон-вольтах), а не *единицах силы*. В ядерной физике действительно привычных нам ньютоновских сил уже нет. Но есть силы другой материи, которые, по нашему мнению, можно с определенными поправками выразить с помощью классической механики. Заменять же понятие классической силы некими абстрактными взаимодействиями между частицами, происходящими посредством полей, может привести к известному результату: путанице, перегруженности математического аппарата и искажению истинной картины микромира.

2. Предположить существование новых видов и форм материи, требующих введения новых коэффициентов масс, энергий, зарядов неэлектромагнитной природы. Сейчас, на данном этапе развития науки, мы можем перейти к исследованию лишь ближайших к нам видов материи: субфизической материи.
3. Определиться с выбором того или иного коэффициента, который можно принять за единицу массы субфизической материи.

Таким образом, для выхода из создавшейся ситуации (относительно неопределенности понятий массы и энергии на уровне элементарных частиц) можно предложить, что при переходе к изучению элементарных частиц, размером меньше электрона, а также структуры атомного ядра, лептонов и адронов нужно иметь в виду, что перед нами открывается совершенно иная реальность, другая материя. Это не электромагнитная полевая материя, не фотонная материя, которая составляет основу «Нашей материи». Это другая материя, в которой существуют совершенно другие законы, силы, заряды, скорости, массы и энергии.

Главным отличием физической формы материи от субфизической является наличие масс у частиц физической формы материи. Для исследования субфизической материи необходимо вводить отдельные критерии коэффициентов масс и энергии, не сводимых к массам и энергиям «Нашей материи». Какие коэффициенты можно взять для измерения масс субфизической формы материи? Можно, например, ввести понятие «отрицательная масса», при этом иметь в виду, что она никак не связана с какой-то тоже отрицательной энергией и следующим из них следствием о существовании в природе каких-то абстрактных симметрий, а также вещества и антивещества, материи и антиматерии.

Далее кратко осветим вопрос, касающийся отрицательной массы или экзотической материи.

Понятие «отрицательная масса» впервые было предложено Германом Бонди в 1957 г. в журнале «Reviews of Modern Physics». Он писал, что масса может быть как положительной,

так и отрицательной [13]. При этом естественно возникают незаурядные эффекты: объект с отрицательной инертной массой будет ускоряться в направлении, противоположном тому, в котором его толкнули, а под действием гравитации — будет отталкиваться, а не притягиваться, как обычная материя. По таким странным свойствам данные объекты принято относить к **экзотической материи**.

В данном случае, как и с дефектом массы, мы вновь встречаемся с очередным парадоксом, который не удастся разрешить современной наукой.

Попытаемся его решить с привлечением гипотезы о субфизической форме материи. На наш взгляд, грубейшей ошибкой является сведение таких понятий, как масса физической материи к массе субфизической материи. Поэтому нельзя приводить такие аналогии, как взаимодействие отрицательной массы с положительной массой. Это совершенно разные материи и их нельзя просто так свести друг с другом. В противном случае мы получим известные в истории науки заблуждения, касающиеся критики корпускулярно-кинетической теории М.В. Ломоносова.

В свое время противники теории Ломоносова в качестве аргументов против его доводов приводили следующие.

1. *Причиной теплоты не могут выступать колебания корпускул, так как колебательное движение влечет распад тела и потому не может служить источником тепла, тем не менее общеизвестно, что частицы колоколов колеблются веками и колокола не рассыпаются.*
2. *Если бы тепло путем вращения частиц передавалось лишь передачей действия, имеющегося у тела, другому телу, то «б и куча пороха не загоралась» от искры.*
3. *Поскольку вращательное движение при передаче его от одной частицы к другой затухает, то «теплота Ломоносова» также должна пропасть; но сие печально б было, наипаче в России [14].*

Из приведенного примера мы видим, что основной ошибкой противников теории Ломоносова было сведение явлений макромира (ко-

локолов, крупинок пороха и др.) к явлениям микромира (корпускулам или молекулам, в современной терминологии). То же самое касается и современных попыток свести физическую материю к субфизической (экзотической) материи. Здесь мы должны понимать, что имеем дело совершенно с иной материей, «живущей» по другим законам, несводимым к законам физической материи.

Таким образом, при введении понятий «отрицательная масса» нужно понимать, что это условное обозначение частиц, относящихся не к Нашей материи. В дальнейшем при выяснении структуры этих частиц можно найти их массам другие аналоги.

К примеру, по аналогии с массами, принятыми в астрономии (масса Земли, масса Солнца), за единицу массы частиц субфизической формы материи можно взять условную массу какой-либо установленной микрогалактики, скопления микрогалактик, микрометагалактик и т.п., входящих в структуру той или иной элементарной частицы. При этом систему отсчета можно вести с той глубины микромира, которая будет аналогична восприятию Вселенной «Нашей материи». Например, мы знаем, что Земля является составной частью солнечной (звездной) системы. Наша солнечная система является структурным элементом Галактики. Наша Галактика входит в структуру скоплений галактик и сверхскоплений и т.п. Возможно, какие-либо скопления галактик или сверхскоплений являются структурной компонентой «элементарной частицы» неведомого нам Макромира.

Разумеется, без более убедительного подтверждения существования «микрогалактик» на данном этапе можно преждевременно за единицу массы субфизической материи взять условную массу гипотетических микрогалактик.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что система расчета масс микромира привязывается к гравитационным силам, которые действуют в пределах данного мира и соответственно определяют массу частиц, включенных в данный мир. В другом мире, например Нашей материи, действуют гравитационные силы другой природы, связанной с субфизической материей. Тогда наблюдатель, находящийся в пределах

Микромира, может констатировать те или иные процессы, связанные с энергиями и массами, которые могут происходить в Микромире по аналогии с нашим миром («Нашей материи»).

Таким образом, первоначальные единицы новых (субфизических) масс, которые, возможно, мы можем обнаружить в экспериментах в ближайшее время, можно связать как с отрицательными массами, так и с массой какой-либо условной микрогалактики (скоплений и сверхскоплений микрогалактик). Основная проблема массы субъядерных частиц, на наш взгляд, связана в первую очередь с тем, что к настоящему времени не принято во внимание существование принципиально новой (не физической) материи, для которой необходимо разработать новые коэффициенты масс и энергий.

Проблема энергии

Как известно, **энергия** — это общая количественная мера различных форм движения материи. Соответственно различают физическую энергию, химическую (энергия связей химических соединений), биохимическую (например, энергию АТФ — высокоэнергетического соединения, молекулы аденозинтрифосфата). Главным признаком энергии является то, что под ней всегда подразумевается какая-либо сила. Эта сила вследствие существования закона сохранения энергии связывает воедино все явления Природы.

В физике энергия называется скалярной¹ величиной, которой соответствуют определенные физические процессы (энергии). Так, выделяют следующие виды физической энергии: механическая, тепловая, электромагнитная, электрическая, гравитационная, внутриядерных взаимодействий и др.

Механическая энергия характеризует движение и взаимодействие тел. Она равна сумме *кинетической* (зависящей от скоростей движе-

¹ Величина, каждое значение которой (в отличие от вектора) может быть выражено одним числом (действительным, т.е. любым положительным, отрицательным или нулем). Данная величина изображается на линейной шкале. Скалярными величинами являются, например, длина, площадь, температура и т.д.

ния составляющих ее частей) и *потенциальной* энергии (зависящей от взаимного расположения ее частиц и их положения во внешнем силовом *физическом поле*).

Тепловая энергия связана с движением и взаимодействием молекул под влиянием фотонов и других частиц излучения.

Электромагнитная энергия — энергия фотонов, квантов электромагнитного поля.

Электрическая энергия — энергия электронов.

Гравитационная — сила притяжения больших (массивных) тел.

Энергия внутрядерных взаимодействий — энергия протонов и нейтронов и других частиц, образующихся в результате ядерных реакций (деления, синтеза, распада).

В соответствии с нашей концепцией понятие «энергия», которое мы можем использовать для характеристики «нашей материи», неприменимо для субфизической материи. Как мы уже отметили, субфизическая материя не является электромагнитной (фотонной) материей. Любая энергия фотонной («нашей материи») так или иначе связана с электромагнитным полем (электромагнетизмом). Энергия «нашей материи» непосредственно связана с зарядом, также имеющим электромагнитную природу.

Энергией может выступать сама частица, например, фотон, электрон, ион, а также частицы или системы частиц, включенные в рассматриваемую частицу.

Вступающие во взаимодействие друг с другом частицы «нашей материи» могут представлять собой какой-либо вид вышеуказанной энергии. Однако за пределами «нашей материи» составляющие ее частицы (субфизической материи) имеют свои особенности, качественно отличающиеся от частиц «нашей материи».

Составляющие элементы фундаментальных фермионов и бозонов представляют собой частицы, обладающие субфизической энергией, а следовательно, и свойствами, которыми не обладают частицы «нашей материи». Речь идет, например, о распространении этой энергии со сверхсветовыми скоростями. Кроме того, существуют заметные отличия, связанные с особенностью взаимодействия и взаимопревращением

частиц данной материи. Одним из примеров такого взаимодействия может выступать порядок самосборки частиц фотонной материи из субфизической.

Энергию субфизических взаимодействий нельзя выразить известной формулой $E_0 = m_0 c^2$, так как данная формула применима к нашей (фотонной) материи. Представляется, что при расчете энергии субъядерных взаимодействий необходимо учитывать влияние субфизической энергии.

Саму субфизическую энергию нужно понимать как единицу субфизической силы. Субфизическую силу можно определить, используя обычные классические понятия ньютоновской механики: модуль (длина вектора, отрезка евклидова пространства), направление и точка приложения но другую систему отсчета, т.е. не физическую материю, а субфизическую. Используя положения о фрактальности материи, мы можем предположить, что субфизическая энергия (сила) связана с действием ряда факторов.

1. Так, направление и скорость движения субфизической частицы зависят от:

а) направления и скорости движения потока субфизических частиц, в который данная частица включена;

б) направления и скорости встречных потоков субфизических частиц и взаимодействия с ними;

в) ее месторасположения в элементарной частице (например, в центре или на периферии) или за пределами элементарной частицы;

г) направления и скорости самой элементарной частицы, в которую рассматриваемая субфизическая частица включена.

2. Сама субфизическая энергия напрямую связана с направлением и скоростью движения потоков субфизических частиц.

3. Направление и скорость потоков субфизических частиц зависят от расстояния между элементарными частицами и взаимодействия между ними.

Таким образом, общую субфизическую энергию можно рассчитать с учетом влияния вышеуказанных факторов, где вместо массы (существующей в физической материи) будет

рассматриваться поток субфизических частиц (их плотность, давление, температура и другие характеристики). Энергия всегда подразумевает под собой некую силу, которая напрямую связана с видом материи. Энергия может иметь электромагнитную природу и иную, качественно отличающуюся от нашей (фотонной) материи.

Более подробная информация по исследуемой тематике представлена в отдельной авторской монографии [15].

Список литературы

1. *Джеммер М.* Понятие массы в классической и современной физике. М., 1967. С. 229.
2. *Окунь Л.Б.* Понятие массы. // Успехи физических наук., М., 1989. Т. 158, вып. 3. С.521.
3. *Яворский Б.М., Селезнев Ю.А.* Физика: справочное пособие. М.: Физико-математическая литература (ФИЗМАТЛИТ). 2000. С. 43-44.
4. *Окунь Л.Б.* Теория относительности и теорема Пифагора // Успехи физических наук. 2008. Т. 178. № 6. С. 654.
5. *Окунь Л.Б.* Формула Эйнштейна: $E_0=mc^2$. «не смеется ли Господь Бог»? // Успехи физических наук. 2008. Т. 178. № 5. С. 541-555.
6. *Окунь Л.Б.* Теория относительности и теорема Пифагора // Успехи физических наук. 2008. Т. 178. № 6. С. 658.
7. Там же. С. 494.
8. *Марков М.А.* О природе материи. М., 1979. С. 138
9. *Тимощук А.С.* Концепции современного естествознания. М., 2009. С. 18.
10. *Марков М.А.* Элементарные частицы предельно больших масс (кварки и максимоны) // Физика высоких энергий. Киев, 1967.
11. *Чу Д.* Кризис концепции элементарности в физике // Будущее науки. М., 1968. С. 51.
12. *Беляев М.И.* Феномен сознания. М., 2007. С. 57.
13. *H. Bondi.* / Negative Mass in General Relativity // Rev. Mod. Phys. 1957. No.29. P. 423ff.
14. *Ломоносов М. В.* В воспоминаниях и характеристиках современников // М.: Изд-во АН СССР, 1962.
15. *Век В.В.* Структура материи в рамках концепции макро-микробесконечности мира. Пермь, 2011.

PROBLEM OF MASS AND ENERGY IN ASPECT OF TAKING INTO ACCOUNT SUBPHYSICAL FORM OF MATTER

Vladimir V. Kiselev

Perm State National Research University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

In presented article analysis of definitions mass and energy from the point of modern physics has been done. It has been shown that nowadays given conceptions had only phenomenological and outwardly descriptive character. Revelation of the deep-laid substance of these conceptions in physics isn't undertaken. We have been proposed that for the definition of these conceptions substance it was necessary to introduce into science the insight of subphysical form of matter for which there is no mass and energy in our ordinary understanding.

Key words: mass; energy; matter; sub-physical form of matter.

УДК 168;54;94

К ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ ХИМИИ

В.Л. Чечулин

Описана периодизация истории химии, основывающаяся на общегносеологической закономерности исторического развития научного знания. Указано, что в 6-уровневой последовательности достижения следующего уровня развития первоначально имеется достижение следующего уровня самоосознания,— затем уровня оперирующего абстрактными структурами (в т. ч. математическими), а затем уже новый уровень достигается в сфере изучения материальных объектов (химии). Историческая периодизация развития химии содержательно совпадает с основными этапами её изучения в средней и высшей школе.

Ключевые слова: отражение действительности в сознании; иерархия уровней абстракции; история химии; периоды развития химии; экспериментальная наука; ценностное целеполагание научной деятельности.

1. Предисловие

Периоды в развитии химии связаны с общегносеологической иерархией уровней отражения действительности (6-уровневой структурой отражения действительности в сознании [35–29]— последовательностью достижения определённых уровней обобщения, абстракции понятий). Достижение определённых уровней отражения действительности, обнаруживаемое в материальных письменных памятниках культуры, связано в первую очередь с достижением определённых уровней самоосознания человека¹ (что более подробно рассмотрено в [27–28]), затем появляются новообразования в аппарате описания действительности (логико-математические и т. п.)², см. [31–32]; и затем уже осознающий себя на достигнутом уровне человек, применяя соответствующие достигнутому уровню аппарат абстрактного описания действительности, достигает нового этапа (уровня) и в экспериментальных исследованиях (в т. ч. в химии) — в упорядочении явлений внешнего материального мира.

Таким образом, в истории науки выполняется известная [18] последовательность ступеней истины:

- а) непосредственное созерцание (в самоосознании);
- б) абстрактное мышление (математико-логические конструкции);
- в) практика (экспериментальная наука и техника).

Развитие самосознания в историческом плане подробно рассмотрено в работах [27–29]. В плане описания периодизации развития химии ограничимся предварительным описанием общегносеологической структуры знания и схемой развития представлений о причинности.

2. Общегносеологическая структура отражения и развитие химии

Соответственно последовательности этапов постижения истины 1-я ступень — непосредственное созерцание — не поддаётся внешнему по отношению к человеку формальному описанию, поэтому ограничимся описанием последующих этапов её постижения.

Сознание описывает окружающий мир, держащий как самого человека, так и описание самого этого описания, находящегося в сознании человека,— схема отражения действительности в сознании человека выглядит следующим образом (см. рисунок [35]).

Подробно структура сознания, связанная с такой 6-уровневой иерархией отражения действительности, описана отдельно [35]. Уровни от-

¹ Об уровнях самоосознания см. также [34] [37].

² В представлении о причинности см. 41].

ражения соответствуют уровням обобщённости (абстрактности) понятий, причём 1-й уровень — это обобщение чувственно воспринимаемых образов, выраженных в наименовании объектов. Иерархия логико-математических конструкций, появляющаяся в истории науки, описана отдельно в [31–32] и кратко в основной линии развития такова:

1) число,

- 2) арифметическая операция,
- 3) уравнение, неизвестная величина,
- 4) функция (операции над функциями, интегрирование, дифференцирование),
- 5) формальная система (логический вывод как обобщённое понятие функции),
- 6) непредикативные (самоссылочные) конструкции, не сводимые к понятиям предыдущих уровней.

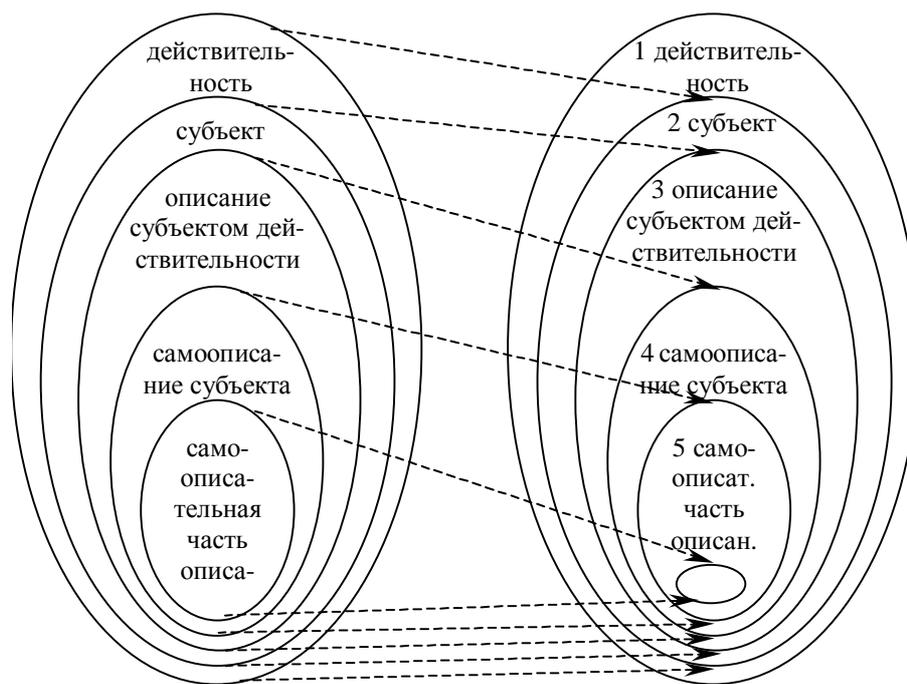

Схема отражения мира в самоосознании*
 (*самоописание субъекта в самоописательной части)

Соответствующая схеме отражения действительности в сознании человека последовательность развития представлений о причинности такова (описана более подробно в [41]):

- 1) предпричинность (синкретизм);
- 2) ближайшая причина;
- 3) ряд (круг) причин (иногда сводимый к первопричине);
- 4) произвольная причинность (внешняя причинность природных явлений (закономерность) и отличная от неё внутренняя произвольная причинность человека);
- 5) социальная (массовая) причинность (обусловленность человека социальной средой, социальным положением; в описаниях явлений материального мира — статистическая причинность);
- 6) свобода.

Начало развития экспериментальной науки (с XVI в.) соответствует достижению 4-го уровня — уровня осознания произвольной причинности — произвольного моделирования внешних по отношению к человеку природных явлений — сознательной постановки человеком экспериментов и выражения обнаруженных результатов в правилосообразной (функциональной) форме, соответствующей этому же (4-му) уровню обобщения.

Однако развитие химических представлений наблюдалось и до этого (4-го) этапа на этапах предварительного развития химического знания.

3. Периоды развития химии

В истории химии выделяются однородные периоды её развития, — развитие химических знаний в пределах одного периода находится в пре-

делах качественного (гносеологического) подобию появляющихся новых научных достижений (одного достигнутого уровня обобщения), переход же на следующий уровень (к следующему периоду развития) связан с получением качественно новых, более абстрактных, обобщённых, результатов, чем на предыдущем периоде¹.

1². (Древность). В древности первоначальные химические представления выражены в конкретном³ наименовании известных в то время веществ. Отдельные практические навыки химической технологии не имели не то что систематического, но даже причинно следственного описания (выражаясь в простой последовательности действий) и передавались более по наитию⁴.

2. (Античность). Этап, соответствующий представлениям на уровне осознания ближайшей причины. Систематизация знаний. Появление обоснованных умозрительных представлений о том, что вещество состоит из мельчайших частиц (Тит Лукреций Кар, I в. до н. э.). Ограниченность в объяснении химических явлений ближайшей причиной⁵.

3. (С начала н. э.). Поиски первопричины—первовещества, из которого состоят остальные вещества⁶ (т. н. "философского камня"), и вместе с этим открытие круговых превращений веществ в циклах реакций⁷. Это (сохранение веществ в циклах превращений) позволило на следующем этапе сделать вывод о постоянстве состава веществ (о неизменности химических элементов).

4. (С XVI в.). Принцип постоянства химических элементов (Бойль) [24]. Открытие первых химических законов, носящих количественный (функциональный, правилосообразный) характер. Появление качественного анализа⁸. Весь этот период, до середины XIX в., развитие химии заключалось в открытии всё новых и новых количественных закономерностей и законов химии⁹.

От припадания к ним проходящего мимо народа. Нам очевидно, что вещь от стирания становится меньше,

Но отделение тел, из неё каждый миг уходящих, Нашим глазам усмотреть запретила природа ревниво.

...

Также в вещах, что хиреть начинают от старости дряхлой,

Как и в приморских камнях, изъеденных едкою солью,

Ты не усмотришь того, что из них каждый миг убывает.

Так при посредстве невидимых тел управляет природа».

⁶ Некоторые алхимики считали ртуть первопричиной остальных элементов [21, с. 17].

⁷ Так, например, у Юнгиуса (нач. XVII в.) есть описание известного ранее цикла превращений свинца $Pb \rightarrow 2PbCO_3 \cdot Pb(OH)_2 \rightarrow PbO \rightarrow Pb$: «если несколько реакций протекают последовательно так, что из образующихся веществ удаётся посредством редукции получить исходное тело, то последнее в ходе всех этих превращений должно оставаться неизменным» (Jungii J., *Doxoscoripiae physicae minores...*, 1662), цит по [24, с. 24].

⁸ См. [4, с 17].

⁹ Некоторые химические законы, открытые в этот период [10], см. [7; 4]: закон эквивалентов (И. В. Рихтер, 1791—1798); закон постоянства состава (Ж. Л. Пруст, 1799—1806); закон кратных отношений (Дж. Дальтон, 1803); закон объёмных отношений, или закон соединения газов (Ж. Л. Гей-Люссак, 1808); закон Авогадро (А. Авогадро, 1811); закон удельных теплоёмкостей (П. Л. Дюлонг и А. Т. Пти, 1819); закон изоморфизма (Э. Мичерлих, 1819); законы электролиза (М. Фарадей, 1830-е гг.); закон постоянства количест-

¹ Подробно об отдельных периодах развития химии см. [1–3; 5–9; 11–12; 17; 19–21; 23–25].

² Здесь и далее — номер периода развития химии.

³ Ср. понятие «конкретного числа» в истории математики [31–32].

⁴ «Атомы» у Демокрита — это лишь чувственные образы— «видики», по словам Лосева «Обычное наименование атомов у Демокрита как раз и есть «фигуры» (shemata), или «видики» (eidola). <...> Это маленькие, далее уже неделимые «видики», статуэтки, картинки, портретики бытия» [14, с. 499–500] (Демокрит указывал, что «может быть атом размером с весь мир» [16]),— а не молекулы...

⁵ Тит Лукреций Кар в поэме «О природе вещей» (кн. I, ст. 304–328) обосновывает то, что тела состоят из мельчайших частиц, ближайшей причиной, вот фрагмент этих рассуждений [15]:

«И, наконец, на морском берегу, разбивающем волны, Платье сыреет всегда, а на солнце вися, оно сохнет; Видеть, однако, нельзя, как влага на нём оседает, Да и не видно того, как она исчезает от зноя.

Значит, дробится вода на такие мельчайшие части, Что недоступны они совершенно для нашего глаза. Так и кольцо изнутри, что долгое время на пальце Носится, из году в год становится тоньше и тоньше; Капля за каплей долбит, упавая, скалу; искривлённый Плуга железный сошник незаметно стирается в почве; И мостовую дорог, мощённую камнями, видим Стёртой ногами толпы; и правые руки у статуй Бронзовых возле ворот городских постепенно худеют

5. (С середины XIX в.). На этом этапе эти количественные законы обобщаются в теорию химического строения (Бутлеров) и в периодическую систему элементов (Менделеев). Теории на новом этапе обобщают и объясняют совокупности ранее открытых законов и закономерностей. Возникают теории, соответствующие различным отраслям химии: теория электролитической диссоциации (Аррениус), химическая термодинамика, химическая кинетика, теория валентности и т. п., химические теории (основывающиеся на математическом аппарате¹).

Эти теории представляют собой конструкции гораздо более сложные, чем отдельные законы,— теории связывают собой законы воедино и позволяют из некоторых основных положений (с привлечением экспериментальных данных) с достаточной для практики точностью выводить законообразные следствия.

Теоретические знания, описывающие химические превращения веществ, явились основой для создания широких классов химических технологий, используемых для производства, удовлетворяющего практические потребности человека [3; 12].

Многостадийное химическое производство описывается алгоритмической (формальной, технологической) схемой со многими входными продуктами и многими выходными готовыми (и побочными) продуктами. Стремление к достижению безотходности производства (а также утилизация отработавших вещей) приводят к образованию непредикативных (самоссылочных) схем производства, соответствующих 6-му уровню абстракции².

6. (С конца XX в.). С другой стороны, поскольку химические технологии направлены на удовлетворение потребностей человека, то опре-

деляющим в их развитии является непредикативная система ценностей [40], выражающаяся в системе потребностей человека. В этом смысле развитие химии подчиняется потребностям сохранения существования человечества в неограниченно продолжающемся времени.

С третьей стороны, методы управления химическими процессами [36; 38] основаны на математических результатах, использующих непредикативные конструкции. Таким образом, на этом этапе развитие химии достигает наивысшего (6-го) непредикативного уровня, хотя все закономерности и теории предыдущих уровней продолжают уточняться и совершенствоваться в их описании³.

4. Заключение

Основные периоды развития химии связаны с общегносеологической последовательностью развития научных представлений, периоды развития химии примерно совпадают с периодами развития математики, с периодами развития самоосознания в истории. Периодизация и содержание периодов приведены в таблице.

Поскольку содержательно этапы исторического развития научного знания совпадают с возрастными этапами формирования соответствующих понятий (ввиду единства гносеологических оснований схемы отражений действительности в сознании человека [33]), то показанная в таблице схема периодов развития химии в истории соответствует развитию и усвоению химических представлений в системе образования. 4-й этап соответствует появлению представлений о произвольной причинности и правилосообразности 4-му психологическому возрасту (12–17 лет), что соответствует обоснованному началу изучения химии в средней школе (с 8-го класса). Последовательность изучения химии от законов (4-й уровень) к теориям (5-й) — к описанию их оснований и к приложениям в технологиях (6-й) — содержательно совпадает с историей развития химического знания⁴.

ва теплоты (Г. Гесс, 1840); закон атомов (С. Канниццаро, 1858).

¹ Среди примеров таких теорий — принцип соответствия в физико-химическом анализе (Курнаков, 20-е гг. XX в. [13]), сопоставляющий состоянию многокомпонентной системы геометрический образ; дальнейшее развитие этого принципа в плане математизации позволило выявить общие свойства таких образов, не зависящие от состава систем (для широкого класса водно-солевых систем [39]).

² О непредикативных конструкциях см. [36]

³ Вообще, процесс познания неалгоритмизуем, не сводим к алгоритмическим конструкциям 5-го уровня абстракции [30].

⁴ Отличие заключается в том, что достижения высших уровней (периодический закон и т. п.), обладающие

Таким образом, периоды развития химии со-
держательно определены и соответствуют анало-
гичным периодам исторического развития иных
наук¹⁻² (см.таблицу).

Периоды развития химии

№ п/п	Содержание периода развития	Историче- ский период
1	"Конкретные" названия ве- ществ, первоначальные навьи- ки химической технологии	Древность
2	Причинное объяснение хими- ческих явлений (через бли- жайшую причину)	Античн., с IV в. до н. э.
3	Последовательности хими- ческих превращений ("рецепту- ры"), циклы реакций	Ср. века, с I в. н. э.
4	Постоянство состава вещества (химических элементов) в их химических превращениях (реакциях), количественно- функциональные закономер- ности	Нов. вр., с XVI в. н. э.
5	Химические теории, обоб- щающие множества хими- ческих законов,— теория строе- ния вещества, периодическая система и т. п., развитие хи- мической технологии	Новейш. вр. с сер. XIX в.
6	Описание оснований хими- ческой науки, широкая непреде- кативная практика примене- ния химической технологии для удовлетворения потребно- стей человека	С сер. XX в.

Список литературы

1. *Азимов А.* Краткая история химии: пер. с англ. М.: Мир, 1983. 187 с.
2. *Арбузов А. Е.* Краткий очерк развития учения о катализе // Избранные труды по истории химии. М.:

свойством экономного описания действительности (минимум объема и максимум содержания,— «максимум плотности информации», вносящий порядок в последующее обучение) в образовании, предлагаются сразу как известные абстракции, а конкретные закономерности и т. п. формируются от простого — к сложному.

¹ В системе образования также имеется необходимый содержательный параллелизм изучения других наук.

² Автор благодарит за конструктивное обсуждение предметного содержания статьи д.х.н. С.А. Мазунина.

Наука, 1975. С. 7–88. (268 с.)

3. *Аренс.* Успехи химии в XIX веке: пер. с нем. С. Л. Цинбер. СПб., 1902. 32 с.
4. *Блох М. А.* Хронология важнейших событий в области химии. М.: Госхимиздат, 1940. 754 с.
5. Возникновение и развитие химии с древнейших времён до XVII века (Всеобщая история химии). М.: Наука, 1980. 399 с.
6. *Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки (Становление и развитие первых научных программ). М.:Наука, 1980. 568 с.
7. *Джуа Микеле,* История химии: пер. с ит. Г. В.. Быкова. М.: Мир, 1975. 478 с.
8. *Дианова Г.* Язык алхимии. М.: Малп, 1995. 156 с.
9. *Добротин Р. Б.* Состав — структура — процесс (историко- методологический анализ). Л.: Наука, 1984. 78 с.
10. История химии / Википедия: электронный ресурс: http://ru.wikipedia.org/wiki/история_химии (дата обращения: 12.10.2011 г.)
11. *Кузнецов В. И.* Диалектика развития химии. М.:Наука, 1973. 328 с.
12. *Кузнецов В. И., Зайцева З. А.* Химия и химическая технология, эволюция взаимосвязей. М.: Наука, 1984. 255 с.
13. *Курнаков Н. С.* Избранные труды: в 3 т. М.: Академия наук СССР, 1960. Т. 1. 595 с.
14. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики (ранняя классика). М.: Высшая школа, 1963.584 с.
15. *Лукреций К. Т.* О природе вещей: в 2 т., М.; Л.: 1946–1947; см. http://nsu.ru/classics/bibliotheca/lucretius.htm#Существование_атомов (дата обращения:10.10.2011 г.)
16. *Маковельский А. О.* Древнегреческие атомисты, Древнегреческие атомисты. Баку. 1946.
17. *Менищуткин Б. Н.* Химия и пути её развития. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 352 с.
18. *Подосетник В. М.* К вопросу о ступенях процесса познания истины // Вопросы философии. 1954. №5. С. 77–81.
19. *Рабинович В. Л.* Алхимия как феномен средневековой культуры. М.:Наука, 1979. 392 с.
20. *Рабинович В. Л.,* Образ мира в зеркале алхимии: от стихий и атомов древних до элементов Бойля. М.:Энергоиздат, 1981. 152 с.
21. *Соловьёв Ю. И.* История химии. Развитие химии с древнейших времён до конца XIX в. М.: Просвещение. 368 с.
22. *Соловьёв Ю. И.* Эволюция основных теоретических проблем химии. М.: Наука, 1971. 379 с.
23. *Соловьёв Ю. И., Трифонов Д. Н., Шамин А. Н.* История химии. Развитие основных направлений современной химии. М.: Просвещение, 1984. 335 с.
24. Становление химии как науки (Всеобщая история химии). М.: Наука, 1983. 464 с.
25. *Фигуровский Н. А.* Очерк общей истории химии.

М.: Наука, 1969. 456 с.

26. Чечулин В. Л. Теория множеств с самопринадлежностью (основания и некоторые приложения): монография. Пермь, 2010. 100 с.

<http://elibrary.ru/item.asp?id=15267103> (дата обращения: 12.10.2011 г.)

27. Чечулин В. Л. К описанию исторического формирования психосоциальной структуры самоосознания // Ментальность, общество, экономика: проблемы развития России: мат. межд. науч.-практ. конф. Орёл, 2007. С. 198-202.

28. Чечулин В. Л. О развитии самопознания в истории литературы // Психология познания: актуальные проблемы: мат. межд. науч.-практ. конф. Пермь, 2008. С. 152-155.

29. Чечулин В. Л. О гносеолого-психологических основаниях философии права // Философия права. 2010. №1. С. 101-106.

30. Чечулин В. Л. О кратком варианте доказательства теоремы Нагорного об условиях удвоения слов в конечном алфавите // Университетские исследования. 2010 (раздел: математика).

http://www.uresearch.psu.ru/files/articles/258_9971.doc (дата обращения: 12.10.2011 г.).

31. Чечулин В. Л. Иерархия 6-ти уровней основных математических понятий // Университетские исследования. 2010 (разд.: математика).

http://www.uresearch.psu.ru/files/articles/191_31748.doc (дата обращения: 15.10.2011 г.).

32. Чечулин В. Л. О последовательности 6 исторических этапов появления основных математических понятий // Вестник Пермского университета. Сер. Математика. Механика. Информатика. 2010. Вып. 2 (2). С. 115-124.

33. Чечулин В. Л. Структурирование системы образования // Университет в системе непрерывного образования: мат. межд. науч.-метод. конф. Пермь, 2008. С. 59-60.

34. Чечулин В. Л. Связь моделей эмоциональных характеристик с общей теорией психологии личности

(глава в монографии) // Гипотезы и алгоритмы математической теории исчисления эмоций. Пермь, 2009. 152 с.

35. Чечулин В. Л. Теорема об одном свойстве гносеологического отражения // Университетские исследования. 2010 (разд.: математика).

http://www.uresearch.psu.ru/files/articles/59_28971.doc (дата обращения: 15.10.2011 г.).

36. Чечулин В. Л. Теория множеств с самопринадлежностью (основания и некоторые приложения): монография. Пермь, 2010. 100 с.

<http://elibrary.ru/item.asp?id=15267103> (дата обращения: 12.10.2011 г.).

37. Чечулин В. Л. Об основаниях системы кризисов развития личности и структурировании отклоняющегося поведения // Университетские исследования. 2010 (разд.: психология).

http://www.uresearch.psu.ru/files/articles/189_87481.doc (дата обращения: 12.10.2011 г.).

38. Чечулин В. Л. Применение метода пространства состояний в управлении качеством процесса хлорирования титаносодержащей шихты // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Информатика. Телекоммуникации. Управление. 2010. №1. С. 177-184.

39. Чечулин В. Л., Мазунин С. А. О плоскостности координат точек моно- и нон-вариантных равновесий в 4-х и более компонентных водно-солевых системах // Известия высших учебных заведений: Химия и химическая технология. 2010. Т. 53. № 3. С. 152-154.

40. Чечулин В. Л. Модели безынфляционного состояния экономики и их приложения: монография. Пермь, 2011. 112 с.

41. Чечулин В. Л. Развитие понятия причинности в истории науки (сдано в печать).

FOR THE PHYLOSOFY OF THE HISTORY OF CHEMISTRY

Viktor L. Chechulin

Perm State National Research University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The periodization of history of chemistry, based on the epistemological laws of historical development of scientific knowledge was described — highlights the major periods (stages) of development of chemistry. Stated that in 6-levels order to achieve the next level of development there is initially achieve the following level of selfconsciousness — then the level of operating with abstract structures (— including mathematical), and then reached a new level in the study of material objects (— chemistry). Historical periodization of the development of chemistry in content coincides with the major phases of its study in middle and high school.

Keywords: reflection of reality in consciousness, and its levels of abstraction, the history of chemistry, periods of chemistry, experimental science, the value of goal-setting research

УДК 1:2:32

ТВОРЧЕСТВО Н. БЕРДЯЕВА В КОНТЕКСТЕ «НОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ» И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

С.А. Нижников

Раскрываются предпосылки, смысл и цель движения «нового религиозного сознания» в эпоху Серебряного века в его главных действующих лицах (Н. Бердяев, Д. Мережковский, В. Розанов). Определяются метафизические (Вл. Соловьев) и общественные истоки «нового религиозного сознания» в русской культуре XIX в. Дается анализ анархического персонализма и мистического революционизма Н. Бердяева; проблемы пола и религиозного революционизма Д. Мережковского; особенностей философии пола В. Розанова и его отхода от «нового религиозного сознания»; социально-политических последствий идейного брожения в лоне Серебряного века и «нового религиозного сознания» в оценках С. Булгакова, С. Франка, В. Розанова и др.; метафизических, религиозных и общественных причин событий 1917 г.

Ключевые слова: ренессанс; гуманизм; «новое религиозное сознание»; Серебряный век; анархический революционизм.

Н. Бердяев, как С. Булгаков и другие отечественные мыслители, полагал, что необходимо «раскрытие положительной правды о человеке, о его творческом признании» [2]. Однако удалось ли это осуществить? С.С. Хоружий отмечает, что Серебряный век «не поставил проблемы человека, то ли уйдя, то ли не дойдя до нее...» [60]. С одной стороны, Вл. Соловьев, как и последующие русские философы-идеалисты начала XX в., подвергали критике крайности западноевропейского Возрождения, с другой — сами оказались зависимыми от того, что критиковали. Казалось бы, над обретением спасительной духовной цельности работала русская философия Серебряного века и Религиозно-философское общество в Петербурге, однако все оказывается гораздо сложнее и противоречивее.

Указанные противоречия в полной мере отразились в движении по созданию «нового религиозного сознания». Согласно С.Л. Франку оно явилось попыткой «возродить старое революционное народничество». Он называет его «религиозным революционизмом», «бесплодным призраком», который «все же способен на

короткое время отуманить и увлечь за собой незрелые умы, и потому его нельзя просто игнорировать» [57]. К движению «нового религиозного сознания» принадлежали многие мыслители, писатели и деятели искусства, которое многих если и не увлекло, то затронуло. Прежде всего, это Николай Бердяев, Дмитрий Мережковский и Василий Розанов. При этом мы не будем касаться несомненных эстетических достоинств их творчества, а критически остановимся лишь на его отрицательном идейном составе в связи с избранной темой (что, конечно, не исключает его позитивного содержания в отношении других проблем, тем и вопросов).

По Бердяеву «новое религиозное сознание есть продолжающееся откровение, вмещение большей полноты религиозной истины, так как на прежних степенях религиозного откровения раскрылась лишь частичная, не полная истина» [19]. В новом «синтезе» «языческий тезис и христианский антитезис» исчезнут. В этом — «религиозная мечта наша», — признается Бердяев, — и продолжает: «Только из соединения религиозного опыта с высшим философским знанием может родиться истинный гносис.

Только тогда будет разбита историческая ограниченность богословских школ, внешний авторитет будет окончательно заменен внутренней свободой и будет продолжен путь к полноте мистического богопознания» [15]; «Грех исторического христианства... в его дуализме, по которому “дух” был признан божеским, добрым, а “плоть” безбожной, злой» [18]; «Судьбы нового религиозного движения связаны с радикальным решением основной, новой темы об отношении религии к “плоти”, к “земле”, о религиозном освящении культуры, общественной, половой любви, радости жизни» [16].

Уже в приведенных высказываниях заключено много путанного, неадекватного, много претензий. Прежде всего, Бердяев ведет речь о синтезе язычества и христианства, однако совершенно очевидна несовместимость этих начал. Эта «мечта» не только не осуществима, но и пагубна; если ее все же пытаться осуществлять — получится околохристианская ересь. Если есть потребность обязательно это делать, то изначально необходимо понимать несовместимость этой задачи с метафизикой христианства. Далее Бердяев ведет речь о соединении «религиозного опыта» с философским знанием, но вопрос встает о том, *какого* опыта? Каким опытом обладал Бердяев? Этот опыт очевиден, если прочитать его произведения. Он позаимствован у Я. Беме и Ф. Баадера, т.е. западноевропейских пантеистических мистиков, отнюдь не у оптинских старцев и не у святых отцов и даже не у традиционных католиков. Далее у Бердяева речь идет об ограниченности богословских школ, о необходимости выйти за их границы к некоей мистической свободе, а по сути — «люциферическому анархизму» (П.П. Гайденко), который неизбежно заканчивается (и закончился) насилием и тоталитаризмом в социально-политической жизни.

Стремясь создать некое новое откровение, Бердяев прославляет Мережковского, как передовую фигуру на этом пути. Вначале Бердяев был просто очарован его идеями, хотя позднее несколько охладел. Он признавал за Мережковским то, что «в его лице новая русская литература, русский эстетизм, русская культура пе-

решили к религиозным темам. Он много лет будил религиозную мысль, был посредником между культурой и религией, пробуждал в культуре религиозное чувство и сознание» [10]. Но *какое* «религиозное чувство и сознание» он пробуждал? Сам Бердяев отмечал, что Мережковский был «оторван от всего церковного», что он «страдает неясностью мысли, философской спутанностью и атрофией чувства действительности» [8]; что он исповедует «решительный и крайний религиозный материализм» [12], «далекий от всего православного», что, однако, не помешало ему «создать целую религиозную конструкцию, целую систему неохристианства». Оценил Бердяев и интеллектуальные способности нового «пророка»: «настоящего дерзновения религиозной мысли здесь нет», «больше игры» («мережковщины»), мысль его «не сложна и не богата»; он «стоит гораздо ниже того типа религиозной мысли, который я определил бы как возрождение православия. Мережковский влияет преимущественно на тех, которые находятся на первых стадиях религиозного пути и обладают небольшим еще религиозным опытом»; «Не имея дара веры... хотел бы он быть пророком новой веры» [3]. Если Достоевский выступил с призывом «смирись, гордый человек», то Мережковский противопоставил ему свое: «Доколе мы будем смиряться» [34].

Сам Мережковский так объяснял свои цели: «...Мы вовсе не желаем “высидеть” новую религию — мы очищаемся с Христом как с центральным фактом, и вера у нас есть, но почему-то мы не можем войти в церковь. Это какая-то новая “ересь”, но без ущерба для догматики. Мы не пророчествуем, а утверждаем, что наше время — небывалое. Поставлена на карту вся культура. А церковь никак не реагирует, ни православная, ни католическая. Единственное место мёртвого штиля в наше время — церковь! Это страшно, апокалиптично! Все дети мира что-то видят, церковь — ничего. Чем ближе к церкви тем тише, глуше...» [38]. Он справедливо поясняет, что интерес к религии — это интерес к основаниям лучшего устройства жизни: «Спасти душу можно, только спа-

чая *жизнь*, т.е. не разлучая души с телом, а наше греховное, низменное и низкое пренебрежение к плоти мира, — к человеческой истории и культуре, — совершенно также губило жизнь, как если бы мы обратили, в заботах о плоти, позабыли и то, чем эта плоть жива» [39]. Но на каких путях Мережковский стремился решить эту реальную, вскрытую им проблему (которая отнюдь не была новостью, ведь уже Достоевский отмечал, что русская церковь находится в «параличе», и что монархия требует реформирования)?

3. Гиппиус подчеркивает, что мысль о создании религиозно-философских собраний зародилась в литературно-эстетических кружках, когда они стали раскалываться, ибо «чистая эстетика уже не удовлетворяла... И захотелось эти домашние споры расширить, — стены раздвинуть» [31]. Ведь петербургская интеллигенция не занималась изучением религиозных вопросов, тем более, связанных с церковью. Однако обещанного «сближения интеллигенции с церковью» не произошло [32]. Мережковский и соратники замыслили создание «нового христианства» и новой «Церкви Плоты и Крови», так как «многие хотели Бога для оправдания пола» [27]. Это «создание» началось с особого ритуала, обратного христианскому по сути [28]. С точки зрения верующего сознания это не «новое христианство», и даже не атеизм, а «новое язычество» или, хуже того, воплощенный, сознательный сатанизм, хула на святые и основополагающие символы христианства [23]. Так, вместо христианской *агапэ* мы находим здесь «влюбленность в Христа», допускающую всевозможное распутство в сфере пола [22]. «Новое религиозное сознание» запуталось в проблеме пола: оно началось с критики аскетизма, затем впадением в него (разговоры о «духовной» любви), но одновременно и реально все завершалось разложением как ума, так и тела. Бердяев, например, отмечает, что Мережковский в антихриста «верит более, чем в Христа, без антихриста не может шагу ступить. Всюду открывает он антихристов дух и антихристов лик. Злоупотребление антихристом — один из основных грехов Мережковского» [9]. Бердяев

признает, что все потуги создания нового религиозного сознания и новой церкви в итоге завершились интеллигентским хлыстовством¹.

Но духовный разлад заканчивается не только искушением плоти, но и разрушением социально-политической жизни. Мережковский стремился «новым религиозным сознанием», объединенным с революционным социализмом — «новой христианской общественностью», ошастливать всех людей на земле. Революция у него не просто приветствуется, но именно *освящается* — худшее, что можно только придумать, так как в этом случае беспредельное насилие над человеком и обществом получают религиозную санкцию и оправдание. Правда, когда возвещаемая им эпоха приближалась, он оказывался или на юге, или за рубежом, а именно — в Париже, где у него уже заранее была приобретена квартира и можно было продолжать разговоры о литературе с остатками уцелевшей интеллигенции. Достоевский назвал такую позицию «смердяковщиной»¹. Данное поведение логически вытекало из мировоззрения Мережковского (как и псевдо-либералов в современной России), который полагал, что «если свободу можно купить существованием России, то пусть Россия пропадет» [35].

Бердяев отмечает эволюцию во взглядах Мережковского: «Некогда эстетически пленился он цезаризмом, мистическим самодержавием и не может освободиться от этого образа» [я]. Затем «он возвращается к старому интеллигентскому типу и хотел бы быть Чернышевским на религиозный лад». В своей религиозной «реформе» Мережковский «более насильственен, чем ортодоксальные православные. Он — политик в мистике и мистик в политике»; «он одержим пафосом всемирности, принудительного универсализма, характерного для ла-

¹ У Бердяева это называется «интеллигентной хлыстовщиной», хотя в данном случае речь должна идти об *интеллигентской*, но никак не *интеллигентной* хлыстовщине (последняя вряд ли возможна, как и высказывание «доброе зло»).

тинского духа, для римской идеи». При этом он «всех подводит под одну схему, под один трафарет», его синтез «остается чисто ментальным, схематическим, бессильным», он «не есть познание»; «он остается в вечном двоении... Ему нравится это двоение, это смешение образа Христа и антихриста, эта неясность в различении подлинного и обманного. Лица и личины, бытия и небытия. *Тайна Мережковского и есть тайна двоения, двоящихся мыслей, а не тайна синтеза, не тайна троичности*»; он «идет за старым интеллигентским максимализмом и утопизмом, который был порожден исторической отсталостью и безответственностью» [11]. В работе *Грядущий хам* Мережковский выступил с критикой идеи Достоевского и будущих *Вех* о беспочвенности и безрелигиозности русской радикальной интеллигенции, точнее, он стремился их оправдать, называя Петра I «первым русским интеллигентом», полагая, что «единственные законные наследники, дети Петровы — все мы, русские интеллигенты» [46]. У Грядущего Хама три ипостаси: самодержавие, православие и, самое страшное, — «хулиганство, босячество» [47]. Однако парадокс в том, что творчество знаменитого критика как раз и способствовало приходу к власти этого «босячества», ибо его обуздать и направлять тогда могли только монархия и православие. Мережковский же наивно полагал, что спасение заключается в некой «религиозной общественности», видимо, этом «новом религиозном сознании», которое разлагало основы общественно-политической жизни.

Обычно к движению нового религиозного сознания относят и Василия Розанова. Однако это не всегда верно, хотя одно время он входил в круг близких приятелей Мережковского. О своей дружбе с Розановым Мережковский пишет: «Но никто не подозревал, что это — близость двух противников, которые готовятся на смертный бой». Принципиальное различие он

видел в следующем: «И ежели начнется последняя борьба уже не между мною и Розановым, а *всеми нами*, ищущими Церкви Вселенской, и теми, кто считает себя представителями поместной греко-русской церкви, то Розанов, несмотря на все свое отрицательное отношение к христианству вообще, станет все-таки на сторону исторического христианства против нас» [45]. Как рассказывает в дневнике З. Гиппиус, Розанов не захотел принять участия в задуманном ими «таинстве»: «Розанов, занятый своими мыслями, усмотрел опасное в тайне, о которой мы просили...» [27]. Он, по выводам Гайденко, составлял некое исключение в окружении Мережковского, так как «защищал святость гетеросексуального брака и отвергал всякие извращения на половой почве» [26]. То, что описывает Гиппиус, было естественным для культуры Серебряного века, когда перед разразившимися революционными событиями плодились и размножались всевозможные литературно-эстетомистические кружки: у Вяч. Иванова «водят “хороводы” и поют вакхические песни, в хламидах и венках», на «радениях» у Минского «для чего-то кололи булавкой палец у скромной неизвестной женщины и каплю ее крови опускали в бокал с вином» [30].

В «Новом времени» (1909. №11800. С.13) Розанов публикует *Письмо в редакцию*, в котором сообщает о своём выходе из совета общества: «Вследствие совершенно изменившегося характера религиозно-философского общества в Петербурге, я нахожу себя вынужденным выйти из состава *совета* его, дабы не нести ответственность за измену прежним, добрым и нужным *для России целям*». Он мотивирует своё решение несогласием с «совершенно изменившимся характером» деятельности общества: «Из религиозно-философского оно превращается в литературное, с публицистическими интонациями». Он считает, что инициатива такой перемены исходит от Д. Мережковского, Д. Filosofova и З. Гиппиус: «Общество, имевшее задачи *в России*, превратилось в частный, своего рода семейный кружок: без всякого *общественного значения*» [37]. «Бог — в тайне, — поучает Розанов в статье *Трагическое ост-*

¹ Смердяков мечтал о том, чтобы Наполеон завоевал Россию, тогда бы он смог открыть в Париже парикмахерскую.

роумие («Новое время», 1909. №11822). — Разве не сказано было сто раз, что Он — в тайне? Между тем Мережковский вечно тащит его к свету, именно как вот рекламы — напоказ, на вывеску, чтобы все читали, видели, знали, помнили как таблицу умножения или как ученик высекшую его розгу. Что за дикие усилия!». Розанов отмечает не только отсутствие у Мережковского вкуса к религии, но и его неискренность в отношении к ней [34].

На собрание 21 января 1909 г. В. Розанов отозвался откровенным фельетоном, в котором, в частности, сказано: «Зал шумел, гремел, стучал... И хотя “Бог”, “богочеловечество”, “человекобожество” и “Христос” потрясли воздух, но не чувствовалось ни е-ди-но-го религиозного звука здесь, и зал до того был пуст от религии, от чувства её, от понимания её, как это только и может быть в “Польском клубе в Петербурге”, каковое место лукавый роковым образом указал “введенным во искушение”... Место *само по себе* хорошее: но надо же было литераторам толкнуться именно сюда для богоискания... Между тем, знаете ли что: можно и не потрясать именем “Бог”, и всё-таки говорить так, что *в зале почувствуется, что есть Бог*. Главный грех собраний едва ли не заключается в том, что говорят-то о Боге они постоянно, говорят, а вот думать о Нем никогда не думают... В зале Религиозно-философских собраний нет религии, потому что *нет религиозного тона души*, и *нет религиозного тона в слове*; скажу проще... ни у кого в зале нет и до сих пор не проявилось религиозного стиля...» [1].

Общество Мережковского не только развивало псевдорелигиозную риторику, но и стремилось решать конкретные политические задачи. Так, 11 марта 1917 г. от лица совета РФО была подготовлена к Временному правительству (для Керенского) *Записка*, где помимо прочего предлагалось следующее: «2) Отделение церкви от государства... 3) Осуществление принципа отделения церкви от государства возможно в чистом виде только при республиканском строе... 5) ...Церковный собор, преждевременно созданный, с необходимостью станет орудием контрреволюционного движения в

стране. б) ...должно устранить с ответственных постов всех иерархов, составлявших оплот самодержавия). б) ...Необходим для раскрепощения народной совести и предотвращения возможности реставрации соответственный акт от лица церковной иерархии, упраздняющий силу таинства царского миропомазания...» [40]. Все это обосновывалось необходимостью установления «свободной демократии». Однако сами Мережковские и их компания с начала апреля 1917 г. уехали в Кисловодск на дачу и вернулись лишь 8 августа. О событиях в Петрограде узнавали из газет и писем. Не очень они жаждали вкушать блага развертывавшейся в стране «демократии». Пронзительнее и точнее всех сказал об этом Розанов, не уехавший в эмиграцию, но на родине наблюдавший, как «с лязгом, скрипом и визгом опускается над Русскою Историею железный занавес» [53]:

И высунулось — для меня, его друга — такое всегда удивлявшее бледностью лицо Мережковского и еще более бледное и какое-то страшное лицо З.Н. Гиппиус. „Вот кто пришел и кто победил...” О, не революция, не „народники”. Даже не социалисты... Победил „в русском народе” тот, чьего имени он не знает, и победил — вешце, громадно, колоссально... Потухает солнце... О, Мережковский, это — ты в нем. Когда-нибудь вся „русская литература”, — если она продолжится и сохранится, что очень сомнительно, — будет названа „Эпохой Мережковского”. И его мыслей... но главным образом его действительно вещих и трагических ожиданий, предчувствий. Намеков, а самое, самое главное — его „натурки”, расхлябанной, сухой, ледящей, узенькой... Его — ломанья искреннего, его фальши непритворной и всего, всего его... [49].

В. Розанов называет Мережковского, Гиппиус, Философова и других среди тех, кто «литературою подготовлял убийство» на Аптекарском острове, когда террористами-эсерами была взорвана дача П.А. Столыпина и множество людей погибло и получило увечья [36]. Позднее, находясь в отчаянии от событий 1917 года, развивая уничтожающую критику и самокритику, Розанов пишет: «Не литература должна

приветствовать торжество революции, а революция должна, наоборот, сказать спасибо литературе, которая все время, целых полвека и более, призывала революцию»:

Что же в сущности произошло? Мы все шалили. Мы шалили под солнцем и на земле, не думая, что солнце видит и земля слушает. Серьезен никто не был... Мы, в сущности, играли в литературе. “Так хорошо написал”. И все дело было в том, что „хорошо написал”, а что „написал” — до этого никому дела не было. По *содержанию* литература русская есть такая мерзость — такая мерзость бесстыдства и наглости, как ни единая литература. В большом царстве, с большою силою, при народе трудолюбивом, смышленном, покорном — что она сделала? Народ рос совершенно первобытно с Петра Великого, а литература занималась только, “как они любили” и “о чем разговаривали”» [52].

И когда пришли сроки, время «собирать камни», «Русь слиняла в два дня» [33].

Согласно С. Франку Мережковский, будучи «гипнотизированный событиями русского революционного движения», решил обрести свою церковь в русской интеллигенции, атеистической и нигилистической [58]. — Задача по определению невыполнимая: «...проектируемая Мережковским религиозно-политическая реформа в конечном счете сводится к тому, чтобы, сохранив в неприкосновенности революционную интеллигентскую душу, вынуть из нее Маркса и атеизм и на их место поставить апостола Иоанна и апокалипсическую религию...» [59]. Согласно Зеньковскому чаяния и пророчества группы Мережковского, идущие еще от Вл. Соловьева, это — анархизм и «типичная религиозная романтика, окрашенная очень ярко в «революционно-мистические» тона» [41]. На эту же связь указывает и Г. Флоровский: «”новое религиозное сознание” было в значительной мере развитием и углублением религиозной метафизики Вл. Соловьева» [56].

В первой статье *Вех* — *Философская истина и интеллигентская правда* — Н. Бердяев отмечает некоторые сущностные черты радикальной интеллигенции, а по сути выродив-

шейся в своеобразное сектантство «интеллигентщины». Это своеобразный мир, живущий замкнутой жизнью, отрицающий значимость философии и всецело подчинившийся утилитарно-общественным целям. Причем вера в эти цели вырождается в фанатизм в силу очень низкой философской культуры. Кумирами этой, по сути суеверной идеологии, становятся «народ» («народническое мракобесие», «моральный догмат»), «интересы распределения и уравнивания», в то время как место «врага народа» занимает самодержавие. Это интеллигентское «манихейство» привело к подчинению знания политической кружковщине, т.е., по сути, к его уничтожению. Вместо философских поисков истины стала доминировать «доморощенная и почти сектантская философия» Чернышевского и Писарева, Михайловского и Лаврова. Затем пришла другая вера — в марксизм, которому полностью не удалось перебороть «народничество». Поэтому «марксистские победы над народничеством» по сути не изменили интеллигентской кружковщины. Интеллигенцию интересовала не истина или ложь той или иной теории, а ее пригодность для заранее определенных политических целей — уничтожения монархии, после чего должен был наступить земной рай в рамках той или иной политической доктрины. При этом происходило всецелое игнорирование «оригинальной и полной творческих задатков русской философии» [20].

Интеллигенция наша дорожила *свободой* и исповедывала философию, в которой нет места для свободы; дорожила *личностью* и исповедывала философию, в которой нет места для личности; дорожила *смыслом прогресса* и исповедывала философию, в которой нет места для смысла прогресса; дорожила *соборностью человечества* и исповедывала философию, в которой нет места для соборности человечества; дорожила *справедливостью* и всякими высокими вещами и исповедывала философию, в которой нет места для справедливости и нет места для чего бы то ни было высокого. Это почти сплошная, выработанная всей нашей историей аберрация сознания. Интеллигенция, в

лучшей своей части, фанатически была готова на самопожертвование и не менее фанатически исповедывала материализм, отрицающий всякое самопожертвование; атеистическая философия, которой всегда увлекалась революционная интеллигенция, не могла санкционировать никакой святы, между тем как интеллигенция самой этой философии придавала характер священный и дорожила своим материализмом и своим атеизмом фанатически, почти католически. Творческая философская мысль должна устранить эту аберрацию сознания и вывести его из тупика. Кто знает, какая философия станет у нас модной завтра, — быть может, прагматическая философия Джемса и Бергсона, которых используют подобно Авенариусу и других, быть может, еще какая-нибудь новинка. Но от этого мы не подвинемся ни на шаг вперед в нашем философском развитии [21].

Любовь к «народу», «крестьянству» или «пролетариату» сопровождалась неуважением к достоинству человека как такового. При этом сама по себе философия и истина мало кого интересовали, важно было «поглядывание по сторонам с целью узнать, кому это понравится», а также демагогия, деморализующая душу и создающая тяжелую атмосферу. Так, например, в марксистской среде возобладали «классовые» объяснения, которые превратились в «болезненную навязчивую идею». Для Бердяева все сказанное явилось признаком «умственного, нравственного и общекультурного декаданса» [20]. Исходя из сказанного Бердяев приходит к выводу, что «в данный час истории интеллигенция нуждается не в самовосхвалении, а в самокритике» [21].

Русская интеллигенция была такой, какой ее создала русская история, в ее психическом укладе отразились грехи нашей болезненной истории, нашей исторической власти и вечной нашей реакции. Застаревшее самовластие искажило душу интеллигенции, поработило ее не только внешне, но и внутренне, так как отрицательно определило все оценки интеллигентской души. Но недостойно свободных существ во всем всегда винить внешние силы и их виной себя оправдывать. Виновата и сама интелли-

генция: атеистичность ее сознания есть вина ее воли, она сама избрала путь человекопоклонства и этим искажила свою душу, умертвила в себе инстинкт истины. Только сознание виновности нашей умопостигаемой воли может привести нас к новой жизни. Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, т.е. возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы. Тогда народится новая душа интеллигенции [21].

Бердяев выражает здесь и позитивное отношение к духовной традиции: «Философия есть один из путей объективирования мистики; высшей же и полной формой такого объективирования может быть лишь положительная религия». При этом он признает, что «интеллигентское сознание требует радикальной реформы, и очистительный огонь философии призван сыграть в этом важном деле не малую роль. Все исторические и психологические данные говорят за то, что русская интеллигенция может перейти к новому сознанию лишь на почве синтеза знания и веры» [21].

Однако в дальнейшем, послевеховском своем творчестве, Н. Бердяев фактически отказывается от сказанного и идет в определенном смысле дальше и Вл. Соловьева, и Д. Мережковского, с сожалением говоря, что последний «принимает экзотерически-догматическое христианство», что приводит его «к новому религиозному рабству». Для Бердяева «проблема нового религиозного сознания не есть проблема святой плоти или святой общности, а есть прежде всего проблема человека, проблема религиозной антропологии». И так как Мережковский на звание пророка не потянул, эту миссию решил взять на себя Бердяев: «Новое религиозное откровение может быть лишь откровением человека и откровением о человеке как божественной ипостаси... Откровение третьего Завета — имманентное, его сам Бог ждет от человека» [13]. В каких чертах открывается этот «новый завет»? Читаем Бердяева: «Нужен бунт не только против лже-христианского аскетизма, но и против союза семейного, насильственного, всегда безрелигиозного... Само понятие развраща-

та — старое, буржуазное понятие, продукт отвлеченного морализма». При этом «мировое бытие должно освободиться от уз «материи, от давящей нас закономерности “природы”... пространство и время должны исчезнуть, как кошмар» [18]. Данные высказывания Бердяева вообще выходят за границы философского постижению действительности, а представляют собой род гностического псевдоинтеллектуального мистицизма, анархизма и нигилизма¹.

Как же случилось, что цвет определенной русской интеллигенции, всемирно известные имена оказались распространителями, а зачастую и идеологами революции, насилия и аморализма? Тайна сия заключена в противоречивости русского Серебряного века, который возрождал не только высокое искусство и глубокую философию. Среди его метафизических оснований обнаруживаются гностицизм и манихейство, пантеизм и вытекающий из него хилиазм, поверхностный и дурманящий мистицизм. Следствием этих метафизических уклонов являются нигилизм и анархизм, революционаризм и воинствующий атеизм, заразившие русскую интеллигенцию и приведшие ее если не к поощрению, то к молчаливому приятию лжи, террора и всяческого насилия.

Метафизическая эклектика, приведшая к указанным последствиям (как отмечено Е. Трубецким, В. Зеньковским и Г. Флоровским, а из современных исследователей — С. Хоружим и П. Гайденко), начинается уже в учении о все-

единстве Вл. Соловьева. Будучи по сути пантеистическим, оно делает невозможным теодицею, ведет к хилиазму и имперсонализму. Соловьев воспринял как идею Шеллинга о «кризисе западной рационалистической философии», так и его устремления к созданию целостного знания, но на путях теософского универсализма. Е. Трубецкой полагал, что «именно в шеллингианстве нашла себе яркое метафизическое выражение пантеистическая утопия» [54]. В целом Трубецкой отмечает, что Вл. Соловьев пытался создать, в соответствии с духом и запросами времени, «утопию социального реформаторства, утопию национального мессианства, утопию посюстороннего преобразования вселенной». В Соловьеве своеобразно сочеталось религиозное предание православного Востока с философским мистическим преданием Запада. Отсюда вытекает и его, как считает Трубецкой, ошибочность: «Идя по стопам Киреевского и Хомякова, он сравнительно легко восторжествовал над *рассудочными* элементами западноевропейской философии, но не в достаточной мере остерегся того несравненно более тонкого соблазна, который заключался во многих ее религиозных и мистических построениях, в особенности же в том шеллингианском гностицизме, от которого он никогда не мог ясно себя отграничить» [54]. Реально для Соловьева существует «не человек, а только человечество в целом», делает вывод П. Гайденко и отмечает, что «поразительным образом религиозная философия Соловьева тяготеет к *имперсонализму*» [24]. Стирание грани между трансцендентным и имманентным, Творцом и творением в классической немецкой философии «парадоксальным образом обернулось полным уничтожением человека как единичного существа». Можно согласиться, в этой связи, с выводами П. Гайденко о том, что «без возрождения метафизики невозможно преодолеть имперсонализм» и новоевропейский пантеистический гностицизм, которые фактически

¹ Об анархизме «нового религиозного сознания» см. указанную книгу П.П. Гайденко, с. 349. Наряду с революционизмом у Бердяева присутствует анархизм Толстого: «И мы должны решительно противопоставить всякому государственному позитивизму, всякому культу власти романтический культ свободы, культ безвластия» (Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis*. М., 2002. С. 259.). То же находим и у Мережковского: Отношение Церкви грядущей Теократии к земной человеческой власти может быть выражено словом “безвластие”, “анархия” – весьма несовершенно, не потому что слово это чрезмерно, а потому что оно недостаточно выражает силу отрицания власти...». Вместе с Бердяевым он называет

государство «одним из искушений дьявольских» (Мережковский Д. *Болезнь России*. Л., 1991. С. 96).

привели к катастрофам и преступлениям против человека в XX в. [25]. В русский Серебряный век необходимо пристально всматриваться: там есть чем восхищаться, но не все следует оттуда заимствовать. Российской интеллигенции, наконец, следует изучить свой собственный опыт, вновь перечитать *Вехи*, чтобы не повторять катастроф прошлого.

Но Петербургское религиозно-философское общество и развившееся в его недрах «новое религиозное сознание» представляли собой лишь одно из направлений Золотого века русской философии, причем во многом тупиковое (философски, религиозно, политически и морально), как видно из вышеизложенного. Наряду с ним развивалось другое, московское, представленное именами В.Ф. Эрн, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, А.Ф. Лосева и др., которое, как и «мережковцы», стремилось к обновлению церковной жизни, но не путем разрыва с исторической церковью, а через религиозно-философский синтез, который начал, хотя и не всегда удачно, уже Вл. Соловьев. Это направление можно определить как христианский платонизм и неоплатонизм. Однако, как известно, платонизм и христианство несовместимы, что сказалось в противоречивом развитии идей всеединства, имяславческих спорах и неудачных попытках создания софиологии. Третье направление представлено В.Н. Лосским, Г. Флоровским, В. Зеньковским и другими православно мыслящими философами. К числу оригинальных и своеобразных представителей русской философии без сомнения можно отнести также К. Леонтьева и В. Розанова. Зеньковский отмечает, что «если Леонтьев ради Божией правды, как он ее понимал, готов отвернуться от мира, “подморозить” его, то Розанов, наоборот, ради правды мира отвергает христианство за его “неспособность”, как он думает, принять в себя эту правду мира» [43]. А в *Апокалипсисе* Розанов пишет: «Христианство не космологично, «на нем трава не растет». И скот от него не множится, не плодится. А без скота и травы человек не проживет... Солнце может больше, чем Христос» [50]. Но «в христорборчестве его было столько *личной любви* ко

Христу...». З. Гиппиус так поясняет «софиологию Розанова»: «Самое “еретичество” Розанова исходило из его *религиозной* любви к Божьему миру, из религиозного его вкуса к миру, ко всей плоти. Но кто это понимал из православных, как мог понять...? Лишь редкие чувствовали [...] Он, любя всякую плоть, обожал и *плоть церкви*, православие, самый его быт, все обряды и обычаи. Со вкусом он исполняет их, зовет в дом чудотворную икону и после молебна как-то пролезает под ней (по старому обычаю). Все делает с усердием и с умилением» [30]. Бердяев отмечает сходные черты: «он готов принять христианство, но с разводом, театрами и вареньем» [14].

В. Зеньковский определяет мировоззрение Розанова как «религиозный натурализм». Это связано с тем, что Розанов «поднимает бунт против всего того, что умаляет и унижает “естество», с тем, что «ему дорого бытие, как оно есть, до своего преобразования»; «У Розанова спасенная и благословенная уже природа восстает против идеи креста; глубочайший и тончайший натурализм, дыхание которого вообще проникает нередко в православное сознание в силу его *космизма*, его направленности к идее преобразования мира, завладевает Розановым с необычайной силой» [44]. У Розанова, по его мнению, не понята Гологофа, она противопоставляется Вифлеему. Он стал критиком исторического православия во имя «Вифлеема» исходя из значения семьи и метафизики пола. Розанов же считал, что историческое христианство прошло мимо акта искупления. У него, полагает Зеньковский, тем не менее нет мистического пантеизма, есть био- и космоцентризм, начатки софиологических размышлений: «он стоял на пути к построению софиологической концепции», Розанов внес свою лепту в будущую, еще до конца не построенную русскими философами софиологию, которая должна философски осмыслить то, что в живом религиозном восприятии заключено в православии с его космолизмом [42].

Если идти еще глубже во вскрытии метафизических истоков «нового религиозного сознания» и Серебряного века, то мы неизбежно

приходим к источнику, более первичному, чем Возрождение, — это эпоха эллинизма, характеризующаяся таким же эклектизмом и той же борьбой идей. Но тогда победило христианство, на основе которого оказалось возможным построение цивилизации и современной культуры (пусть даже в секуляризованном виде). Лишь оно смогло преодолеть мировоззренческий разброд, победить гностицизм, манихейство, всевозможный мистицизм; утвердить мораль и бесконечную ценность человеческой личности, веру в Абсолютное Благо. Сейчас мы находимся в ситуации той же непрекращающейся борьбы, которая была обострена и в эпоху Серебряного века. Именно итог этой борьбы на духовно-интеллектуальном уровне предопределил события в России 1917 г.

Список литературы

1. В религиозно-философском обществе // Новое время. 1909. № 11806. С. 3.
2. Памяти Вл. Соловьева // Путь. Кн. 1. М.: Информ-Прогресс, 1992. С.220.
3. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М., 1998. С.331-334, 352.
4. Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 30.
5. Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 32.
6. Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 40–41.
7. Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 42.
8. Бердяев Н.А. Указ. соч. С.107.
9. Бердяев Н. Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С.349.
10. Бердяев Н. А. Указ. соч. С.353.
11. Бердяев Н. А. Указ. соч. С.346, 334, 335, 352.
12. Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 334.
13. Бердяев Н.А. Указ. соч. С.336, 345, 350.
14. Бердяев Н.А. Христос и мир (ответ В.В.Розанову) // Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т.2. М., 1994. С.275.
15. Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. М., 2002. С.383-384.
16. Бердяев Н.А. Указ. соч. С.389-390.
17. Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. М., 2002. С. 259.
18. Бердяев Н.А. Указ. соч. С.394.
19. Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis //Опыты философские, социальные и литературные (1900-1906). М.: Канон+, 2002. С.382-383
20. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи; Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910. М.: Мол. Гвардия, 1991. С. 24–29.
21. Бердяев Н.А.Указ. соч. С. 40–41.
22. Боханов А.Н. Николай II. М.: Мол. Гвардия; ЖЗЛ; Русское слово, 1997. С.276.
23. Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001. С. 340.
24. Гайденко П.П. Указ. соч. С.55.
25. Гайденко П.П. Указ. соч. С.105.
26. Гайденко П.П. Указ. соч. С. 335.
27. Гиппиус З.Н. Дневники. Ч. 1. М., 1999. С.89-90.
28. Гиппиус З.Н. Указ. соч. С.96.
29. Гиппиус З.Н. Задумчивый странник // Настоящая магия слова. СПб. 2007. С.37.
30. Гиппиус З.Н. Указ. соч. С.27, 20.
31. Гиппиус З.Н. Задумчивый странник. О Розанове.// Настоящая магия слова: В.В. Розанов в литературе русского зарубежья. СПб., 2007. С.17.
32. Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 30.
33. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873// ПСС: Т.XXI. Л., 1976. С. 9.
34. Ермичёв А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907-1917): Хроника заседаний. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С.117.
35. Ермичёв А.А. Указ. соч. С. 30.
36. Ермичёв А.А. Указ. соч. С.119.
37. Ермичёв А.А. Указ. соч. С.155.
38. Ермичёв А.А. Указ. соч. С.192.
39. Ермичёв А.А. Указ. соч. С.194.
40. Ермичёв А.А. Указ. соч. С.204-205.
41. Зеньковский В.В. Мережковский, его идеи. Л. С. 430.
42. Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Т.1(2). Л., 1991. С. 271, 277.
43. Зеньковский В.В. Указ. соч. С.266.
44. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 103-104.
45. Мережковский Д. Большая Россия. Л., 1991, С.94, 95.
46. Мережковский Д. Указ. соч. С.35.
47. Мережковский Д. Указ. соч. С. 43.
48. Мережковский Д. Указ. соч. С.96.
49. Розанов В.В. Апокалипсис русской литературы. // Новый мир. 1999. № 7. С.149.
50. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С.15-16.
51. Розанов В.В. Указ. соч. С.6.
52. Розанов В.В. Указ. соч. С.7.
53. Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 580.
54. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание В.С.Соловьева. Т.П. М., 1995, С. 67.
55. Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С. 96.
56. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М.:Аграф, 1988. С.205.
57. Франк С.Л. О так называемом «новом религиозном сознании» // Д.С. Мережковский: pro et

- contra. СПб.: РХГИ. 2001. С. 308-309.
58. Франк С.Л. Указ. соч. С.310.
59. Франк С.Л. Указ. соч. С.312.

60. Хоружий С.С. Опыты из русской духовной традиции. М., 2005. С. 297.
-

BERDYAEV'S ART IN THE CONTEXT OF "NEW RELIGIOUS CONSCIOUSNESS"

Sergey A. Nizhnikov

Peoples' Friendship University of Russia, 10 a, Miklucho-Maklay str., Moscow, 117198, Russia

Preconditions, sense and the purpose of a "new religious consciousness" movement in epoch of the Silver Age and its main characters. A philosophical direction of "new religious consciousness" and its main representatives (N. Berdyaev, D. Merezhkovsky, V. Rozanov). Metaphysical (Vl. Solovyov) and public sources of "new religious consciousness" in Russian culture of XIX century. The analysis of N. Berdyaev's anarchical personalism and mystical revolutionarism. Concept of freedom and its luciferistic character. The problem of sex. D. Merezhkovsky's religious revolutionarism. V. Rozanov's features philosophy of sex and his break with "new religious consciousness". Sociopolitical consequences of ideological fermentation in a bosom of the Silver Age and "new religious consciousness" in estimations of S. Bulgakov, S. Franc, V. Rozanov. The metaphysical, religious and public causes of tragedy 1917.

Key words: The Renaissance, humanism, «new religious consciousness», Silver age, anarchical revolutionarism.

УДК 94(3):008.001

О ЛИЧНОСТНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПАРАДИГМЫ «ЦАРЬ — РАБ» И ЕЁ ДУХОВНОМ СМЫСЛЕ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Л.Л. Леонова

Статья посвящена культурологическому анализу проявления парадигмы «Царь — раб» в древнеегипетской цивилизации. Автор рассматривает феномен царской власти в контексте профанной культуры Египта, воплощение идеальных качеств царя в его политической и религиозной деятельности.

Ключевые слова: сакральное; картина мира; истина; профанное; сознание; религия; опыт.

Цивилизацию Древнего Египта, по мнению академика Б. Тураева, с полным правом можно назвать первой главой истории человечества, генетически предшествовавшей эллинизму и христианству.

Из всех древних культур египетская культура выделяется своим своеобразным взглядом на мир, жадной бессмертия, стремлением слиться с вечностью. Культура в Египте возникает как способ борьбы со смертью, стремлением продолжить жизнь в иной альтернативной реальности Дуата — «страны прекрасного Запада», как её называли сами египтяне. И главная роль в этом отведена религии. «Культ Ра постепенно стал официальной религией египетского государства. Однако с этим не прекратилось поклонение множеству других богов и божков — всего их было более двух тысяч. Жрецы Древнего Египта вовсе не были фанатиками; их религия была чересчур всеобъемлющей, чтобы поощрять фанатизм. Религия не была просто теорией, вещью, существовавшей отдельно от жизни, она проникала во все поры повседневной жизни египетского общества. Религия ... выполняла свою основную функцию: простым и доступным языком объясняла тайны бытия» [3, с. 125].

Именно универсальность и всеобъемлющее разнообразие богов и божков придают некоторую пестроту религиозному пантеону, в кото-

ром боги часто замещают друг друга, отождествляясь с одними и теми же священными животными — кошкой (Мерсехнет, Сехмет, Баст), коровой (Хатор, Мут, Нут), павианом (Тот) и др.

Однако в этой пестроте наблюдается некая тенденция к упорядоченности — приоритет власти находится у Ра, бога Солнца, земными детьми которого являются божественные фараоны.

Сама идея института подчинялась одной религиозной идее — в Фараоне достигает равновесия сакральное и профанное, он совершенен и воплощает в себе все качества идеальной личности.

«Фараон — классический пример земной инкарнации бога. Идея получить бога, до которого можно дотянуться рукой, была вызвана потребностью египтян в конкретном образе, но божественное влияние фараона признавали далеко за пределами страны. Фараон являлся персонификацией Маат — понятия, которое мы переводим как «право», «правда» или «правосудие», но которое, по-видимому, имело ещё значение «естественный космический порядок». Поскольку фараон правил в образе бога, все вещи и все люди принадлежали ему, а его воля была законом» [1, с. 149].

Именно в фараоне идентифицируют себя как личность простые египтяне. В Египте нет

понятия индивидуальности, поскольку единственная Божественная Личность — фараон; для остальных «закон Маат» — преданно служить фараону при жизни во имя общего блага. Фараон был и пределом совершенства, и судьёй всех тяжб между подданными, и начало отсчёта времени, так как физической смертью фараона, точкой отсчёта времени становилось начало правления его преемника.

Концепция фараона как высшего из богов заметно пошатнулась в первый промежуточный период, но вновь набрала свою силу в монархии Нового Царства.

«Победы военного гения Тутмоса III подняли авторитет фараона на новую высоту; его советник Рехмир говорит о своём господине: «Бог, под властью которого живут люди, — единственный, кому нет равных» [1, с. 150 - 151].

Укрепление монаршего авторитета имело вполне конкретный материалистический характер — фараон сам выходил на поле боя, воз-

главляя свою армию. Политика завоеваний гарантировала военное превосходство Египта, традиции обеспечивали внутреннее единство социума. Величие страны определялось величием её создателей, ревностно соблюдающих закон Маат — главный духовный стержень их «жизни после смерти» в прекрасном Дуате, достичь которого им помогали подданные, искренне верящие в божественность своих царей.

Список литературы

1. *Альдред С.* Египтяне. Великие строители пирамид. М.: Центрполиграф, 2004. 421 с.
2. *Брестед Д., Тураев Б.* История древнего Египта. М.: АСТ. Минск: Харвест, 2006. 615 с.
3. *Уайт Д.* Боги и люди древнего Египта. М.: Центрполиграф, 2004. 324 с.
4. *Шинни П.* Нубийцы. Могущественная цивилизация Африки. М.: Цент — полиграф, 2004. 335 с.

ABOUT PERSONAL IDENTIFICATION OF PARADIGMA “KING — SLAVE” AND HER SPIRITUAL SENSE IN THE CULTURE ANCIENT EGYPT

Lyidmila L. Leonova

Perm State Agricultural Academy 10, 25 Ocyabrya st., 61400, Perm, Russia

The article is devoted to the cultural analysis of the paradigm “king — slave” in ancient Egypt civilization. The author examines the phenomenon of czar’s power in context profane culture Egypt, incarnation ideal czar’s power in his political and religious work.

Key words: sacral, picture of the world, truth, profan, consciousness, religion, experience.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.932.2

К ВОПРОСУ О ЦЕЛОСТНОСТИ «Я»**Д.Г. Трунов**

«Я» человека (его идентичность, субъективность) рассматривается как особый интенциональный объект (дискурсивный концепт), получаемый в результате синтеза отдельных переживаний в единое целое — синтеза, осуществляемого самосознанием («рефлексивным Я») в intersubъективном и дискурсивном пространстве.

Ключевые слова: феноменология; эгология; «Я»; эго-синтез; рефлексивное «Я»; целостность «Я».

Сомнения в априорной целостности «Я»

Человек воспринимает мир благодаря выделению в нем целостных объектов («гешталтов»). Однако ясно, что «единство» и «целостность» *восприятия* вовсе не является доказательством изначального «единства» и «целостности» *воспринимаемого*, т. е. реального объекта. Такое же рассуждение можно провести и по поводу такого специфического «объекта», как «Я». Еще античными философами «душа» была слишком поспешно наделена «единством» и «целостностью», исключительно на основании того факта, что эта душа воспринимает мир как мир целостных объектов; дескать, если она это может делать, значит, она сама обладает этим свойством. «Душа», таким образом, оказалась «заложницей» инструмента, которым она пользуется: ее свойства редуцировали к свойствам ее инструмента, а саму ее изобразили по образу и подобию тех предметностей, которые она воспринимает.

Но было бы слишком поспешным назвать это все ошибкой. Если это и «ошибка», то она необходима для существования человека, его бытия-в-мире. Без восприятия себя в качестве целостности человек не является тем, кем он является. Без восприятия мира в качестве целостности он не существует так, как он существу-

ет. Другими словами, познание души и мира действительно организовано. Но организация познания души и мира не является следствием *первоначальной* организации души или мира. Здесь усматривается обратная зависимость: организованность восприятия является причиной организованности «души» и «мира» (как воспринимаемых феноменов). Поскольку и «душа», и «мир» являются воспринимаемыми, то они также, как и другие предметности, подчиняются восприятию, в частности образуют некие интенциональные единства, которые лишь *полагаются* как реально существующие. Свойства нашего сознания таковы, что мы воспринимаем нечто (чем бы оно ни было) как целостный объект («гештальт»). Воспринятые нами интенциональные объекты приобретают по мере сознания характеристики целостности и самоидентичности. Даже если в «реальности» этой целостности нет, то интенциональное сознание того или иного объекта приведет его к этой целостности. Точно также в свете рефлексии естественно видеть «Я», «самость», «самобытие» в форме некой целостности, хотя *само по себе* «Я» может и не представлять из себя такое единство, и его как «унитарного объекта» вообще может и не быть. Иными словами, презумпция единого и целостного «Я», которая лежит в основе полагания «индивида как цело-

стной личности», может быть подвергнута сомнению.

Тезис об *априорной* целостности и единстве какого-либо предмета познания разрушается благодаря «феноменологической редукции» (Э. Гуссерль) [3]. Когда я начинаю познавать себя, свое «Я», то уже *заранее* подразумеваю, что «Я» целостно и единично, что оно не сливается с чем-либо, а является отдельной «предметностью». Я уже загодя наделяю свое «Я» характеристиками целостности и единичности. Если же следовать феноменологической установке, то выведение из игры («заключение в скобки») «реального человеческого Я», фигурирующего в обычной речи и естественно-объективной установке, приводит нас к рассмотрению этого «Я» в качестве полагаемого самим этим «Я» *ноэматического феномена* [4]. «Я» конституирует самое себя в собственных ноэтических актах и предстает в феноменологической метарефлексии как особого рода интенциональный объект, как «Я»-гештальт, «Я»-ноэма, эмпирическое «Я».

Однако в этих рассуждениях нет попытки своими сомнениями разрушить «Я», низвергнуть его со своего постаментов, как это мы можем наблюдать в следующем высказывании Ж. Лакана: «...собственное я структурировано также как симптом. Внутри субъекта оно представляет собой всего-навсего привилегированный симптом. Это исключительно человеческий симптом, душевная болезнь человека» [5]. Очень важно, что «Я», даже будучи «всего лишь» специфическим интенциональным объектом, мета-ноэмой, «привилегированным симптомом», вовсе не теряет от этого своей экзистенциальной ценности. Оно по-прежнему остается центром идентичности, центром самобытия. Как будто существует негласное *тяготение* к целостности и постоянству в субъективном самовосприятии.

Основания целостности «Я»

Выше мы искали основания этого тяготения в трансцендентальной структуре самовосприятия. Теперь мы обсудим «внешние»,

интерсубъективные и дискурсивные причины «канона целостности Я».

С одной стороны, человека окружают другие люди, которые создают множество позиций, точек зрения и, таким образом, «расслаивают» человека на многочисленные мнения о нем. С другой стороны, окружающие люди нуждаются в постоянстве и определенности и тем самым создают потребность у самого человека в том, чтобы привести это разнообразие к «общему знаменателю». Получается, что и множественность «Я» и норматив целостности «Я» имеют *интерсубъективную* природу. Принцип целостности своего или чужого «Я» — необходимое условие взаимного сосуществования, «коэксистенции» (термин Абаньяно). «Преемственность» поступков и переживаний — необходимый атрибут «социально-полноценного» индивида, «цельной личности». Интерсубъективный мир предпочитает определенность и постоянство. Другими словами, единство «Я» — это интерсубъективная («социальная») *функция*, и настойчивая потребность в моем постоянстве коренится не только и не столько во мне. Сначала эта потребность приходит в меня от других людей. Близкие, кто поддерживают мою жизнь, с упорной настойчивостью — это их ко-экзистенциальная потребность — создают «идею меня», а затем я, будучи созданным ими таким-то и таким-то, поддерживаю эту идею. Это не означает, что я останусь таким, каким меня «создали», навсегда, я могу меняться, но формы, в которые будет помещаться новое содержание, уже созданы. Таким образом, еще до своего обнаружения, до самооткрытия появляется внешняя точка зрения, точка зрения Другого, на которую я встаю и смотрю на себя его глазами. Аутодефиниция фундирована в гетеродефиниции.

Формальный (формирующий) инструмент интерсубъективного основания единства и постоянства «Я» следует искать в языке, или *дискурсивной среде*, т. е. в определенном типе «лингвистической детерминации субъектных знаков» [2]. Дискурсивное формирование субъективности как целостности теснейшим образом связано с языковыми средствами обозначения

ния «самости», в частности — с использованием «социальных имен» и местоимений. Казалось бы, нет ничего более естественного, чем обозначение себя местоимением «Я» или употребление по отношению к себе своего личного имени; они всегда здесь, со мной. Но простейший анализ показывает, что присутствие в моем бытии имен и местоимений имеет исключительно интерсубъективное основание. Во мне как изолированном индивиде нет ничего, что могло бы служить основанием для самоименования. Все имена и местоимения, которыми я пользуюсь, я получаю от окружающих меня людей. Значит, было время, когда у меня не было ни имен, ни местоимений. Но был ли я в это время? Ответ на этот софистический вопрос таков: не было *того*, что позднее будет обозначено как «дискурсивный концепт моего бытия», того, с чем я буду «себя» идентифицировать. Наше «Я», по выражению В. Подороги, является, прежде всего, «лингвистическим телом», которое мы застаем вместе с языком и связанным с ним дискурсивным мышлением, а потому мы не имеем опыта пребывания во времени до того момента, когда Другой нас нарекает тем или иным именем: «Мгновенная частица речи — это “я”, которое опережает все другие эффекты мира; оно уже здесь, уже в центре мира, и только потом следует мир, в котором оно — это тело, сосредоточенное в “я”, — начинает прокладывать свои пути. Всегда “Я” и всегда “Уже”, мир запаздывает, а вместе с ним запаздывает и тело Другого» [6]. То, что описывает здесь Подорога, — уже *результат* «дискурсивной экспансии». Однако путь к этому результату представляется, напротив, прямо противоположным по появлению вышеуказанных персонажей. Сначала происходит встреча с *Другим*, который рассказывает будущему «мне» о *Мире*, и среди объектов этого Мира он показывает *меня*, в частности мое тело, которое до этого, безусловно, было, но о нем ничего не было известно, ни его название, ни то, что оно «мое» и пр. Это открытие меня настолько потрясает, что теперь я действительно вижу себя как свое тело, расположенное в центре Мира. «Я» становится центром высказывания, не догадываясь

(или забывая?) о своем происхождении из Другого. Не мудрено, что Другой просто вытесняется на периферию. Раз утвердившись таким образом в мире, мне не легко принять, что может существовать какая-либо другая система отсчета, исходя из которой можно не признать доминирующее положение моего тела в мире. Если кто-то говорит «Я», то не потому, что он выбирает себя субъектом, «а потому, что он уже задан в качестве субъекта определенным “сцеплением” языковых и материальных знаков, вне и помимо его сознания»; если кто-то говорит «Я», то «он уже в норме и признает договор, давно и не им заключенный, между якобы внутренним, интимно личностным отношением к себе и внешним явлением тела Другого» [6]. Роль имен и местоимений можно возвышать, равно как и низвергать. Например, «я», «мы», «наше» Г.Г. Шпет считает только «оборотами речи», которые указывают нам на определенную субъектную форму [8]. Поэтому любая попытка «ухватить» «Я» приводит к тому, что последнее превращается в пустую когнитивную форму, обозначаемую в высказываниях весьма кратким местоимением «я».

Я всегда встречаюсь уже со своим именованным бытием, а другого самобытия я не знаю. Заглянуть *до* себя, *до* своего имени я не могу. Когда я задумываюсь о себе, «Я», «имярек» уже есть. Языковое понятие (имя) — любое слово, словосочетание, местоимение, которое служит *указанием-на*, — это пустая форма «Я», «ярлык», это центр кристаллизации «Я»-ноэмы. Можно говорить о двух метафорах, описывающих дискурсивное конституирование субъективности («Я»): метафора «центра» и метафора «содержания-оболочки». В первом случае указывающее имя занимает место в центре и собирает вокруг себя многообразные самовосприятия; в последующем имя может меняться, но оно уже создало центр, расчистило место для «Я»-концепции. Во втором случае указывающее имя представляет собой что-то вроде «контейнера», «оболочки», содержащей некий перцептивный комплекс, включающий в себя переживания, выхваченные из всего пото-

ка самовосприятия, которые таким образом становятся содержанием понятия «Я».

Наконец, укажем еще на одну предпосылку для формирования целостного образа «Я»-нозмы, возможно, «самую фундаментальную»: физическое единство человеческого организма, единство его тела как объекта. Телесная объектность является, стало быть, априорным и определяющим условием для будущей целостности укорененного в этой телесности «Я». Если на время представить, что человеческое тело не дано нам в качестве единого физического объекта, то, быть может, в этом случае мы вообще не поднимали бы речь о некоем «едином Я».

Эго-синтез: конституирование «Я»

Сознание — это всегда интерпретативный акт, независимо от того, на что оно направлено: на внешний мир или на самое себя. Если «бытие» — это продукт «внешней» интерпретации, то «Я» — это продукт рефлексивной самоинтерпретации, или *рефлексивного «Я»*¹. Если мы говорим, что «Я» живет в интерпретации, мы имеем в виду, что «Я» есть одновременно и субъект, и объект этой интерпретации; что «Я» живет, интерпретируя и будучи интерпретируемым; что «Я» живет не только в интерпретации, но и в сознании этой интерпретации. Интерпретирующая работа рефлексии (*cogitare*) напоминает складывание картины из фрагментов мозаики (*cogitationes*); слово *cogitare* здесь означает: «свести вместе», «собрать что-то рассыпавшееся»². Интерпретация, стало быть, заключается в со-единении, со-положении, со-вмещении в поле воображения различных фрагментов самобытия; иными словами, в установлении смысловых взаимосвязей — пространственных, временных, ассоциативных, причинных и др.³.

¹ Феноменологическое обоснование понятий «рефлексия» и «рефлексивное Я» подробно дается в [7].

² Толкование взято из [1].

³ Ассоциативная активность — частный случай такого смыслового синтеза; «ассоциации идей» (Д. Юм, Дж. Локк) — это элементарные смысловые сопряжения.

Когда мы говорим об интерпретирующей деятельности, то речь идет не только о *синтетической*, но и об *аналитической* активности рефлексивного «Я», однако последняя, в конце концов, полностью подчиняется первой: всякое различие, всякое разделение осуществляется ради одного — создания наиболее упорядоченной и согласованной целостности «Я».

Рефлексивное «Я» можно представить как своеобразную совокупность трансцендентальных условий самосознания, необходимых для образования единого и целостного эмпирического «Я». Вот некоторые из них:

- способность к разнообразным восприятиям, таким как внешняя и внутренняя чувствительность, которые могут быть направлены на особого рода «ближайшее сущее»;
- в самом восприятии мы особо отметим интенциональность сознания, которое в своей «направленности на...» творит предметность;
- социокультурные предпосылки: наличие языка, использование языковых знаков, возможность сопрягать опыт самовосприятия с языком;
- особой предпосылкой-условием для единства и целостности «Я» является использование имени;
- язык здесь выступает как формообразующая компонента; память и апперцепция: сохранение и расширение образа себя;
- воображение, которое делает возможным эксцентричную позициональность и в котором происходит синтез интенционального объекта;
- интерсубъективность: внешнее подтверждение моего бытия, его постоянства и тождественности другими людьми.

Скорее всего, этот список далеко не полный, но тем не менее создается ощущение, что феномен целостного «Я» мог родиться только в сочетании *многих* условий, которые причудливо сплелись в человеке и дали ему возможность самосознания.

Добавим к этому, что если бы тождественность и единство «Я» существовали априорно

— «по природе», «по сущности», — то не возникло бы многих эгологических проблем, например, с определением границ «Я», с эгоидентичностью и т.д. С точки зрения экзистенциальной феноменологии, не только философские вопросы о «Я», но и обычные психологические проблемы, «внутриличностные» конфликты и противоречия, — это естественные ситуации, которые являются следствиями *изначальной множественности «Я»*, а не его единства.

Быть может, ответить на вопрос о трансцендентальном эго-синтезе поможет изучение так называемых «психопатологических состояний», когда чувство «Я» начинает «разрушаться». Если, например, начинает меняться поток переживаний, — будь то связано с внешними обстоятельствами или с внутренними, — то я начинаю терять привычное чувство «Я» и качество моего дальнейшего существования будет целиком зависеть от того, насколько я успешно осуществляю новый эго-синтез, — так, в переходе через пограничные психические состояния, в их переживании можно усмотреть процесс (вос)создания собственного «Я». И наоборот, изучение синтетической функции самосоз-

нания проливает свет на «психопатологию», — так, с точки зрения концепции множественного «Я», многообразная «эго-патология» вроде «расщепления ума» будет толковаться не как болезнь «объекта» с названием «Я», «личность», «душа», а как своеобразный эго-синтез, построенный по особым, не традиционным для данного социума дискурсивным правилам.

Список литературы

1. *Августин Аврелий*. Исповедь. X, XI, 18.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974. С. 296.
3. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М., 1999.
4. *Гуссерль Э.* Феноменологическая психология. Амстердамские доклады // Логос. 1992. № 3. С. 70-71.
5. *Лакан Ж.* Семинары. Книга I: Работы З. Фрейда по технике психоанализа (1953-54). М., 1998. С. 24.
6. *Подорога В.А.* Феноменология тела. М., 1995. С. 33-34.
7. *Трунов Д.Г.* Введение в феноменологию самопознания: монография. Пермь, 2008. Гл. 2, 5.
8. *Шнем Г.Г.* Явление и смысл (Феноменология как основная наука и её проблемы). Томск, 1996.

ON THE INTEGRITY OF THE SELF

Dmitry G. Trunov

Perm State National Research University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Self (identity, subjectivity) is considered as special intentional object (discursive concept), received as a result of synthesis of separate experiences in a single whole — the synthesis which is carried out by consciousness («reflective Self») in intersubjective and discursive space.

Key words: phenomenology, Self; ego-synthesis; reflective Self; the bases of integrity Self.

УДК 364.044+316.6

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ***Н.Д. Узлов***

В статье приводятся основные признаки традиционных и высоких гуманитарных технологий. Дается характеристика нетократии — нового зарождающегося правящего класса постиндустриальной эпохи и соответствующей ему модели управления обществом и человеческими ресурсами, получившей название психоинжиниринга. Подчеркивается значимость новых гуманитарных технологий для современной России как технологий управления будущим.

Ключевые слова: гуманитарные технологии; высокие гуманитарные технологии; власть; информационное общество; нетократия; психоинжиниринг; управление будущим.

Словарь по общественным наукам определяет гуманитарную технологию как «социальную технологию, основанную на практическом использовании знаний о человеке в целях создания условий для свободного и всестороннего развития личности» [4]. Однако в других подходах социальная технология по отношению к гуманитарной выступает не как родовое понятие, а как равноположенное. По мнению Б.Г.Юдина [22], о социальных технологиях имеет смысл говорить тогда, когда речь заходит о воздействиях на социум в целом или отдельные социальные группы. Гуманитарные технологии подразумевают технологическое воздействие, ориентированное на отдельного человека (или нескольких индивидов).

Это означает, что очень часто одни и те же воздействия можно относить как к социальной, так и к гуманитарной технологии. Гуманитарные технологии можно понимать как новые, современные формы бытования и функционирования гуманитарного знания. С другой стороны, прилагательное «гуманитарный» подчеркивает сфокусированность этих воздействий на человеке.

Развитие гуманитарных технологий тесно связано с именами известного философа и методолога Г. П. Щедровицкого (1929–1994) и советско-американского ученого, психолога и математика В. А. Лефевра (1936), впервые при-

менившего математический подход к социальной психологии.

Г.П.Щедровицкий был одним из основателей и разработчиков СМД — методологии (системно-мыследеятельностной методологии) — направления в отечественной философской и социально-гуманитарной мысли, возникшей еще в 1960-е гг. Объектом критики представителей этого направления была традиционная наука, которой свойственны натурализм, абстрактность знаний, объяснительный подход, которые не способны решить возникающие проблемы жизни общества. Ей противопоставляется методологическая работа, смысл которой — генерирование новых средств и инструментов деятельности. «Суть методологической работы не столько в познании, сколько в создании методик и проектов, — писал Г.П.Щедровицкий, — она не только отражает, но также и в большей мере создает, творит заново...» [21, с. 95]. Основные продукты методологической работы — конструкции, проекты, нормы, методические предписания и т. п. В отличие от продуктов классической науки они не могут и никогда не проверяются на истинность, они проверяются лишь на реализуемость.

В.А.Лефевр предложил простые уравнения для предсказания «крупномасштабных» последствий индивидуальных действий. Среди параметров уравнений — образ Я человека, а также действия самого человека, учитывающе-

го «поведение» собственного образа себя. Результат — число, выражающее вероятность того, что рассматриваемый человек выполнит определенное действие [13]. Эмигрировав в 1974 г. в США, он участвовал в разработках в сфере ведения информационной войны, а в настоящее время область приложения его интересов — противодействие международному терроризму.

В начале XXI в. мы являемся свидетелями того, как находит свое воплощение многое из того, что в 1960-70-е гг. прошлого столетия могло видаться лишь как более или менее отдаленная перспектива. Само гуманитарное знание все чаще выступает в технологических формах, будучи направлено не столько на объяснение, сколько на изменение реальности. Маркетинг, реклама, брендинг, связи с общественностью, технологии работы СМИ, политические технологии и т. д. — далеко не полный перечень практической реализации гуманитарных наук.

В XX в. получили развитие фабрики мысли (англ. *thing tanks*) — организации, качественно использующие достижения междисциплинарной научной мысли для выработки экспертизы и глубокого улучшения процесса конкретных политических практик, технологий решения общественных проблем. Первой и, по видимому, самой крупной в мире «фабрикой мысли» считается РЭНД — **Корпорация RAND** (сокр. от *Research and Development* — научно-исследовательские разработки). Она была основана в 1948 г. в США и первоначально занималась в основном техническими разработками в сфере обороны и национальной безопасности. С течением времени в исследовательском центре появились специалисты по социальным наукам — политологии, экономике, социологии, психологии и т. д., и RAND стала выполнять большой объем заказов правительства США. Сегодня RAND публикует отчеты по самой широкой тематике — от проблем здравоохранения и борьбы с наркотиками до исследований рынка труда, региональной интеграции, экологии, международных отношений и вопросов безопасности как США, так и других стран. Среди его заказчиков присутст-

вуют автомобильный гигант Ford Motor и фармацевтическая компания Pfizer, Гарвардский и Стэнфордский университеты, ООН, Еврокомиссия и Всемирный банк, фонды Сороса и Рокфеллера и др. [2].

Фабрики мысли действуют как независимые, неправительственные, некоммерческие организации. Аналоги: аналитический центр, ресурсный центр, центр гражданского образования, центр избирательных технологий, правозащитный центр, центр публичной политики и др.

Гуманитарные технологии — это действия (исследовательские, аналитические, информационные, организационные), в которых присутствует алгоритм (логистика) их выполнения и оценки. В то же время составляющие этого гуманитарного алгоритма не имеют однозначных определений и не поддаются математической оценке.

Гуманитарные технологии — это технологии инноваций, производство новых способов деятельности. Гуманитарные технологии проектируются на основе системного и деятельностного подходов, мышление здесь становится основным и центральным их звеном. Организация мышления как технической составляющей гуманитарной технологии осуществляется по «особым» гуманитарным законам и методам. В этой связи следует заметить, что Щедровицкий называл методологию технологией мышления.

Гуманитарные технологии характеризуются ресурсоемкостью. Под ресурсом в них понимается наличие: а) идей, концептов и т.п. и их перевод в разряд деятельностных целей и задач, программ и проектов; б) людей, способных разрабатывать и реализовывать развивающие проекты и программы; в) финансов и требуемой материальной базы.

Гуманитарные технологии — это система научно-гуманитарных знаний, использование которых позволяет реализовать конкретный человековедческий замысел при помощи определенных условий, средств и способов. Объект и замысел определяют в технологии все остальное: какие нужны научно-гуманитарные зна-

ния, условия, средства, способы процесса реализации замысла.

Гуманитарные технологии проектируются с использованием комплексного знания: гуманитарного и естественнонаучного. Информация в таких технологиях рассматривается как отдельный элемент, который в технологии выполняет посредническую функцию. Она позволяет не только оперативно взаимодействовать между всеми субъектами технологического процесса, его активными участниками, но и в значительной степени «сжимать» и «технологизировать» время, работая, например, в on-line — режиме реального времени.

Гуманитарные технологии являются инфраструктурными (нелинейными). Это означает зависимость каждого элемента гуманитарной системы от целого ряда неопределенных факторов. Нелинейность выражается в необходимости фиксировать получаемые промежуточные результаты и продукты, а также возможности их использования в других системах деятельности. В этом смысле гуманитарные технологии характеризуются функциональным укрупнением деятельности, следствием чего является автономизация отдельных ее составляющих [5; 8].

Индифферентность к содержанию — один из главных признаков технологии. М.С.Гринфельд указывает на общность признаков социально-экономической и гуманитарной технологии и дает им следующее определение: «Социально-экономической и гуманитарной технологией называется такой способ описания успешного опыта в социально-экономических (маркетинг и менеджмент) и гуманитарных областях (психология, педагогика), у которого присутствуют следующие свойства: ориентация на результат, алгоритмизированность, отделимость от личности, индифферентность к содержанию, собственный язык описания и устойчивая повторяемость в достижении хороших результатов при применении». «Если то, чем вы владеете — социально-экономическая и гуманитарная технология, — указывает он, — то вы можете достаточно просто применить его к маркетинговым исследова-

ниям, продажам, рекламе» [20]. Имея этот инструмент, вы можете заняться управленческим или психологическим консультированием. В этом плане интересно высказывание Леонида Кроля, директора Института групповой и семейной психотерапии и Центра по обучению персонала в интервью газете «Взгляд» 21 декабря 2006 г.: «Тут нет четкого разделения: бизнес-тренинг и психотерапия. Мне нравится, когда я иду на тренинг с чисто деловыми задачами, а заодно работаю над тем, чтобы вытащить людей из их мелких стереотипов, помочь им интереснее думать и глубже чувствовать. Я летел недавно на тренинг в Новосибирск и в самолете работал над провокационным текстом «Сказкотерапия на переговорах». Я пытался смешать две реальности: бизнес и культуру сказок... Например, в российской традиции человек часто получает три «нет» перед «да», как в сказке. Если знать об этом и понимать, что это особенность культуры, а вовсе не личного отношения, с этим легче взаимодействовать. Вы будете общаться, ожидая «да» только с четвертого раза».

Гуманитарные технологии действуют в пространстве, подверженном влиянию многих факторов, поэтому выводы о результатах их применения во многом условны.

Декларируется, что гуманитарные технологии — это технологии, ориентированные на развитие человеческой личности и на создание соответствующих условий для этого. Другими словами, это способы совершенствования моральных и этических норм, развития интеллектуального потенциала и физического состояния. Предполагается в связи с этим, что гуманитарные технологии призваны использовать, главным образом, развивающие стратегии, позволяющие на основе научно-гуманитарных знаний реализовать предложенный субъекту замысел:

- развивать способность анализировать ту информацию и знания, которыми будущий специалист будет пользоваться для принятия решений;

- самосовершенствоваться и саморазвиваться;
- самостоятельно и эффективно решать проблемы в области профессиональной деятельности;
- самостоятельно действовать в условиях неопределенности;
- проявлять ответственность за выполняемую работу;
- управлять психофизическим состоянием и т.п.

В своем высоком предназначении гуманитарные технологии должны отличаться диалогичностью и отсутствием манипулятивности.

Условия диалога в гуманитарной технологии обеспечиваются путем преднамеренного конструирования субъект-субъектных отношений, обуславливающих характер индивидуально-личностных изменений, например, взаимодействия преподавателя и студента. Результатом такого взаимодействия будут «состояния», в которых участники диалогового процесса смогут услышать, понять смыслы друг друга, выработать доступный язык общения, что позволяет достичь желаемого результата и реализовать замысел. Примером диалогичности может служить также клиент-центрированная психотерапия, в которой одним из лечебных факторов выступает самораскрытие не только пациента, но и самого терапевта.

Открытость целей работы с человеком, отсутствие манипулятивности можно обеспечить через прояснение целей, возможность их коррекции, изначально заложенную в алгоритм технологии. Постоянная диагностика выполнения замысла позволяет выявлять и устранять ошибки, корректировать процесс деятельности, будь то развитие персонала, обучение студентов или экзистенциальная психотерапия.

Однако, как справедливо указывает Б.Г.Юдин, гуманитарные технологии очень часто выступают в иной, прямо противоположной, роли, поскольку предназначаются для того, чтобы навязать индивиду тот или иной выбор. Безусловно, в данном случае речь идет о «мягком» воздействии, поскольку нет прямого

принуждения. Тем не менее во многих случаях эти технологии применяются именно для того, чтобы индивид делал тот выбор, который требуется клиенту-заказчику данной гуманитарной технологии. Это можно проиллюстрировать на примере использования политических и избирательных технологий. Предполагается, что государственные законы издаются в интересах большинства граждан страны, однако технология лоббирования позволяет оказывать влияние на мнение депутатов, изменяя его мнение в интересах определенных финансовых групп, политических партий или объединений. В избирательных кампаниях политтехнолог выполняет конкретный заказ — обеспечение благоприятных для «клиента» итогов выборов. Политтехнолог, анализируя ситуацию и давая рекомендации по построению стратегического образа кандидата или руководителя, не может нести ответственность за стабильность выстроенного ими позитивного образа после окончания избирательной кампании. Его задачи носят ограниченный и вполне конкретный характер. Характерной особенностью современных гуманитарных технологий является то, что в большинстве случаев результатом, на получение которого они направлены, является та ли иная поведенческая реакция индивида — голосование за «нужного» кандидата, принятие необходимых кому-то поправок к закону, привлечение внимания потребителя к определенному товару и увеличение числа продаж и т.д. [22].

Именно в связи этим практика использования гуманитарных технологий в целях манипуляции сознанием и поведением людей вызывает настороженное отношение к ним в обществе. Однако это не означает неизбежность применения в гуманитарных технологиях только манипулятивной стратегии. Яркими примерами использования диалоговой модели между взаимодействующими субъектами являются педагогические технологии, коучинг, личностно-ориентированный подход в психотерапии, организационно-деятельностные игры, проектный менеджмент, рефлексивное управление и др.

Эффективное использование гуманитарных технологий и их широкое распространение в

наши дни во многом обязаны тому, что общество вступило в информационную эпоху. Говорят также об информационном обществе (information society) как новой исторической фазе развития цивилизации, главными продуктами производства являются информация и знания. Отличительными чертами информационного общества являются:

- увеличение роли информации и знаний в жизни общества;
- возрастание доли информационных коммуникаций, продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте;
- создание глобального информационного пространства, обеспечивающего: а) эффективное информационное взаимодействие людей, б) их доступ к мировым информационным ресурсам; в) удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах.

Информационные технологии дают практически всякому, применяющему их, возможность глубокой и относительно произвольной перестройки массового и тем более индивидуального сознания. И эта возможность, какой бы скрытой и частичной она ни была, активно используется уже сегодня. Значительная часть применяемых в настоящее время информационных технологий изначально предназначена именно для такой перестройки сознания (например, ТВ, Интернет или сотовая связь). И эта перестройка является не побочным продуктом достижения какой-либо основной, традиционной цели (улучшение связи, предоставление больших аналитических и организационных возможностей и т.д.), но в качестве главной, ключевой цели воздействия [16].

Массовое развитие информатизации привело к тому, что на смену high technologies (high-tech) пришли выросшие на их фундаменте high humanities (high-hume) — высокие гуманитарные технологии общения и формирования сознания. High-hume — это методики, позволяющие эффективно и целенаправленно воздействовать на общественное сознание и тем самым на общественные процессы. High-hume

— это по сути и есть соединение традиционных гуманитарных технологий с информационными, однако это не механическое соединение, а качественно новый технологический прорыв, имеющий долговременные последствия для эволюции человеческого сознания.

Различие традиционных и новых гуманитарных технологий можно проиллюстрировать на примере рекламы. Обычная торговая реклама, предлагая какой-либо товар, подстраивает его под вкусы потребителя. Новая рекламная технология, наоборот, путем информационной обработки, по образному выражению политолога В. Норского, «форматирует» покупателя под изделие, подгоняет предпочтения клиента под уже имеющийся товар [15].

Новые гуманитарные технологии характеризуются рядом признаков:

1. Гуманитарные технологии современности построены на убеждении, что существует определенный изоморфизм между человеком и обществом. Технология, которая управляет личностью, одновременно управляет и обществом, и наоборот. Поэтому гуманитарные технологии, с одной стороны, оказывают сильное воздействие на личность, а с другой — прямое или опосредованное воздействие на общество.
2. Новые технологии ломают традиционные представления о физической реальности и психике, оказывают эволюционирующее воздействие на человека [16].
3. Гуманитарные high-hume технологии основываются на творческо-интуитивном способе познания мира, в отличие от традиционных, которые строятся на основе закономерностей абстрактно-логического мышления. Эффективность новых технологий связана с тем, что они строят свое манипулирование объектами воздействия (людьми и коллективами) именно на основе органической приверженности последних традиционной формальной логике, эксплуатируя естественную ограниченность последней и делая таким образом всякое использование чисто логических построений заведомо обреченным на неудачу. Логика как способ

функционирования сознания по своей сути соответствует в основном традиционным технологиям high-tech [5; 8].

4. Новые гуманитарные технологии нельзя поставить на конвейер, приспособить для получения типового и стандартного результата, как, к примеру, физические технологии. В качестве переменных всегда будут выступать человеческий фактор (личность) и контексты (объективные обстоятельства, в которой эта личность взаимодействует с окружающим ее миром).
5. Гуманитарные технологии связаны с социальной синергетикой. Социальная синергетика исследует нелинейные изменения и процессы самоорганизации, возникающие в неустойчивом, неравновесном обществе, акцентирует внимание на аспектах социальной реальности, которые в классических теориях рассматриваются как второстепенные и случайные, хотя в кризисной ситуации могут сыграть решающую роль [10; 11].
6. Гуманитарные технологии — это технологии проектирования будущего, которое может быть многовариантным. Попытки управлять будущим связаны с построением моделей, и этих моделей может быть множество. Возможности повлиять на ход событий определяются желанием, качеством проекта и активностью в его продвижении. При этом неважно, какими вы обладаете ресурсами: это может быть только личная харизма или власть и влияние во всех сферах общества [5; 12].
7. Владение гуманитарными технологиями в эпоху глобализации становится ключевым фактором могущества стран (или других сил) на международной арене.

В.М.Сергеев указывает на два ключевых фактора успеха при проведении всевозможных манипуляций над обществом. Его формула гуманитарных high-hume достаточно проста: сети + образы = мобилизация. Социальные сети — это группы людей, отличающиеся между собой по отдельным социальным характеристикам (этнические, религиозные, национальные, по-

литические, финансовые и проч.); образы — транслируемая в сетях, специальным образом обработанная (средствами СМИ, поп-культуры, пропаганды, слухами, психологической войны и проч.) информация. Примером может служить супертехнология борьбы с международным терроризмом. В ней задействованы различные сети — от отдельных групп населения, пострадавших от насилия, например, бывших заложников, до мощно организованных спецслужб крупнейших стран мира и т.д. и «образы врага», например, исламского фундаментализма, ваххабизма и проч. Вокруг этого создается мощный пропагандистский аппарат, раскручивается военный бюджет, оправдывается экспансия во внутренние дела чужих государств, оказывается давление на государства-изгои, навязываются чуждые западные ценности жителям стран с традиционным восточным менталитетом и проч. [5]. В качестве примера «мобилизации» через социальные сети можно привести прокатившиеся в последние два года революции в арабском мире, молодежные погромы в Лондоне летом 2011 г., столкновения футбольных фанатов и др.

Большой эффект создает грамотное сочетание high-tech и high-hume технологий. По мнению С.Б.Переслегина, таким способом была сделана «оранжевая революция» на Украине. Ее технологическим и структурным носителем были мобильные телефоны, а задействованной технологией являлась флэш-моб-технология. Идеологом и разработчиком ее является американский социолог Говард Рейнгольд [18]. Флэш-моб (от англ. flash — вспышка; миг, мгновение; mob — толпа) переводится как «вспышка толпы» или как «мгновенная толпа». По сути это грандиозный «прикол», который устраивают сотни людей во всем мире. В определенное время, в определенном месте внезапно, как бы случайно, возникает толпа. Затем толпа выполняет заранее оговоренный план действий, чаще всего безумный и шокирующий. После этого толпа исчезает также быстро, как и появилась. Средствами связи в флэш-мобе являются мобильная связь и Интернет. На основе мобильной связи можно организовать

сетевую структуру, которую невозможно подавить классическими методами. На этом и сыграли «оранжевые» на Украине [5].

Г.Г.Малинецкий указывает, что овладение высокими гуманитарными технологиями обеспечивает превосходство и в военной сфере: «Если в XX веке победу обеспечивало превосходство в высоких военных и производственных технологиях (high-tech), то в XXI веке на первый план выйдут высокие гуманитарные технологии (high-hume). Рефлексивное управление, информационные атаки, организационное оружие, технологии управления хаосом, методы воздействия на массовое сознание и установки элиты — область активной работы наших оппонентов. Борьба систем управления, мониторинга, прогноза новых поколений и «умного оружия» — те реальности, к которым следует готовиться в России». Научный прогноз и соответствующие информационные технологии столь же важны, как атомные бомбы и ракетные комплексы. Им соответствуют технологии проектирования будущего, которые активно создаются и используются в развитых странах. В США проектирование будущего возложено на национальное разведывательное сообщество. В стране ежегодно проводится более 30 конференций по этим проблемам. К работе над этими проблемами привлечены Нобелевские лауреаты, ведущие риск-менеджеры страны, мозговые центры — Корпорация РЭНД, Институт сложности в Санта-Фе, Национальная лаборатория в Лос-Аламосе и многие другие» [14].

Массовое распространение компьютерных информационных технологий привело к возникновению в мире совершенно нового общества, которые привычно называют информационным или постиндустриальным. Оно породило новый правящий класс постиндустриального общества, названного «нетократией» (производное от слов net [сеть] и cratio [править]) [1; 9]. Известный бизнес-консультант и журналист Е.В.Гильбо пишет: «Сегодня наиболее прибыльными стали бизнесы, связанные не с производством, а с постиндустриальной деятельностью. Сегодня на смену борьбе за рынки

сбыта и производственные ресурсы, контроль которых был основой власти в индустриальном обществе, пришла борьба за каналы информации, за построение социальных сетей, которые являются основой прибыльного постиндустриального бизнеса. Создатели и обладатели этих неустойчивых нематериальных активов — нетократы — становятся правящим классом в той мере, в какой общество все более и более становится постиндустриальным. Власть постепенно утекает из рук обладателей материальных капиталов и переходит к кураторам социально-информационных сетей и нового типа управления обществом» [3, цит. по 5, с. 49].

Нетократия — это новая форма управления обществом, в рамках которой основной ценностью являются не материальные предметы (деньги, недвижимость и т.д.), а информация. Полноценный доступ к достоверной информации и манипуляции с ней обеспечивают власть над остальными участниками того или иного социума (общества, страны, государства). Считается, что именно сетевая монополия на эксклюзивное знание делает нетократию господствующим классом информационного общества. Буржуазия при этом занимает такое же «декоративное положение», как аристократия в капиталистическом обществе. Заметим, не материальная выгода, не капитал, становится главной движущей силой развития общества и основным мотивирующим фактором человеческой деятельности. Господство обеспечивается лабиринтами сетей высшего ранга, где принимаются решения, которые элитарно неприступны [6; 7]. Бытует мнение, что именно нетократы отобрали деньги у банкиров и олигархов в период экономического кризиса 2008-2009 гг.

В новой модели управления большое значение приобретает капитализация психических ресурсов. Реальным источником власти нового правящего класса, безусловно, будет являться новая система технологий управления поведением. «Причем совершенно точно, что эта система технологий не имеет и не будет иметь ничего общего ни с одной из гуманитарных наук, ни с какой-либо их комбинацией. Однако в отличие от уже существующих технологий

управления поведением новая система технологий будет очень глубоко переплетена с управлением стоимостью. Точнее, будет являть собою гибрид из управления поведением и управления стоимостью. Отсюда и гудвил как количественный интегральный критерий для управления конкурентным столкновениям» [6].

Новая форма управления уже приобрела свои очертания и получила название «психоинжиниринг», понимаемая как **общая методология** проектирования и управления психическими ресурсами организаций. Психоинжиниринг, который пришел на смену рефлексивному управлению, требует включения системы т.н. «частных технологических реализаций», позволяющих решать конкретные задачи управления, без которых он не имеет операционной ценности. Так, в рамках Московского проекта «Нетократия» разработано уже более 20 таких технологий. Например, технология «Образ» представляет собой методику измерения переходных процессов в квазисознании целевой аудитории СМИ; технология «Барракуда» есть не что иное как комплексная технология конкурентной войны; технология «Баррикада» противодействует этим методам; технология управления социальной энергией осуществляет прорыв в плане повышения качества трудового коллектива и т.д. [17].

«Кто владеет информацией, тот владеет миром», — сказал Уинстон Черчилль. Это высказывание английского политика как никогда актуально в наше время. Президент РФ Дмитрий Медведев в своих выступлениях постоянно делает акцент на модернизации, в первую очередь это касается государственного и корпоративного управления, в области которого Россия значительно отстает от большинства стран не только США и Европы, но и третьего мира. Классические линейные манипулятивные схемы старых гуманитарных технологий, основанные на закономерностях абстрактно-логического мышления, исчерпали себя. На практике они способствуют деформации индивидуального и общественного сознания, стяжательству, обогащению отдельных личностей, провоцируют коррупцию и насилие. High-hume

больше соответствует творческая интуиция, возрастает роль «человеческого фактора» в хорошем смысле его понимания, поскольку в новой управленческой модели психоинжиниринга доступ к новым технологиям основывается исключительно на доступе к специалистам, обладающим ключевыми технологическими компетенциями. В этом смысле высокие гуманитарные технологии — это технологии проектирования будущего, которое закладывается уже сегодня и предполагает не только мощный технологический прорыв, но и возможность управлять этим будущим уже сейчас [19].

Список литературы

1. *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия: Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
2. *Богуш Д.* Кратко о RAND Corporation. [Электронный ресурс]. ГКДЖ (дата обращения: 23.09.2011 г.).
3. *Гильбо Е.* Цикл «Нетократия». Часть I «Форма склоки» [Электронный ресурс]. 13 января 2006. URL: <http://www.stringer.ru/publication/mhtml?Part=46&PublID=5132> (сайт заблокирован) (дата обращения: 23.09.2011 г.).
4. Гуманитарная технология [Электронный ресурс] //Словарь по общественным наукам. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Словарь%20по%20общественным%20наукам/~Г/10/> (дата обращения: 25.09.2011 г.).
5. Гуманитарные технологии — высокие и низкие // Компьютерра. 2005. № 35. С.22-31.
6. *Денисов А.А.* Нетократия и рефлексия: Засекречивание в постиндустриальном обществе //Рефлексивные процессы и управление. 2007. Т. 7. № 1. С. 33-50.
7. *Денисов А.А.* Нетократия как стратегический субъект 21 века // Проблема субъектов российского развития: мат. Межд. форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16-19 октября 2006, г. Звенигород / под ред. В.Е.Лепского. М.: Когито-Центр, 2006. С. 48-57.
8. *Елисеев С.М.* Проблемы и парадоксы гуманитарных технологий //Санкт-Петербургский политологический журнал. 2001. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://politjournal.spb.ru/120103.html> (дата обращения: 24.09.2011 г.).
9. *Зуев А.Г., Мясникова Л.А.* Нетократия [Электронный ресурс]. ГКДЖ (дата обращения:

- 20.09.2011 г.).
10. *Котельников Г.А.* Социальная синергетика // Дух и время: Философско-культурологический альманах. Вып.1. Белгород: Изд-во Белгородского государственного университета, 1998. С. 11-17.
 11. *Котельников Г.А.* Теоретическая и прикладная синергетика. Белгород: Изд-во БелГТАСМ; Крестьянское дело, 2000. 162 с.
 12. Кузнецова, Н. А. *Расширение гуманитарных технологий на основе компетентностного подхода* [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Эйдос» URL: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0901-3.htm> (дата обращения: 24.09.2011 г.).
 13. *Лефевр В.* Алгебра совести.. М.: Когито-Центр, 2003. 426 с.
 14. Малинецкий Г.Г. Проектирование будущего, мониторинг и прогноз в контексте национальной безопасности: выступление на Первой Всероссийской конференции «Комплексная безопасность в использовании инновационных инфокоммуникативных технологий» [Электронный ресурс] // Государственная Дума. — 21.02.2008. URL: <http://www.nonlin.ru/node/196> (дата обращения: 23.09.2011 г.).
 15. *Норский В.* Проблема русских левшей, или Издержки глобализации [Электронный ресурс]. URL: <http://wap-wappy.narod.ru/statia11.htm> (дата обращения: 21.09.2011 г.).
 16. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи /под ред. М.Г.Делягина. М.: Инфра-М, 2000. 344 с.
 17. Психоинжиниринг [Электронный ресурс]. URL:<http://www.netocracy.us/index/0-17> (дата обращения: 23.09.2011 г.).
 18. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.
 19. Узлов Н.Д. High-tech & high-hume: технологии проектирования будущего// Гуманитарные технологии XXI века: мат. IV регион. конфер. Березниковского филиала Пермского государственного университета, 24 октября 2008 г. /отв. ред. Н.Д.Узлов. Березники, 2008. С.14-24.
 20. Универсальный ключ [Электронный ресурс]. ГКДЖ (дата обращения:21.09.2011 г.).
 21. *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. М.: Школа Культурной политики, 1995. 759 с.
 22. Юдин Б. Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 129-138; № 4. С. 104-110.

THE PRESENT AND THE FUTURE OF HUMANITARIAN TECHNOLOGIES

Nikolay D. Uzlov

Berezniki Branch of the Perm State National Research University, 99 Yubileynaya str., Berezniki, Perm Kray, 618400, Russia

In article the basic signs of traditional (high technologies; high-tech) and high humanitarian (high-hume) technologies are resulted. The characteristic netocracy as a new arising ruling class of a postindustrial epoch and psychoengineering as corresponding model of management of a society and human resources are given. The importance of new humanitarian technologies for modern Russia as technologies of management future is underlined.

Keywords: humanitarian technologies, high humanitarities technologies (high-hume), information society, the power, netocracy, psychoengineering, management future

УДК 159.9:616-006-052 (470.53)

**НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ К СТРЕССУ И
УРОВЕНЬ РЕЗИСТЕНТНОСТИ ОРГАНИЗМА У ЛИЦ,
СТРАДАЮЩИХ ОНКОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В
УСЛОВИЯХ ПРОЖИВАНИЯ В ПЕРМСКОМ КРАЕ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

А.Ю. Бергфельд, В.П. Рочев, М.Ю. Сироткина

В статье рассматривается проблема взаимного влияния нервно — психической устойчивости (стрессоустойчивости) человека на вероятность возникновения рецидива онкологического заболевания. Кроме того, дается обзор методологических основ и конкретных методов, позволяющих планировать тестирование предположения о том, что низкие показатели нервно-психической устойчивости к стрессу в сочетании с соответствующими стратегиями совладающего поведения у лиц, страдающих онкологическими заболеваниями, взаимосвязаны с уровнем резистентности организма в период рецидива заболевания.

Ключевые слова: стресс; нервно-психическая устойчивость; стратегии совладающего поведения; резистентность организма.

Проблема сохранения здоровья человека является на сегодняшний день одной из фундаментальных не только в медицине, но и психологии. Несмотря на достижения в науке, касающиеся изучения психосоциальных аспектов онкологии, а также возникновение новой отрасли — психоонкологии проблема взаимного влияния психологических факторов на динамику онкологических заболеваний не нашла окончательного решения.

Увеличение числа исследований, посвященных изучению психосоциальных реакций больных, членов их семей, лечащих врачей на различных стадиях онкологических заболеваний, сопровождается расширением набора методов исследования психосоциальных факторов онкологического заболевания. В настоящее время тестируется множество гипотез о влиянии жизненных стрессов на возникновение и

прогрессирование онкологического заболевания. Проблема влияния стресса на развитие рака на уровне житейской психологии приобрела статус идеи, не требующей доказательств.

Многочисленные исследования подтверждают, что реакция больного на стресс, его нервно-психическая устойчивость (стрессоустойчивость) включена в процесс развития онкологического заболевания. В свете вышесказанного возникает закономерный вопрос: является ли уровень стрессоустойчивости одним из ключевых факторов, определяющих рецидив онкологического заболевания? Возможно ли, изучив уровень стрессоустойчивости личности, прогнозировать у человека рецидив онкологического заболевания при одновременном учете ряда психологических, биологических и антропометрических факторов?

Бергфельд Александра Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; abergfeld@yandex.ru

Рочев Валерий Павлович — доктор медицинских наук, профессор кафедры экологии человека и безопасности жизнедеятельности; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; v.rocheff2012@yandex.ru

Сироткина Мария Юрьевна — студентка 5 курса философско-социологического факультета, специальность «Психология»; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; mashytka_2202@mail.ru

Анализ литературы показал, что, несмотря на интерес к психологическим аспектам онкологических заболеваний, исследования в данной области посвящены преимущественно проблеме их влияния на психическую деятельность человека, характеру личностного реагирования на болезнь. Весьма мало работ посвящено выявлению психологических факторов, связанных с особенностями течения болезни и способствующих продлению периодов ремиссии и снижению риска рецидива болезни [6]. Так, в частности А.С. Дудниченко, Л.Н. Дышлевая, Л. Дерогатис [2] указывают, что у онкобольных наблюдается целая гамма психогенных расстройств. Н.В. Тарабриной, О.А. Падун, М.С. Курчаковой [5] было выявлено, что в период ремиссии у женщин, страдающих РМЖ, диагностируется посттравматическое стрессовое расстройство (у 65,3% пациентов). Как указывают В.А. Чулкова, В.М. Моисеенко [7], данных о том, что особенности психического состояния и личности человека сами по себе могут вызывать рак, в настоящее время нет, но имеются вполне убедительные подтверждения того, что они могут способствовать созданию и усилению неблагоприятных условий, при которых развивается онкологическое заболевание (Э. Эванс — большое количество неразрешенных проблем в жизни; ригидные связи с окружающими, детские травмы; К. Саймонтон, С. Саймонтон — негативная самооценка, неспособность поддерживать длительные отношения, тенденция к самосожалению).

Особое значение приобретает изучение участия уровня стрессоустойчивости индивида в проблеме сохранения здоровья человека и профилактики онкологических заболеваний в свете данных психоиммунологических исследований, на которые указывает О.А. Ворона [5], а именно: о влиянии стресса на супрессию иммунной системы, что, в свою очередь, может привести к развитию злокачественных опухолей. В частности, в исследованиях Г. Миллера установлено, что хронический стресс влияет на нормальное функционирование иммунной системы: повышается восприимчивость к воспалительным заболеваниям.

Таким образом, при постановке задач в исследовании проблемы взаимосвязи уровня стрессоустойчивости и риска рецидива онкологических заболеваний с учетом уровня резистентности организма нас интересует то, насколько пациент устойчив к возникающему стрессу, как реагирует на него и справляется со стрессом. На наш взгляд, определение характера взаимосвязи уровня устойчивости к стрессу и способов совпадающего поведения, которые использует пациент, способствует прогнозированию риска рецидива онкологического заболевания. Основной целью исследования является изучение взаимосвязи показателей нервно-психической устойчивости к стрессу и способов совладающего поведения с уровнем резистентности организма у лиц, страдающих онкологическими заболеваниями в период рецидива.

Эмпирической проверке будет подвергнуто предположение о том, что низкие показатели нервно-психической устойчивости к стрессу в сочетании с соответствующими стратегиями совладающего поведения у лиц, страдающих онкологическими заболеваниями, обнаруживают прямую связь с уровнем резистентности организма в период рецидива заболевания.

Кроме того, в исследовании определяются эмпирические предпосылки идеи о том, что коррекция низкого уровня нервно-психической устойчивости к стрессу средствами психологического воздействия может приводить к повышению уровня резистентности организма и, как следствие, снижению риска рецидива онкологических заболеваний в условиях проживания в Пермском крае. Ожидается, что онкологические больные, у которых обнаруживается рецидив заболевания, имеют более низкий уровень стрессоустойчивости и неспецифической резистентности организма, чем пациенты, находящиеся в стадии ремиссии.

В качестве теоретико-методологической основы исследования выступают системный, субъектно-деятельностный и биопсихосоциальный подходы; принципы системно-интегративного подхода (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов и др.); современные концепции психологии здо-

ровья (В.А. Ананьев, Г.С.Никифоров), мульти-модальный подход в диагностике психосоматических расстройств (В.А. Ананьев, С.А. Кулаков); концепция совладания со стрессом (R. Lazarus); представления о многофакторной детерминации развития и течения онкологических заболеваний (Holland J, Greer S, и др.). В общепсихологическом плане проблема стрессоустойчивости анализируется в рамках теорий личности (G.Allport, H.Eysenck, R.Cattell, C.Rogers и др.), «теории мотивации достижения» (D.McClelland и др.), теории гомеостаза (У.Кеннон) и стресса (Г.Селье), теории адаптационно-трофического значения симпатической нервной системы (Л.А.Орбели), теории темперамента и свойств нервной системы (И.П.Павлов, В.Д.Небылицын, В.С.Мерлин и др.). В качестве методов исследования используются:

1. Теоретический анализ и обобщение данных научной литературы.

2. Клинико-биографический метод (опрос, беседа с пациентом): данные о факторах риска (физические вредности, стрессовые события), наследственных и перенесенных заболеваний.

3. Клинико-анамнестический метод (опрос и анализ медицинских карт): данные о стадии и локализации заболевания, времени с момента установления диагноза; перенесенных в связи с онкологическим заболеванием хирургических операций, временной период, по истечении которого возник рецидив.

4. Экспериментально-психологические методы: 1) методика «Прогноз», разработанная в Санкт-Петербургской военно-медицинской академии, предназначена для определения уровня нервно-психической устойчивости, риска дезадаптации личности в условиях стресса, вызванного внешними и внутренними факторами;

2) методика "Копинг-поведение в стрессовых ситуациях" (С.Норман, Д.Ф.Эндлер, Д.А.Джеймс, М.И.Паркер; адаптированный вариант Т.А.Крюковой), представляет собой адаптированный вариант копинг-стрессового поведения и включает перечень заданных реакций на стрессовые ситуации. Её цель — опре-

деление доминирующих копинг-стрессовых поведенческих стратегий. Адаптация и психометрическая проверка опросника на значительных русскоязычных выборках [3] показала, что надежность по внутренней согласованности равна 0,876 в целом и от 0,877 до 0,717 — по шкалам; надежность частей теста — 0,901. Кроме того, проведён факторный анализ, подтвердивший трехфакторную структуру опросника.

3) метод оценки неспецифической резистентности организма (В.П. Рочев), основный на определении гуморальных ФИ в слюне, позволяющий контролировать и прогнозировать эффективность комплекса исследований психологического, медицинского и социального характера. Величина НРО оценивается по титру антител (ТА) в слюне к шигеллам Зонне и Флекснера в реакции пассивной гемагглютинации с использованием коммерческих антигенных эритроцитарных диагностикумов [4];

4) личностный опросник Айзенка ЕРІ направлен на анализ составляющих экстраверсии-интроверсии и нейротизма как базисных персональных измерений. Опубликован в 1963 г., состоит из 48 вопросов, предназначенных для диагностики экстраверсии-интроверсии и нейротизма, а также 9 вопросов, составляющих шкалу лжи, по которой определяется наличие у обследуемого тенденции представить себя в ином свете. Возможные варианты ответов — только «да» или «нет». Опросник Айзенка широко используется в отечественных исследованиях [1]. Коэффициенты надежности ретестовой ЕРІ для фактора экстра — интроверсии составляют 0,82-0,85, для фактора нейротизма — 0,81- 0,84, надежности методом расщепления — 0,74 — 0,91. В зарубежных исследованиях сообщается о достаточно высокой валидности ЕРІ. Для обработки данных используются математико-статистические методы: пакет прикладных программ статистической обработки данных "SPSS ver.19". Обработка и анализ включают методы описательной статистики. Достоверность различий определяется с помощью Т-критерия Стьюдента. Планируется применение дисперсионного и регрессионного анализа.

В качестве экспериментальной группы выступают пациенты, проходящие повторное лечение (т.е. с рецидивом заболевания, возобновившемся по истечении двух лет после первичного обращения) в отделениях химиотерапии и радиогинекологии Пермского краевого онкологического диспансера. В качестве контрольной группы — пациенты, успешно прошедшие лечение и находящиеся в состоянии ремиссии более двух лет. Планируемый объем выборки на первом этапе исследования — 50 чел.

Таким образом, впервые в Пермском крае предлагается реализация междисциплинарного научно-исследовательского проекта, направленного на создание исследовательской базы, на основе которой видится разработка программы профилактики рецидива онкологических заболеваний и реабилитации лиц, страдающих онкологическими заболеваниями, с учетом взаимосвязей их нервно-психического и иммунного статусов.

Список литературы

1. *Альманах психологических тестов*. М., 1996.
2. *Дудниченко А.С., Дышлевая Л.Н., Дышлевая А.Ю.* О важности оценки психического состояния онкологических больных и членов их семей // *Проблемы медицинской науки и образования*. 2003. № 3.
3. *Крюкова Т.Л.* Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Авантитул, 2007. 60 с.
4. *Лекомцева Е.И., Федорова Т.И., Рочев В.П.* Исследование взаимосвязи между величинами неспецифической резистентности организма и уровнями заболеваемости детей. Пермь, 2009.
5. *Тарабрина Н. В., Ворона О. А., Курчакова М. С., Падун М. А., Шаталова Н. Е.* Онкопсихология: посттравматический стресс у больных раком молочной железы. М.: Институт психологии РАН, 2010. 173 с.
6. *Финагентова Н. В.* Психологические ресурсы в профилактике рецидивов при онкологических заболеваниях. СПб., 2010.
7. *Чулкова В.А., Моисеенко В.М.* Психологические проблемы в онкологии // *Практическая онкология*. 2009. Т.10. № 3. С. 151-157.

NEURO-PSYCHOLOGICAL STABILITY TO STRESS AND LEVEL OF THE BODY'S RESISTANCE IN PERSONS WITH CANCER LIVING IN PERM REGION: PROBLEM DEFINITION

Alexandra Y. Bergfeld, Valeriy P. Rochev, Marya Y. Sirotkina

Perm State National Research University, 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The paper considers the problem of mutual influence of neuropsychological stability (stress resistance) of the patients relapsing cancer. Methodological principles and specific methods for testing the assumption that low levels of neuropsychological resistance to stress, in combination with coping strategies, are linked with the level of the body's resistance during the relapse of cancer disease are discussed.

Key words: stress; neuropsychological stability; coping strategies; body's resistance.

УДК 159.922

ИЗМЕНЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПРОЦЕССЕ ВЗРОСЛЕНИЯ

М. Уле

Исследования процесса взросления требуют междисциплинарного подхода. Такими изысканиями занимаются психология, социология, антропология, педагогика, социальная история, медицина. Необходимость понять современные процессы взросления требует учитывать опыт всех этих дисциплин в исследованиях данной проблемы. В последнее десятилетие происходит объединение всех родственных дисциплин в новую отрасль знания, исследующую процессы взросления. Взросление молодых — это общее и необходимое условие для репродукции любого социума. Любая культура и любая историческая эпоха по-своему организует и интерпретирует процесс взросления, поэтому сложно концептуально осветить исследование общего процесса взросления. В статье поставлен вопрос о гендерных различиях во взрослении девочек и девушек в Словении и Европе, а также о том, как и каким образом происходит репродукция гендерных особенностей в процессе взросления во время господствующей нелиберальной идеологии, которая основана на индивидуализации, личном выборе, личной ответственности, правах человека. Современные модели психологии развития приняли господствующий неолиберальный дискурс, который эксплицирует все права одинаковыми для всех, что ведет к сглаживанию размеров соотношения власти и неравенства. В статье рассматриваются процессы, в которых внутри новых дискурсов взросления сохраняются старые модели отрочества, прежде всего гендерноспецифические сценарии взросления, которые меняют открытые формы на закамуфлированные формы практик социализации.

Ключевые слова: гендерные стереотипы; сценарии взросления; модели воспитания; идентификация.

Основные изменения процессов взросления в настоящее время

Интерес к исследованию процессов взросления и течения жизни особенно возрос в последние два десятилетия, что связано со значительными изменениями в биографиях и жизненных планах молодых людей. Эти перемены, в свою очередь, последствия изменений в периодах жизни, или в основных институтах, обеспечивающих нормализацию жизни, жизненного цикла: изменения в образовании, изменение требований к работе и работнику, механизма трудоустройства, изменение моделей партнерской и семейной жизни, модели гендерного поведения, продление жизни. Основная характеристика современной жизни заключается в увеличении возможности выбора жизненного пути, в то время как традиционный выбор прочно фиксировал издавна установленный порядок. Так, и трудоустройство, и рабочее место, и партнерские отношения, и родительство или

семья уже больше не само собой разумеющиеся жизненные этапы, но зависят от выбора индивидуума; когда, почему вступать в тот или иной этап развития и стоит ли вообще это делать. Современное общество борется с осложненным множеством вариантов выбора, в то же время мало помогает принятию решений.

Психология развития и социология относительно единогласно отметили ряд следующих изменений, которые могут указывать на базовые трансформации в субъектных структурах, в конструкции самости и идентичности индивидуума, которые приносят с собой сплетение исторических и общественных изменений в настоящем времени [10].

Изменение индивидуальных и коллективных моделей воспитания. Традиционные способности и добродетели, которые родители и социализирующие институты пытались привить детям и молодежи (скромность, осторожность при принятии решений, долгосрочное планирование жизни, отказ от моментальных удоволь-

ствий в пользу более качественных приобретений в будущем, внутренняя нравственность по отношению к обязанностям и работе) уже более не функциональны в ситуациях когда возникает острая необходимость постоянно и быстро принимать решение и выбирать, когда постоянно «навязываются» наслаждение и сиюминутное (потребительское) удовольствие, когда необходимо уметь в каждый момент «начать с нуля», учиться всюду заново и сначала и когда работа больше не обязанность, но личный выбор.

Изменения структур знания и потеря веры в «Великую историю», как, например, вера в институализированные религии, политические идеологии, национальные мифы. Современная индивидуализированная личность чаще сама для себя создает свой коллаж смыслов из отдельных частных смыслов, идей, убеждений. «Конец метаистории» больше не означает отказа от убеждений и вообще веры в то, что можно объяснить и осмыслить наш мир, но означает конец общепринятых систем объяснения мира [8]. То же самое происходит в развитии знания и науки, когда из-за быстрого прогресса быстро устаревают еще вчера свежие познания и открытия.

Плюрализм жизненных форм и среды, которые находятся в распоряжении личности, и как будто бесконечное множество альтернатив, особенно в сфере потребления, использования свободного времени и все постоянно увеличивающегося производства виртуальных миров, виртуальных обществ, обеспечивающих современные технологии. Проблема заключается в том, что при выборе альтернатив мы не можем больше полагаться на какие-то утвержденные образцы знаний и мышления.

Индивидуализация жизненной программы. Еще несколько десятилетий тому назад жизненный путь прослеживался по предсказуемому и общепринятому, линейному образцу взросления: время образования соответствовало молодости, время работы — взрослому состоянию, время ухода с рынка труда на пенсию — старости. Сегодня же молодежь получает статус взрослого только на основании длительных переговорных отношений с основными

общественными институтами, но не на основании заданных норм и критериев взрослости. Такова одна из причин задержки перехода из молодости во взрослость. Эти переходы все более неясны, они удаляются от традиционных нормативных ожиданий, становятся все более плюралистичными. Из-за проблем в основных общественных институтах переход из молодости во взрослость, как, например, трудоустройство, экономическая самостоятельность, становятся все более рискованным и ненадежным.

Молодые люди по-разному начинают трудовую карьеру, партнерство и заводят собственную семью. Переходы более не спланированы, не ритуализированы, не коллективизированы, они становятся все более индивидуализированы, дифференцированы, направлены на дестандартизацию и дерегуляцию. Отношения между возрастом человека, социальными ролями и участием в общественных институтах изменяются и все менее определены. Это отражается в новых формах мышления о повседневной жизни, жизненных планах, ценностях и целях.

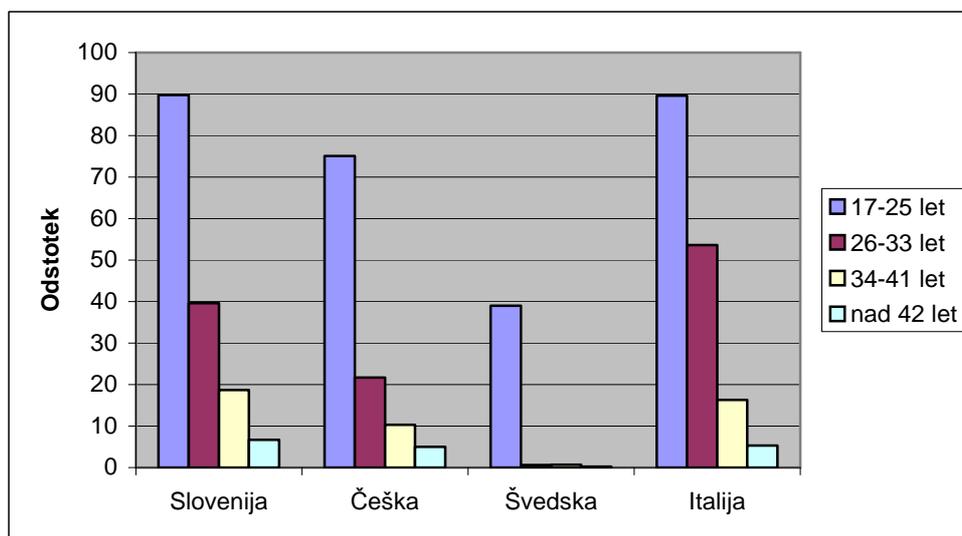
Но эти процессы, конечно, мы не можем квалифицировать только как признак общественного развития или прогресса. Существующая форма характеризуется имплицитным социальным принуждением и большими ограничениями в выборе, жизненными трудностями и сложностями. Продление времени образования, продление жизни в семье родителей, экономическая зависимость, перенос на неопределенный срок родительства (для многих молодых) — может быть, жизненная необходимость, но не выбор. Современная молодежь, пребывая длительное время в семье родителей, получила самостоятельность, но не независимость. Степень самостоятельности изменяется, как показывают данные, также в зависимости от общественно-экономического контекста и условий, в которых живет семья родителей [3]. Если семья имеет экономические проблемы, тогда продление пребывания молодого человека в ней — бремя для семьи, и он получает только минимальную социальную защиту, но не рамки для самостоятельного формирования идентичности взрослеющих. Поэтому понимание взрослости

как субъективного следствия личностного развития преобладает у молодых из средних и высших слоев, понимание взрослости как результата трудоустройства и экономической независимости находим у молодежи из низших социальных слоев.

В целом процесс перехода во взрослость в Европе имеет свои особенности не только в каждом государстве, но и внутри каждого отдельного государства. Результаты наблюдения показывают, что некоторые модели поведения в отдельных государствах, а также между группами отдельного государства более частотны и отличаются от моделей поведения других групп [16]. Галланд [4] находит различия между тремя моделями перехода во взрослость:

- средиземноморская модель — молодые остаются в семье родителей более длительный период; после ухода из семьи быстро вступают в брак;
- североевропейская модель — молодые рано покидают дом родителей, живут вместе парой и поздно начинают семейную жизнь;
- средневропейская модель — более длительный период жизни с партнером, но относительно позднее родительство.

Эмпирическую обоснованность этой типологии показывают результаты международного исследования European Values Survey. Сопоставим результаты исследований длительности пребывания молодых в семье родителей в четырех странах (см. рис.1).

Словения Чехия Швеция Италия

Рис.1. Живёте ли вы вместе с родителями?
(European Values Survey, 2004)

Интересно, что около 90% молодых людей в возрасте 17-25 лет живут с родителями в Словении и Италии, приблизительно — 75% чехов и менее 40% шведов. В возрасте 26 — 33 лет живут с родителями более 50% итальянцев, 40% словенцев, более 20% чехов, но почти — ни один швед, что подтверждает классификацию Галланда о различии между скандинавскими и средиземноморскими государствами. Словения находится в группе государств с сильными межсемейными связями, что характеризует ее как страну с южноевропейской (средиземноморской) культурной моделью.

Интересно отметить, как оценивают родители отсрочку экономической самостоятельности молодых. На основании данных Евробарометра можно заключить, что родители в большинстве случаев не воспринимают создавшееся положение как проблему [11]. Особенно интересна ситуация в Италии, где большое количество молодых не спешат покинуть семью родителей. Их матери относятся к поколению женщин, которые стремились как можно раньше стать самостоятельными. Из дома они обычно уходили с ясными представлениями о том, чего хотят достичь в жизни, сегодня же чувствуют,

что ситуация для их детей изменилась, а взросление более рискованно. Они считают, что современная молодежь психологически более слаба, чем предыдущее поколение и не имеет достаточного опыта, который был у их родителей в молодости. Они полагают, что современный молодой человек менее способен к решению финансовых и других проблем, поэтому, оставаясь в семье родителей, он может рассчитывать на их поддержку и понимание. Такую стратегию их матери понимают как способ уменьшения внешних рисков, поэтому поддерживают становление самостоятельности молодых в семье. Также размышляют родители в других европейских странах.

Все эти изменения становятся причиной внимания политиков к процессам взросления, политиков, занимающихся социальной интеграцией (образование, трудоустройство, жилищная и семейная политика). Молодые становятся «стратегической группой», которая отражает и раскрывает основные общественные изменения. Отмеченные трансформации, без сомнения, входят в число широких общественных и культурных изменений в современном европейском социуме, поэтому не имеет никакого смысла давать анализ этих изменений и ответы на вопросы, связанные с этими изменениями, отделять от контекста времени, например, считать их некоторым психосоциальным или только моральным феноменом.

Изменение процессов взросления и их влияние на изменения стратегий идентификации

Проанализировав эти основные процессы, попытаемся объяснить амбивалентность современных процессов взросления и роль основных институтов в этих процессах. Такой анализ необходим, прежде всего, для построения модели идентичности. Модели развития идентичности подчеркивают, что идентичность состоит из постоянной адаптации ко времени, из качественных изменений уровня развития жизненного пути. Это, по-видимому, является доказательством того, что такое приспособление требует постоянной «работы над своей идентичностью». На аспект развития идентичности и не-

обходимость континуированной работы над идентичностью первым обратил внимание Эрик Эриксон [6]. Ссылаясь на работы Шпица и других детских психиатров, он сконцентрировал свое внимание на континуированную гармонию между взрослеющим субъектом и его социальной средой. Эта гармонизация существенна для нормального развития во всех фазах жизненного пути. Именно Э.Эриксон выявил существующую роль переходного периода из детства во взрослое состояние и формирующую функцию периода взросления при создании идентичности.

Чтобы преодолеть кризис идентичности, от молодых людей требуется больше ответственности, чем раньше, чтобы сознательно интегрировать опыт прошлых частных кризисов идентичности. Для этого возраста характерны интенсивное развитие духовных и физических способностей и принятие решений, особенных приемов реализации социальных ролей. Позитивное разрешение этого кризиса требует от молодого субъекта принять самого себя, свою психофизическую личную целостность, а также того, чтобы другие люди оценили его действия и оказали поддержку при его стремлении самостоятельного включения в общество. Наибольшая опасность в этот период — потеря или диффузия идентичности, т. е. наступает тогда, когда взрослеющий субъект не может интегрированно и целостно удовлетворить требованиям «физической интимности» (не только сексуальной интимности), требованиям выбора профессии, общественному признанию и психосоциальному определению самого себя [6]. Для успешного решения этих задач молодому человеку нужно время, или своего рода мораторий на взрослость. Психосоциальный мораторий у молодежи представляет собой временную отсрочку или прерывание социальных обязательств или нагрузок, прежде всего, для того, чтобы завершить работу над идентичностью.

Модификация процессов взросления в последние десятилетия меняет требования к основной работе над идентичностью, переносимую на более позднюю молодость или раннюю взрослость. Главные причины временного переноса основной работы над идентичностью: 1

— продление образования после классической молодости и распространение образования на все социальные слои; 2 — все большая индивидуализация образовательных каналов и профессионализация взросления [19]. Изменения на рынке труда и угроза потенциального исключения молодых поколений из социальной жизни вынудили политиков предложить разные образовательные программы, продлевающие период образования, что снизило давление на рынок труда. Переходы из отрочества во взрослость уже не предсказуемы, как это было в прошлом, но должны быть обусловлены участием в общественных институтах, которые социализируют молодых людей. Профессионализация взросления сегодня начинается уже в детстве и тянется всю жизнь. Вступление в главное социальное состояние предполагает постоянное трудоустройство, создание собственной семьи и рождение ребенка, в среднем все это отодвигается на более поздние сроки жизни [5]. В то же время некоторая деятельность, сопутствующая взрослости, к примеру, способность действовать на потребительском товарном рынке и самостоятельное формирование стиля жизни, переносится на более ранний возраст.

В подходах к воспитанию взрослеющих детей и молодежи обнаруживается двойной стандарт: с одной стороны, обострение абстрактных требований к эффективности, например, в школе, с другой — смягчение ограничительных воспитательных заповедей в семье. В системе образования дети рано становятся ответственными за результат выполнения программы (для получения аттестата) и принятия решений о дальнейшем образовании. Дома же, напротив, дети легко уходят от обязательств, особенно при сравнении с традиционным воспитанием. Когда исчезает потребность в авторитарном контроле, постоянной проверке и сохранении правил для воспитуемых, тогда изменяется стиль и форма родительского отношения к детям. Родители становятся основными поверенными в делах детей, их защитниками. Исследования, проведенные в Словении в последние два десятилетия, несомненно, это подтверждают [16].

Индивидуализированность все более становится сферой самореализации, а не сферой обязанностей и долга также для них, поэтому для молодых вера в индивидуальность представляет также и общественно-политическое значение. Это результат трансформации семьи в единицу свободного времени в потребительском обществе. Родители все чаще посвящают время личным чувственным и когнитивным потребностям детей и все реже попыткам приспособить их к специфике локальной среды [15]. Знакомство с особенностями среды обитания переносится на более поздний срок. Увеличивается период, когда молодые готовятся к взрослости, работают над собой, а родители и образовательные учреждения помогают им; однако уменьшается количество лет, когда молодые активны на рынке труда.

Вместо надзорных систем семьи и школы в воспитании реализуются новые формы социального надзора над молодыми, особенно контроль через потребление, институт свободного времени и культурной индустрии. Новые «контролеры» юношества и молодежи воздействуют через рано развитые модели внутренних инструкций, образцов поведения и потребностей, которые навязывают масс-медиа и рынок. Контроль становится все более безличным, функциональным, как, например, светофор вместо полицейских на перекрестках, телевизионные советы через ТВ вместо межличностных советов и предупреждений родителей или учителей, виртуальные миры вместо непосредственных контактов и социального соревнования [20]. В противоположность прямому и иерархичному контролю семьи и школы новые формы контроля опосредованы и построены на формальном принципе равноправия и свободе покупателей и пользователей.

Хотя молодые экономически маргинализированы, тем не менее, что парадоксально для PR-менеджеров и рынка, самый важный источник потребительских целевых групп — это именно молодежь (часто за счет родителей). Из-за растущей покупательной способности молодые — целевая группа для рынка продаж модной одежды, популярной музыки. Джеймс Котэ говорит, что молодежь в США представ-

ляет собой большой рынок, в котором вращается почти 3 млрд долл. в год. Две третьих этих издержек покрывают родители, а одна треть — это деньги молодых из «серой» экономики. Это потребление в целом порождает поп-культура, которую пропагандируют масс-медиа [4]. В прошлом эта культура создавалась внутри группы одного возраста, сегодня же формированием ее руководит индустрия свободного времени. Молодые особенно ощущают такое воздействие, потому что оно дает молодым потребителям иллюзию полной (суррогатной) идентичности. Экспериментирование с идентичностью позволяет рынку манипулировать молодыми.

Молодые по-разному реагируют на это «империалистическое» поведение современной политической и рыночной экономики. В семидесятых и восьмидесятых годах прошлого столетия молодежь не была пассивной по отношению к этому явлению, а культивировала собственную культуру и сопротивление, а не потребление. Однако рынок быстро начал парировать это сопротивление путём производства рыночной продукции для молодых. Сейчас множество символов молодежного сопротивления приняты, кодифицированы и служат отличительным знаком политики молодых. Исследования проблем молодых в последнее десятилетие в Словении и других частях Европы показывают, что молодые сами решают проблему своего внешнего вида и выступают в потреблении как настоящие покупатели уже в конце детства. Другие переходы, такие как создание семьи или рождение детей, откладываются в глубокую взрослость [16]. Олк [13] утверждает, что переход во взрослость развивается в группе несвязанных и частичных переходов и приобретает облик коллажа, любительского панно. Переходы включают в себя удлиняющиеся периоды «становления», переходы в следующее состояние «бытия»: *быть* трудоустроенным, *быть* потребителем, *быть* партнером, отцом, другом. Проблема молодых больше не «кто я», но «как меня воспримут другие».

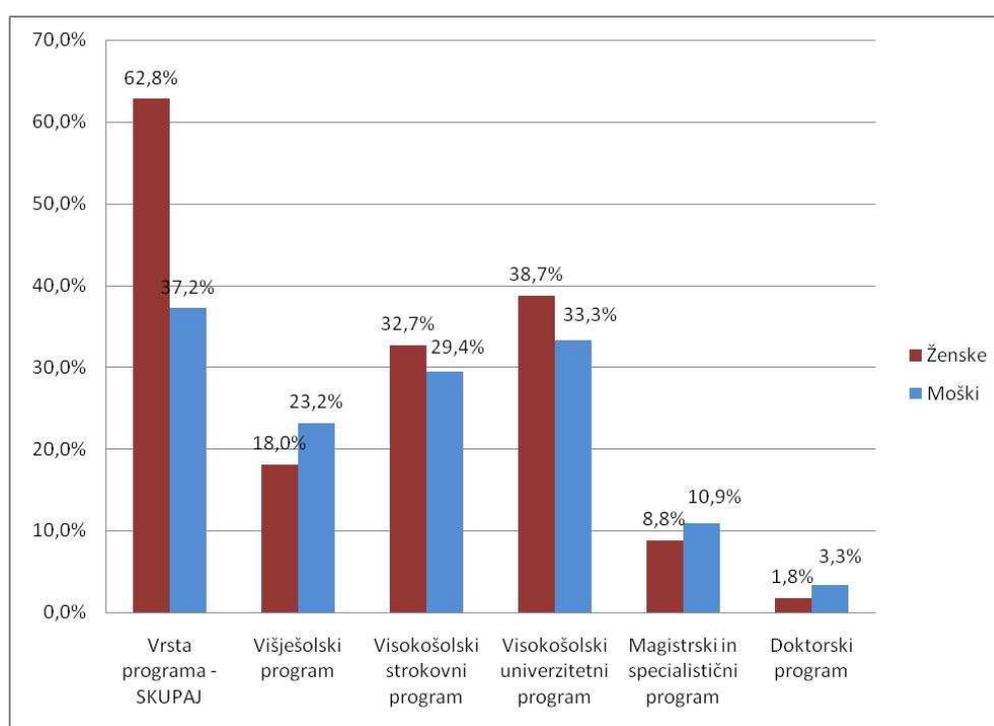
Положение девушек и молодых женщин в период взросления

Период юношества и молодости — особенно важный период для социализации гендерных ролей и формирования идентичности. Формирование половой идентичности — одна из «центральных» задач, которую должен решить подросток во время юношества и молодости. Поэтому изменения в процессе взросления особенно значимы при формировании гендерной идентичности и гендерных различий. Гендерные различия становятся заметными и значительными из-за физических изменений и традиционных требований к исполнению заданных гендерных ролей [2]. Культура предъявляет во всем современном мире более жесткие требования социализации, чем физиологические изменения, и даже более важна для полового специфического взросления, чем телесное развитие. Из-за постоянного давления традиции, масс-медиа и других общественных институтов сохраняется асимметричное отношение между мужчинами и девушками, что способствует формированию идентичности девушек. От того, насколько и каким образом они согласятся на роль слабого пола, зависит репродукция традиционных гендерных ролей и гендерных отношений.

Взросление девушек — это социально конструированная реальность, которая со ссылкой на физиологию и психологию натурализует свой гендерно дискриминационный характер. Положение и общественные возможности девушек реализуются как индивидуально, так и коллективно при участии субъекта в институализированных практиках и дискурсах, которые определяют женскую молодость или молодость женщины. Характеристики женской молодости изменяются в зависимости от исторического периода и обусловлены общественным контекстом, расой, этнической и классовой принадлежностью, сексуальными практиками и другой деятельностью. Институциональные условия в отдельных социумах, как, например, доступность образования, трудоустройство, экономическая независимость, значительно влияют на положение девушек и молодых женщин.

Во взрослении, конечно, наиболее важным является образование и образовательная политика. С одной стороны, открытость школы для представителей обоих полов в Европе дает девушкам возможность не только для образования в различных областях, получения разных трудовых квалификаций, но и создания самостоятельной концепции профессиональной

карьеры. Все большее число девушек получают качественное вузовское образование. Сравнение данных об образовательных путях девушек и юношей в ЕС в 2005–2008 гг. показывает, что численность поступающих девушек в высшие учебные заведения больше, чем юношей, кроме того, они заканчивают вузы более успешно, чем юноши.

Общий показатель Программа высшей школы Программа высшей профессиональной школы Университетская программа Магистерская специальная программа Докторская программа

Рис. 2. Выпускники вузов Словении в 2008 г. сервисного направления по отдельным вузовским программам в гендерном сопоставлении, % (Urad za statistiko)

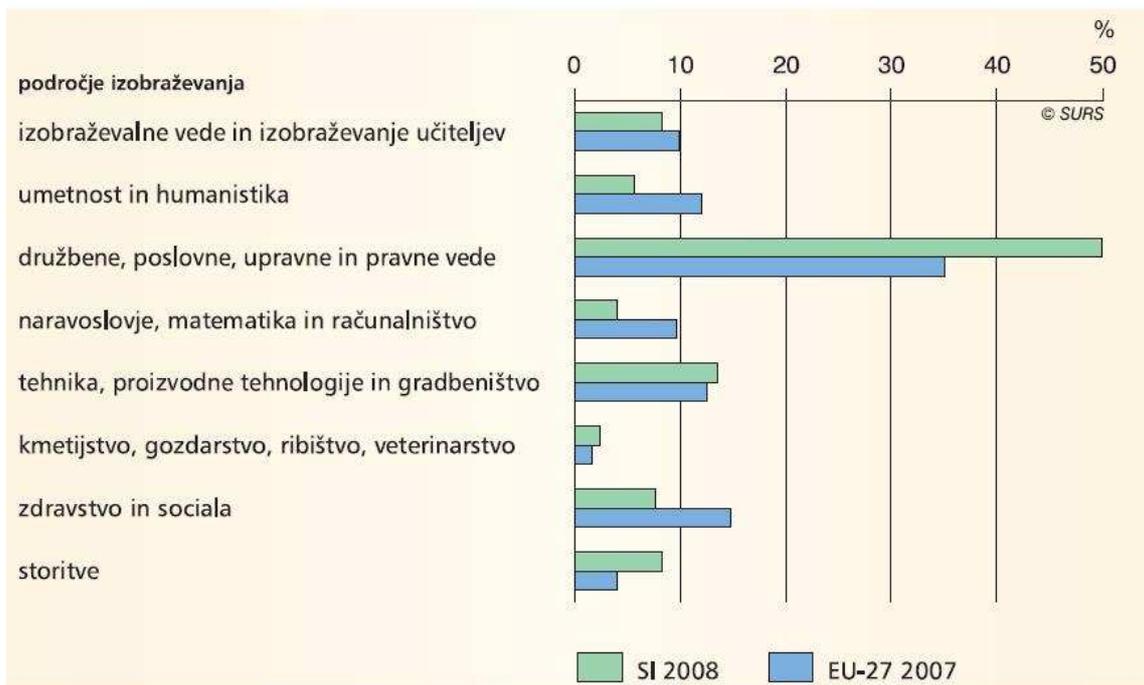
Ситуация в образовании складывается драматично с середины 70-х гг. прошлого столетия. Массовое продление образования сопровождается продлением образования девушек. Однако наивно было бы объяснять эти изменения как большое достижение. Несмотря на то, что девушки достигают более высокой квалификации во всех областях науки и производства, эта квалификация относится к типично женским профессиям, в то время как юноши получают квалификацию для приобретения новых престижных профессий, например, в области новых технологий.

Данные рис. 2 дают исключительно важное гендерное различие. Девушки в Европе и Сло-

вении преобладают в гуманитарных, общественных программах, здравоохранении и социальных программах, молодые же люди - в естественных и технических областях. Девушки в основном выбирают такие вузы и профессии, которые совпадают с традиционными предрассудками о гендерной соотнесенности талантов и способностей. Это может оказаться судьбоносным для жизненного и карьерного пути девушек и женщин. Область образования, которую по-разному «выбирают» юноши и девушки, не связаны с действительными способностями. Как показывает исследование PISA 2006, которое было проведено в рамках OECD (организация экономического сотрудничества и

развития), девушки, например, в Словении в среднем на 8 позиций выше, чем юноши в познании естествознания. Такие же результаты

получены при анализе состояния дел в Болгарии, Эстонии, Финляндии, Греции, Латвии, Литве и Румынии.

Область образования	Образование учителей и педагогические науки	Искусство и гуманитарные науки	Общественные науки, менеджмент, управление и право	Естествознание, математика и компьютерные науки	Техника, производственные технологии и строительство	Сельское хозяйство, лесопромышленность, рыболовство, ветеринария	Здравоохранение и социальная защита	Сервис
---------------------	---	--------------------------------	--	---	--	--	-------------------------------------	--------

Рис. 3. Выпускники вузов сервисного направления по областям образования. ЕС-27, 2007 и Словения, 2008 г. (Eurostat)

Данные сведения не содержат в себе ничего нового, поскольку похожее соотношение уже было отмечено исследованием в Европе в 1994г., посвященном образованию девушек и женщин, которое основывалось на данных восьмидесятых и девяностых годов прошлого столетия [18]. Отчет ЮНЕСКО представляет собой несколько гипотез о том, почему появляется такое большое несоответствие поступающих на естественные, технические и математические факультеты юношей, с одной стороны, и гуманитарные, общественных наук и т.п. девушек – с другой. Представления о традиционных гендерных ролях ограничивает разнообразие выбора и обучения профессии, возможностей, которые существуют у большинства девушек. На выбор влияют ожидания девушек дальнейших профессиональных возможностей, ожида-

ния родителей, специфическая склонность девушек к профессиям, связанным с заботой, и меньшее тяготение к технике, меньший удел вузовских стипендий, которые получают девушки [16; 18]. Как сообщает исследование ЮНЕСКО, девушки выбирают вуз против своей воли, т.к. не могут противостоять давлению в связи с «подходящим» для них образованием [18]. Наряду с этими ожиданиями и требованиями имеет значительное влияние постоянно обновляемая традиция гендерной дискриминации при поступлении на факультеты разных векторов образования, а также мужская направленность естественно-научного и технического образования, что видно уже из содержания учебников, выбора примеров, методики преподавания, общего климата в аудитории.

Статистика трудоустройства также подтверждает подобное положение дел. Правда, процент трудоустроенных женщин в ЕС постоянно растет. В некоторых местах трудоустроенных женщин даже больше, чем мужчин. Однако многие трудоустроенные женщины имеют возможность работать только ограниченное время на низкооплачиваемой должности в сервисе и торговле. Некоторые экономисты называют такое трудоустройство *«параллельный рынок труда»*. К тому же у женщин меньше надежды сделать профессиональную карьеру, чем у мужчин, и, по сравнению с последними, женщины реже получают хорошо оплачиваемую работу. Это особенно опасно для девушек во время общественного кризиса. Когда для семьи образование становится слишком большим бременем, урезают финансирование образования в первую очередь девушкам, и при сужении рынка трудоустройства в первую очередь страдают женщины.

Таковы результаты исследований и в Словении. Во время изучения положения студенческой молодежи в Словении, проведенном в 2008г., студентам и студенткам был задан вопрос, ожидают ли они трудностей и сложностей при трудоустройстве [16]. Ответы, полученные исследователями, представляют определенный интерес. Так, предстоят сложности с трудоустройством для значительного числа студенток, чем студентов. Более одной трети студенток, чем студентов, считают возможными трудности при трудоустройстве, потому что они получают профессию, на которую нет спроса. Также почти в два раза больше студенток считают, что из-за кризиса сложно будет трудоустроиться. И, наоборот, в два раза больше студентов, чем студенток, считают, что будет легко трудоустроиться, потому что их профессия востребована.

Несмотря на то, что молодые женщины имеют больший доступ к профессиональной карьере, достижение ими самых высоких постов даже в значительно феминизированных профессиях, таких как здравоохранение, образование, социальная работа, менее вероятно. Исследования показывают, что девушки рано привыкают к мысли о гендерной обусловлен-

ности специфической модели профессиональной карьеры. И большинство молодых женщин ожидают, что будут трудоустроены вне дома большую часть своей жизни, но в профессиях, которые отражают традиционное деление гендерных ролей в типично женской карьере. По их мнению, эти профессии дают женщинам надежное социальное положение и надежную профессиональную идентичность [16]. Несмотря на то, что выбор профессии женщинами отражает гендерную модель принятия решений, для них трудоустройство не менее важно, чем для юношей, и безработица является не меньшей катастрофой. Подобное положение дел характерно и для отношений к семье. Данные показывают, что у девушек значительно иное, чем у юношей, положение в родительской семье [16]. Прежде всего, девушки из нижних социальных слоев намного больше включены в хозяйственные дела и обязанности, чем юноши. Родители более строго контролируют их деятельность. Несмотря на то, что качество отношений в семье, может быть, изменилось, традиционные гендерные идентичности остались неприкосновенными и даже усилились, потому что люди в различные виды коммуникации вступают чаще, чем до сих пор.

Не произошло существенных изменений и в других областях жизни. Несмотря на то, что коммерциализация свободного времени подразумевает бесклассового, «бесполого» серого потребителя, интересующегося только индивидуалистичными увлечениями, касающимися личного удовольствия, здесь тоже заметна гендерная отнесенность. Открытие женщины как потребителя – причина того, что рынок и торговая реклама обращаются к ним как к типичным женщинам, что обуславливает новые гендерные различия. «Идеальная» девушка, как утверждает Джонсон [9, с.6], в исследовании дискурсов девичества, – гетеросексуальна, невинна, послушна, ухожена, направлена на семью, профессионально не заинтересована и услужлива».

Современное неолиберальное общество манипулирует сознанием девушек более тонко

В позднем модерне в соответствии с типичным неолиберальным дискурсом выбора, индивидуализацией развития, правом ребенка начинают изменяться модели психологического развития детей. Психологи развития заменили дискурс, который основывался на «защите ребенка и заботе о нем», другим дискурсом, основанным на «соучастии и понимании ребенка» [7]. Этой заменой они, желая того или не желая, удовлетворяют потребностям капитала, который в детях и молодежи видит только большой потенциальный рынок. Так, медийный дискурс, прежде всего рекламный, часто ссылается на право детей быть полноправными участниками рынка. Возвращение концепта ребенка как маленького взрослого в неолиберальной модели современного общества становится особенно проблематичным в период взросления девочек и девушек. На первый взгляд, их допустили к участию в продлении образования, но на самом деле общество не принимает всерьез их талантов и способностей, направляя их в «типично женские профессии», хуже оплачиваемые, менее ценные, с более сложным трудоустройством. К тому же рынок обращается к ним с предложениями сексуализированной женской моды для девочек, ссылаясь на потребность детей/девочек быть красивыми, признанными, уверенными в себе, предупреждая, что уверенность в себе и место в обществе можно получить за счет чувства стиля и внешнего имиджа. Так, уже в детстве девочки обучаются тому, что общественное признание покупается. В целом женщины стали экономически самостоятельными, могут принимать решения на всем протяжении своей профессиональной карьеры, выбирать стиль жизни, решать проблему рождения ребенка, легализовалась гибкость гендерных ролей. Еще каких-нибудь полвека назад о такой свободе нельзя было и мечтать. На первый взгляд может показаться, что женщины приобрели от новой «неолиберальной экономики» больше, чем мужчины. Все больше их число получает высшее образование, и их успех на

всех уровнях образования со временем растет. Больше, чем юноши, они приспосабливаются к требованиям гибкого трудоустройства и гибким обстоятельствам личной жизни [1]. Кроме того, значительно расширились «женские секторы» трудоустройства (торговля, сервис, коммуникации).

Опыт последних десятилетий показывает, что уравнивание возможностей не приводит к уменьшению дискриминации по признаку пола. Эти возможности и свободы слишком нестабильны, амбивалентны и чувствительны к изменениям в общественных отношениях и отношениях, чтобы мы могли и дальше не обращать внимания на формы давления, несправедливости и дискриминации в отношениях между полами. Когда образование становится для семьи слишком большим бременем, прежде всего, отказываются финансировать образование девушек, а когда рынок труда сужается, у женщин возникает больше проблем с трудоустройством, чем у мужчин. На наш взгляд, только личный выбор и индивидуальные способности определяют судьбу субъекта в этой ситуации. По-видимому, это и есть причина того, что прежде всего молодые женщины как раз из-за этой иллюзии возможности индивидуального выбора не видят дискриминационных механизмов и принимают роли, которые им навязывает общество, как собственный выбор. Мы можем заключить, что, несмотря на высокий процент девушек в процессе образования, эта «новое преимущество» девушек — только видимость. Особенно для девушек из социально непривилегированных и маргинальных слоев: они находятся даже под более сильным давлением, чем были в традиционном индустриальном обществе.

Заключение

Многочисленные исследования в Европе, а также в Словении указывают на возрастающий объем проблем взросления и периода перехода во взрослую жизнь и рисков, которые связаны с разрешением этих проблем. Изменяется регистр причин этих проблем, поскольку их сложно определить, они скрываются в дисперсной сети глобальной и локальной ситуа-

ций, на которые личность оказывает очень малое влияние, хотя вынуждена что-то предпринимать, поскольку в противном случае вся тяжесть последствий ложится на нее. Кульминацией прессинга индивидуальной ответственности является осознание рисков молодыми в качестве их личных кризисов, а не как результат процессов, находящихся вне их личной деятельности, личного влияния на ситуацию. Молодые ощущают личную ответственность за потерю работы. Неудача в школе считается последствием недостаточного прилежания или недостатком способностей, неблагополучные молодые воспринимаются как результат недостатка строгого семейного воспитания и отсутствия ценностей. Также социальную маргинализацию молодые понимают не как объективные обстоятельства, но как недостаток сил изменить ситуацию, в которой находятся [16].

Такое положение дел, прежде всего, судьбоносно для взросления современных девушек и молодых женщин. Современное потребительское общество сегодня иначе совершает прессинг на молодых девушек, гораздо более скрыто и тонко. Социализация девушки сегодня происходит не для гендерной роли традиционного дискурса рождения ребенка, семьи и хозяйства. Сегодня их социализируют, концентрируя их внимание на внешнем виде, имидже тела, требованиях моды и трендов. Физическая привлекательность, которую диктует рынок и масс-медиа, становится важной частью женской гендерной роли. Девушки и молодые женщины сегодня находятся в ситуации, где, строго говоря, формальные препятствия к равноправию отстранены, но существуют намного более тонкие и скрытые препятствия в форме идеологии гендерных ролей.

Кроме всех других препятствий в процессе взросления и перехода во взрослое состояние, которые уже были перечислены, идентичность человека находится под значительным давлением современного потребительского капитализма, который предлагает стимуляции искусственного удовлетворения потребностей и отвлекает человека от видения и решения своих личных и общественных проблем для развития стабильных и крепких структур своего личного

пространства. Следствием этих изменений становится пассивная, диффузная идентичность как адаптированный ответ на сложный, ненадежный и неясный переход к взрослости. Последние исследования показывают, что молодые взрослые развивают две стратегии для борьбы с проблемами идентичности: (1) развивающую и (2) **обходящую** стратегии проблем идентичности [14].

На выбор этих стратегий оказывает значительное влияние доверие, возможность разрешения проблем и принятие жизненных решений. Доверие зависит от социально-экономических условий, адекватных структур поддержки молодых людей, а также психологического фона. Приверженцы развивающей стратегии верят в собственную деятельность, активность, в решениях идентичности без труда учитывают множество различных возможностей. На много более когерентно, чем молодежь с «обходящей» стратегией, они организуют и направляют свои партнерские связи, карьерный рост и взгляд на мир, более удачно используют разные шансы и возможности.

Те, кто исповедует «обходящее» направление, не имеют такого ощущения и поэтому стремятся к конформизму с семейными и социальными ожиданиями, к откладыванию, избеганию решения проблемы идентичности. Молодые взрослые, следующие направлением «обходной» индивидуализации, показывают относительно низкое самоуважение, отсутствие жизненной цели и показывают более низкую обязанность по отношению к своей цели, ценностям и убеждениям [14]. Исследование ими идентичности менее направлено, больше зависит от разных случайностей и чаще приводит к жизненным неудачам и ошибкам. Проблема их идентичности не выражается в систематическом исследовании доступных возможностей, а заканчивается бесцельностью и хаотичностью, которые характерны для классической диффузной идентичности. Эти различия не позволяют объединить взрослеющих молодых в какую-то одну социальную группу с едиными целями и характеристиками.

Perevod I.N. Shchukina i Zh. Knap

Список литературы

1. *Aapola S., Gonick M., Harris A.* Young Femininity. Girlhood, Power and Social Change. Houndmills in New York: Palgrave, 2002.
2. *Arnett J. J.* Adolescence and Emerging Adulthood. New Jersey, Pearson: Prentice Hall, 2004.
3. *Biggart A., idr.* Families and Transitions in Europe: State of the Art Report. European Commission, HPSE-CT2001-00079, Bruselj, 2003.
4. *Côté, J.* Arrested Adulthood. The Challenging Nature of Maturity and Identity. New York: New York Univ. Press, 2000.
5. *Du Bois-Reymond M., Chisholm L. (ur.)* The Modernization of Youth Transition in Europe. San Francisco: Jossey-Bass, 2006.
6. *Erikson E. H.* Identität und Lebenszyklus. Frankfurt: Suhrkamp, 1977.
7. Eurostat, dostopno na: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=1996,45323734&_dad=portal&_schema=PORTAL&screen=welcomeref&open=/edtr/educ/educ_isced97&language=en&product=EU_MASTER_education_training&root=EU_MASTER_education_training&scrollto=0.
8. *Gergen M., Davis S. (ed.)* Toward a new Psychology of Gender. New York: Routledge, 1997.
9. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.
10. *Johnson L.* The Modern Girl. Sidney: Allen and Unwin, 1993.
11. *Leary M.R., Tangney J.P.* Handbook of Self and Identity. New York: The Guilford Press, 2002.
12. *Leccardi C., Ruspini E.* A New Youth. Young People, Generations and Family Life. Hampshire: Ashgate, 2005.
13. OECD, PISA 2006, dostopno na: http://www.pisa.oecd.org/document/2/0,3343,en_32252351_32236191_39718850_1_1_1_1,00.html.
14. *Olk T.* Jugend und gesellschaftliche Differenzierung. Beiheft: Zeitschrift für Pädagogik.
15. *Schwartz J. idr.* Identity and agency in emerging adulthood: Two developmental routes in the individualization process// Youth & Society. Vol. 37. No 2. P. 201-22.
16. *Ule M.* Changes in family life courses in Slovenia. V: ROBILA, Mihaela (ur.). Families in Eastern Europe, (Contemporary perspectives in family research, vol. 5). Amsterdam [etc.]: Elsevier JAI, 87-101.
17. *Ule M., Kuhar M.* Orientations of young adults in Slovenia toward the family formation// Young. Vol. 16, no. 2. P. 153-183.
18. *Ule M. idr.* Na mladih svet stoji, kje pa stojijo mladi — študentje?. Teor. praksa, 48/1, 7-24.
19. UNESCO Education of Girls and Women in Europe. Contribution of UNESCO to the European Conference on Women. Dostopno prek: <http://unesdoc.unesco.org/images/0010/001029/102969E.pdf>.
20. *Walther A. idr.* Participation in Transition. Motivation of Young Adults in Europe for Learning and Working. Frankfurt: Peter Lang, 2006.
21. *Zinnecker J.* The Cultural Modernization of Childhood. V: L. Chisholm idr. Growing up in Europe. Berlin, New York: W. de Gruyter, 1995.

CHANGES OF GENDER STEREOTYPES THROUGHOUT THE MATURING

Mirjana Ule

Prof. dr., Univerza v Ljubljani, Fakulteta za družbene vede

The maturing process research needs a multidisciplinary approach. Such an approach is represented inherently in psychology, sociology, anthropology, pedagogy, social history, medicine. However, all these disciplines must be taking into account when one needs to understand the contemporary processes of maturing. In the last decade, a new discipline integrating aforementioned sciences is emerged which is aimed at the study of maturing itself. The maturing of young people is a general and necessary condition of the reproduction of any society. Cultures and historical epochs establish and interpret the maturing process according to their own features; as a result, it's difficult to elucidate conceptually the general process of maturing. The article puts forward the issue of gender differences in the maturing in Slovenia and Europe. Moreover, the reproduction of gender features during the maturing in the context of neoliberal ideology based on individualization, personal choice, personal responsibility, human rights is considered in the article. Contemporary developmental psychology models have taken the prevalent neoliberal discourse which explicates all the rights to be equal for everyone which leads to the smoothing of the ratio of the authority to the inequality.

Keywords: gender stereotypes, maturing scenarios, upbringing models, identification

УДК 159.9:373

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ С РАЗНЫМИ СТИЛЯМИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

А.Г. Исмаилова

Представлены результаты интегрального исследования индивидуальности. Выделенные особенности структуры самоотношения воспитателей с прямопротивоположными стилями педагогического общения (развивающий и организационный) позволяют рассматривать особенности самоотношения как внутренний фактор, детерминирующий процесс формирования стиля.

Ключевые слова: самосознание; самоотношение; стиль педагогического общения; внутренние факторы, детерминирующие процесс становления стиля.

Немаловажное значение в общении воспитателя с детьми имеет осознание им своей сущности, своей роли, своего потенциала в реализации профессиональной деятельности. Исследования особенностей самосознания личности показывают, что внутренняя динамика самосознания, структура и специфика отношения личности к собственному «Я» оказывают регулирующее влияние практически на все аспекты поведения человека, играя важную роль в установлении межличностных отношений, постановке и достижении целей [11; 9].

В едином процессе самосознания выделяются два аспекта: процессы получения знаний о себе (и самих этих знаний) и процесс самоотношения, что позволяет выделить самоотношение как самостоятельный объект психологического анализа. Чаще самоотношение рассматривается как аттитюд или эмоциональный компонент [2]. К.Роджерс подразделяет отношение к себе на самооценку (оценку себя как носителя определенных свойств и достоинств) и самопринятие (принятие себя как уникальной индивидуальности, обладающей не только достоинством, но и слабостями и недостатками [15]. L.Wells, G.Marwell пишут о чувстве собственной компетенции и о чувстве расположенности и симпатии к себе [16].

Прикладные аспекты изучения проблемы самосознания могут быть обозначены прежде

всего через исследования его регулирующей функции. Так, установлено, что человек с высоким самоуважением верит в себя, считая, что может преодолеть свои недостатки. Развитое позитивное чувство в адрес «Я» как устойчивая личностная черта является центральным звеном внутреннего психического мира человека, оно лежит в основе единства и целостности его личности, согласовывает и упорядочивает внутренние ценности, завершает структуру характера [13]. Самоотношение как свойство личности теснейшим образом связано с целями ее жизни и деятельности, с ее ценностными ориентациями, выступает важнейшим фактором образования и стабилизации ее единства [1; 8]. Выступая устойчивой личностной чертой, самоотношение тесно связано с другими свойствами личности, особенно волей. Оно влияет на формирование содержания, структуры и формы проявления целой системы психологических особенностей личности [13].

Человек с низким самоуважением — это человек с устойчивым чувством неполноценности, ущербности [6], ранимостью, чувствительностью к внешним воздействиям, оторванностью от реального взаимодействия с другими людьми. В сфере деятельности такое отношение к себе может проявляться в непоследовательности и нерешительности. Личность с пониженным самоуважением отличается неус-

тойчивым внутренним миром, не обладает твердой и последовательной линией поведения в общении, во взаимоотношениях с другими людьми [13].

В психологической литературе имеются данные, которые указывают на зависимость эталонных представлений педагога о личности ученика [5], восприятия им педагогической ситуации от типологических характеристик самоотношения [4].

Аналогичные результаты можно найти и у некоторых западных исследователей самоотношения. Например, J. Nattie пишет, что чувство собственного достоинства влияет на блокирование и степень выпуклости нашего восприятия. Человек, по мнению исследователя, не воспринимает себя и других людей исключительно на основе рациональных способностей. Его самоотношение влияет на целый спектр тех аспектов поведения, которые заслуживают уважения и внимания. Человек с высоким чувством собственного достоинства чаще всего рассматривает аспекты своей жизни как важные, верит в их реализацию, его восприятие себя, своих поступков более целостно и осознанно [14].

В процессе изучения условий и факторов формирования стиля педагогического общения мы предположили, что самоотношение педагогов можно рассматривать в качестве одного из этих факторов.

В ходе исследования было выделено несколько разных стилей педагогического общения. Среди них несомненный интерес представляют два противоположных стиля, имеющих разную социальную ценность [3].

Остановимся на характеристике **развивающего** стиля. Это название обусловлено спецификой задач, решаемых воспитателями в процессе общения с детьми. Педагоги с **развивающим** стилем, общаясь с детьми, содействуют их личностному росту, относятся к ним как самоценности, уважают их и принимают такими, какие они есть, верят в их возможности. Воспитатели этого стиля употребляют в основном косвенные воздействия, направленные на создание положительной эмоциональ-

ной атмосферы за счет использования побуждений к активности положительной оценки и частых эмоционально-оценочных суждений по поводу поведения и деятельности детей. Положительный эмоциональный настрой последних на занятиях создает хороший психологический климат, что позволяет воспитателю значительно меньше внимания уделять вопросам дисциплины и организации ребят. Поэтому атмосфера на занятиях, деятельность и поведение детей, характеризующиеся относительной свободой, способствуют проявлению их активности, самостоятельности, творческой инициативы. Этот стиль, скорее, направлен на реализацию личностно ориентированной модели взаимодействия с детьми, что позволяет его рассматривать как педагогически целесообразный.

Другой стиль — **организационный**. Воспитатели, используя этот стиль, чаще ставят и решают дидактические и организационные задачи, т.е. больше внимания уделяют организационно-деловой стороне педагогического процесса, игнорируя при этом постановку воспитательных целей. В ходе занятия они четко регламентируют деятельность детей, давая им часто конкретные указания, строго следят за их выполнением, контролируют действия детей. Меньше внимания эти воспитатели уделяют активизации ребят, а если и активизируют, то чаще пользуются отрицательной оценкой. В начале занятия они обычно решают организационную задачу, наводят порядок в группе и затем переходят к обучению. Строго следят за дисциплиной, в ходе занятия часто делают детям замечания; своевременно и быстро реагируют на ответы детей, исправляют ошибки, помогают найти необходимый ответ. Атмосфера на занятиях этих воспитателей характеризуется строгостью, требовательностью, ограничением самостоятельности детей, сдерживанием их инициативы. Поскольку данный стиль ориентирован на реализацию учебно-дисциплинарной модели взаимодействия педагога с детьми, то его можно определить как педагогически нецелесообразный.

При сопоставлении особенностей проявлений самоотношения, измеренных с помощью

«Методики изучения самоотношения» С.Пантилеева [10], у воспитателей с развивающим и организационным стилями не обнаруже-

но различий в степени выраженности показатель самоотношения (см. табл. 1).

Таблица 1. Сравнение средних значений показателей самоотношения воспитателей с разными стилями педагогического общения

Показатели	Средние значения		t-критерий Стьюдента	Уровень значимости
	Развивающий СПО	Организационный СПО		
Закрытость	6,23	6,50	-0,68	0,497
Самоуверенность	6,96	6,29	1,56	0,124
Саморуководство	6,54	6,63	-0,18	0,859
Отр. самоотношение	6,58	6,42	0,34	0,734
Самоценность	6,85	6,92	-0,13	0,894
Самопринятие	7,12	7,71	-1,19	0,238
Самопривязанность	6,92	6,25	1,49	0,143
Внутр. конфликтность	5,58	5,96	-0,77	0,442
Самообвинение	5,31	5,13	0,33	0,742
СПО (интегр.показатель)	3,58	2,97	9,18	0,000

Таблица 2. Факторное отображение структуры самоотношения воспитателей с разными стилями педагогического общения

Показатели самоотношения	Факторы						
	Развивающий СПО				Организационный СПО		
	1	2	3	4	1	2	3
Закрытость	0,126	0,135	0,013	0,941	0,829	0,286	-0,025
Самоуверенность	0,929	0,061	-0,079	-0,054	0,669	-0,248	0,390
Саморуководство	0,819	-0,196	0,021	0,355	0,800	-0,134	0,029
Отраж. самоотношение	0,821	0,260	0,076	-0,022	0,809	0,094	0,425
Самоценность	0,260	0,628	-0,394	-0,439	0,377	0,085	0,582
Самопринятие	0,024	0,910	-0,087	0,165	0,343	0,687	0,253
Самопривязанность	0,050	0,622	0,046	0,017	-0,013	-0,003	0,920
Внутр. конфликтность	-0,393	0,533	0,657	0,007	-0,043	0,936	0,054
Самообвинение	0,170	-0,180	0,948	0,031	-0,220	0,611	-0,375
Expl. Var	2,477	2,056	1,508	1,235	2,739	1,899	1,728
Prp.Totl , %	27,5	22,8	16,8	13,7	30,4	21,1	19,2

Для изучения особенностей структуры самоотношения воспитателей с разными стилями педагогического общения была использована процедура факторного анализа методом главных компонент с последующим «варимакс»-вращением. Результаты анализа представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, в группе воспитателей с развивающим стилем выделилось 4 значимых фактора, объясняющих 80,8 % общей дисперсии показателей. Рассмотрим их более подробно.

Первый фактор, доля объяснимой дисперсии которого составляет 27,5 %, — униполярный, все высокие факторные нагрузки в нем присутствуют с положительным знаком. Его содержание определяется следующими шкалами: самоуверенность (0,929); саморуководство (0,819); отраженное самоотношение (0,821). Все эти шкалы выражают оценку собственного «Я» воспитателей. Это обобщенное измерение самоотношения близко по содержанию к тому аспекту глобальной самооценки, который в литературе принято обозначать как чувство ком-

петентности, эффективности, инструментальности «Я». Данный фактор мы назвали, вслед за автором методики, «самоуважение» [10].

Второй фактор, доля объяснимой дисперсии которого составляет 22,8 %, — тоже униполярный, все высокие факторные нагрузки в нем присутствуют с положительным знаком. Содержание этого фактора определяется шкалами: самооценność (0,628); самопринятие (0,910); самопривязанность (0,622). По аналогии с С.Р. Пантлеевым, автором методики изучения самооотношения, мы назвали его «аутосимпатия» [10]. Как указывает С.Р. Пантлеев, данное измерение отражает те или иные чувства или переживания в адрес собственного «Я» педагога. Ряд авторов называют его «самоотношением на основе эмоционального чувства привязанности и расположенности к себе».

В третий фактор (доля объяснимой дисперсии составляет 16,8 %) вошли шкалы: самообвинение — 0,948; внутренняя конфликтность — 0,657. Он получил название «самоуничижение». Выделение негативного отношения к себе в самостоятельный фактор является достаточно точно установленным фактом [11; 10]. Объясняя факт расщепления самооотношения («самопринятие» и «самоуничижение»), В.В. Столин связывает его с необходимостью защиты «Я» от отрицательных эмоций и поддержания общего самоуважения на относительно постоянном уровне. Механизм такого самоподдержания был назван «защитным предохранительным клапаном». Действие этого защитного механизма, по В.В. Столину, направлено, в первую очередь, на «блокировку антипатии к себе» так, чтобы снижение симпатии не приводило к нарастанию антипатии [11].

Четвертый фактор (ДОД = 13,7 %) образует шкала закрытости — 0,941. Содержание этого фактора отражает тенденцию к соответствию субъекта социально желательному образу. Очевидно, структура самооотношения воспитателей, описываемая этим фактором, свидетельствует о выраженной у них потребности следовать социально желательным образцам. Назовем этот фактор «конформность».

В группе воспитателей с организационным СПО выделилось только три значимых фактора, суммарная доля которых составляет 70,7 % объяснимой дисперсии.

В первый фактор (ДОД = 30,4 %) вошли те же шкалы, что и в подвыборке воспитателей с развивающим стилем: самоуверенность (0,669), саморуководство (0,800), отраженное самоотношение (0,809), а так же шкала закрытости (0,829). Причем именно шкала закрытости и составляет ядро этого фактора, в отличие от фактора в группе воспитателей с развивающим стилем, где ядром является шкала самоуверенности (0,929). Как видно из таблицы, шкала самоуверенности (0,669) в группе воспитателей с организационным стилем тоже представлена в первом факторе, хотя и менее выраженным значением, что и позволяет нам назвать этот фактор так же «самоуважение». Сравнивая эти факторы между собой, выделили существенное, с нашей точки зрения, различие, определяющее особенности самоуважения воспитателей с разными стилями педагогического общения. Вероятно, для воспитателей с развивающим стилем в некоторой мере характерно проявление большей независимости в оценке своего «Я», уверенности в себе, самостоятельности. Они способны управлять собой, своим поведением, нести ответственность за свои поступки, что позволяет им ожидать от окружающих уважения, симпатии, понимания, одобрения их личности и различных проявлений ее активности. Аналогичные данные были получены и при изучении особенностей самоактуализации педагогов [3]. Воспитатели с организационным стилем более конформны, у них выражена мотивация социального одобрения, в оценке своего «Я» они в большей мере ориентированы на оценку его соответствия общественно заданным социальным нормативам. Вышесказанное позволяет нам внести некоторые коррективы в названия факторов: первый фактор в группе воспитателей с развивающим стилем следует назвать «независимое самоуважение», а в группе воспитателей с организационным стилем — «социально-нормативное самоуважение».

Во второй фактор (ДОД = 21,1 %) вошли со значимыми весами шкалы: внутренняя конфликтность (0,936), самопринятие (0,687), самообвинение (0,611). Содержание этого фактора несколько иное, чем у воспитателей с развивающим стилем. Для воспитателей, самоотношение которых описывается этим фактором, характерны конфликтность собственного «Я», самокопание, рефлексия на фоне негативного отношения к себе в сочетании с самообвинениями, готовностью взять на себя вину за свои промахи и неудачи, собственные недостатки. Несмотря на это воспитатели испытывают к себе чувство симпатии, согласия со своими внутренними побуждениями, т. е. они принимают себя такими, какие они есть, со всеми своими недостатками.

Выделение «самоуничужения» в автономную подструктуру самосознания у воспитателей с развивающим стилем, по-видимому, действительно связано с защитными механизмами самоподдержания [11; 12]. В группе воспитателей с организационным стилем наблюдается иная картина. Эти воспитатели скорее экстерналы, чем интерналы [3]. Следуя за логикой автора методики изучения самоотношения [10], при объяснении наличия данного фактора у воспитателей с организационным стилем можно применить феномен так называемой «защитной» экстернальности. Он проявляется в том, что экстерналы, в отличие от интерналов, в меньшей мере склонны вытеснять свои неудачи, так как заранее принимают внешние, экстернальные факторы в качестве объяснения успеха и неудачи [7]. Если они проще принимают свои неудачи, то, вероятно, проще принимают в себе и какие-то негативные личностные черты, наличие которых они не связывают с проявлением собственного «Я». Именно этим можно объяснить «вхождение» в фактор, включающий шкалы самообвинения, внутренней конфликтности и шкалы самопринятия. Назовем этот фактор «самоуничужение на фоне самопринятия».

Третий фактор (ДОД = 19,2 %) в группе воспитателей с организационным стилем представлен одной значимой шкалой самопривязан-

ности (0,920). Его содержание можно описать через ригидность «Я-концепции», консервативную самодостаточность на общем фоне положительного отношения к себе, полного принятия себя, отрицание возможности и желательности развития собственного «Я». Очевидно, назвать его можно «фактор самопривязанности». Анализируя содержание этого фактора, обратим внимание на его отличие от фактора «аутосимпатия», выделенного в группе воспитателей с развивающим стилем. В фактор «аутосимпатия» входят все три шкалы, описывающие эмоционально-ценностное отношение личности к себе, ядром фактора является шкала самопринятия (0,910). Воспитатели с организационным стилем шкалы, описывающие эмоционально-ценностное отношение к себе (самоценность, самопринятие, самопривязанность), распределились по разным факторам, а шкала самооценности представлена незначимо в третьем факторе (0,582). Вероятно, это можно объяснить недостаточной зрелостью структуры эмоционально-ценностного отношения к себе у воспитателей с организационным стилем.

Анализ выделенных факторов, характеризующих структуру самоотношения воспитателей с разными стилями педагогического общения, в определенной мере подтверждает предположение о том, что особенности самоотношения педагогов могут проявляться в стиле их общения с детьми. Это подтверждает факты, установленные другими авторами. В частности, исследование А.М.Кольшко позволило выявить, что наиболее успешными во взаимодействии с учениками являются учителя с эмоционально-оценочным типом самоотношения как наиболее развитым. При этом уничижительное отношение к себе выступает тем личностным фактором, который обуславливает их неэффективность в данном взаимодействии [4].

Таким образом, различия, выявленные в структуре самоотношения воспитателей с разными стилями педагогического общения, позволяют рассматривать особенности самоотношения в качестве одного из внутренних факторов индивидуальности педагога, детерминирующих своеобразие проявления стиля.

Список литературы

1. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды: в 2 т. / под ред. А.А.Бодалева, Б.Ф.Ломова. М., 1980. Т. 1.
2. *Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.
3. *Исмагилова А.Г.* Психология стиля педагогического общения: полисистемный аспект. Пермь, 2003.
4. *Кольшико А.М.* Особенности межличностного взаимодействия педагогов с различными типами самоотношения // Вестник Гродненского университета им. Я. Купалы. Серия 1. 2001. № 1 (6).
5. *Комарова Т.К.* Эталон школьника у педагогов с разным типом самоотношения // Проблемы профессиональной акмеологии. Гродно, 2003.
6. *Кон И. С.* Открытие «Я». М., 1978.
7. *Муздыбаев К.* Психология ответственности. Л., 1983.
8. *Оллпорт Г.* Становление личности. М., 2002.
9. *Пантिलеев С.Р.* Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: Изд-во МГУ, 1991.
10. *Пантилеев С.Р.* Методика исследования самоотношения. М., 1993.
11. *Столин В.В.* Самосознание личности. М., 1983.
12. *Хараши А.У.* Личность в общении // Общение и оптимизация совместной деятельности / под ред. Г.М. Андреевой, Я. Яноушека. М., 1987.
13. *Чеснокова И.И.* Проблема самосознания в психологии. М., 1977.
14. *Hattie J.* Self -Concept. Hillsdale, Neu Jersey Howe and London, 1992.
15. *Rogers K.R., Dymond R.F.* Psychotherapy and personality change. Chicago, 1954.
16. *Wells L.E., Marwell G.* Self-Esteem. //Its Conceptualization and Measurement. London, 1976.

SELF-RELATIONSHIP OF EDUCATORS HAVING VARIOUS STYLES OF PEDAGOGICAL COMMUNICATION

Asia G. Ismagilova

Perm State National Research University, 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

In the article the results of an integral research of individuality are presented. The presented characteristics of the structure of self-relationship of kindergartners with antithetical styles of pedagogical communication, developing and organizational, allow to consider those self-relationship characteristics as an internal factor which determines the process of style formation.

Keywords: self-consciousness, self-relationship, pedagogical communication style, internal factors determining the process of style formation

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.354

ДИНАМИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ПРИКАМЬЯ В
ПЕРИОД 2006-2010 ГГ.*И.А. Германов, Е.Б. Плотникова, Е.А. Злыднева*

В статье анализируются социокультурные процессы в Пермском крае в 2006 — 2010 гг., выявлены основные проблемы развития социальной сферы региона.

Ключевые слова: социокультурное развитие; Пермский край; регион; социальное самочувствие.

Пермский край является одной из успешно развивающихся территорий РФ. Экспортно-ориентированный характер региональной экономики обеспечивает на протяжении последних лет сравнительно высокие среднедушевые доходы населения, что оказывает положительное влияние на качество жизни, показатели социального самочувствия жителей края. В последние годы регион отличает стабильность социальной и политической ситуации.

Пермский край является примером коинновативного (следует инновациям центра) и вместе с тем инновативного (продуцирует инновации сам) развития. Начиная от интегративного процесса, муниципальной и административной реформ, заканчивая социальной политикой, эти сферы оказываются «проектами», реализуемыми региональными властями. В Прикамье апробирован целый ряд управленческих технологий (в первую очередь — в социальной сфере), являющихся новым словом в региональном управлении.

В то же время социокультурное развитие края характеризуется рядом проблем. В демографическом развитии сохраняется наметившаяся в 1990-х гг. тенденция сокращения чис-

ленности населения: в период с 2006-2009 гг. число жителей края сократилось на 95 тыс. чел. (3,4%). Основными факторами этого снижения остаются высокий уровень смертности и отток населения с территории края. Несмотря на то, что на протяжении нескольких лет рождаемость в регионе выше общероссийских показателей (13,3 и 12,4% соответственно), ежегодное число смертей продолжает превышать численность родившихся. По уровню смертности Пермский край находится на 56-м месте по РФ и превосходит практически все регионы Урала и Приволжского федерального округа. Показатель младенческой смертности (умерших в возрасте до одного года) остается высоким (8,5%): в регионе он выше, чем среднероссийский уровень (8,1%), и по Приволжскому федеральному округу (7,2%). Наряду с этим идет процесс старения населения края. В 2009 г. удельный вес населения старше трудоспособного возраста в среднем по региону составил 20,6% общей численности населения, в то время как количество детей и подростков до 16 лет — 17,3%. Средний возраст жителей региона составил 37,7 лет, в том числе для мужской части населения — 34,9, а для женщин — 40,6 лет. Для сравнения

* Публикация подготовлена в рамках подведомственной программы Мин-ва обр. и науки РФ Проект №1.23.11

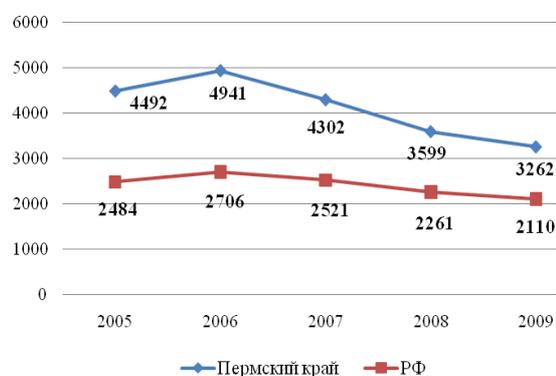
Германов Игорь Анатольевич — доцент кафедры социологии и политологии; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; germanov1973@yandex.ru
Плотникова Елена Борисовна — заведующая кафедрой социологии и политологии; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; plotnikova1958@yandex.ru
Злыднева Екатерина Александровна — ассистент кафедры социологии и политологии; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, Букирева, 15; soccntr@psu.ru

по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. этот показатель составлял 36,2 года.

Численность населения края сокращается не только за счет естественной убыли, но и за счет миграции, в первую очередь квалифицированной рабочей силы. Основная тенденция 2010 г. — миграционная убыль населения. В период с 2005 по 2009 г. миграционный отток населения за пределы Пермского края составил более 13 тыс. чел., в том числе в 2009 г. — 2679 чел. В основном из региона уезжают трудоспособные люди с целью получения более престижной и высокооплачиваемой работы или выпускники школ, поступающие в ведущие вузы страны. Наряду с увеличением числа выехавших с территории края произошло снижение потока прибывших, особенно из других регионов России (за 5 лет их число сократилось на 3,4%). По сравнению с регионами-конкурентами, где наблюдается миграционный прирост, проблема миграции населения является для Пермского края наиболее острой. Одной из причин миграционного оттока населения, по данным социологического опроса [1], является высокий уровень преступности. На протяжении ряда последних лет преступность в регионе начала снижаться. С 2005 по 2009 г. количество зарегистрированных преступлений на территории Пермского края снизилось на 27% (см. рисунок). Однако по количеству преступлений в сопоставлении с численностью населения край является лидером среди других субъектов Российской Федерации.

Состояние семейности в Пермском крае в основном отражают тенденции, характерные для России в целом. В течение 2005-2008 гг. наблюдался рост числа разводов — с 3,6 до 4,5‰. В 2009 г. произошло незначительное снижение данного показателя до 4,4‰. При этом стабильно увеличивается число браков: за последние пять лет доля лиц, заключивших брак, возросла почти в полтора раза, составив в 2009 г. 8,1‰. Тем не менее по данному показателю Пермский край продолжает отставать от среднероссийского уровня, который в 2009 г. по РФ составил 8,5‰.

Формирование трудовых ресурсов края напрямую зависит от процессов воспроизводства населения. Наряду с сокращением общей численности населения уменьшается доля лиц трудоспособного возраста. Данные статистики свидетельствуют о том, что по сравнению с 2005 г. численность трудоспособного населения уменьшилась на 2%. По прогнозам Росстата численность населения края в трудоспособном возрасте, составляющая ядро его трудового потенциала, к 2031 г. заметно сократится. Через 10-15 лет трудовые ресурсы могут стать в Пермском крае, как и в большинстве регионов России, дефицитными и, как следствие, дорогими [2].

Число зарегистрированных преступлений (на 100 тыс. чел. населения)

Смертность трудоспособного населения — одна из острых проблем в Пермском крае. Показатели смертности у мужчин в возрасте 18–60 лет достигали 13,9‰, у женщин — 3,9‰. Сложившаяся ситуация привела к увеличению коэффициента демографической нагрузки: в 2009 г. на 1000 чел. населения в трудоспособном возрасте приходилось 610 нетрудоспособных, в то время как в 2008 г. этот показатель составлял 589 чел.

Экономически активное население в 2006 г. составляло 1438 тыс. чел., из которого 1333,8 тыс. было занято в экономике (92,7%) и 104,2 тыс. были безработными. Уровень общей безработицы в 2007 г. сократился до 92,6 тыс. чел., однако с обострением финансово-экономических проблем в 2008 г. проблема

роста безработицы вновь усилилась и уже к этому времени число безработных выросло до 107,9 тыс. чел., а в 2009 г. данный показатель составил 132,8 тыс. чел. В то же время наблюдался рост уровня зарегистрированной безработицы, по сравнению с 2008 г. он увеличился практически вдвое, став самым высоким в Приволжском федеральном округе (49,3 тыс. чел.). Кроме того, под воздействием экономического кризиса реальные доходы населения края начали сокращаться еще в конце 2008 г. (на 0,3%), а в целом по стране устойчивое сокращение началось с февраля 2009 г. В январе–августе 2009 г. реальные душевые денежные доходы населения Пермского края сократились на 6% к аналогичному периоду 2008 г. (в среднем по стране — на 1%) [3]. Усугубила сложившуюся ситуацию высокая стоимость жизни в крае. Так, прожиточный минимум в регионе существенно выше среднего по РФ (107,7% в 2008 г.) и сопоставим только с Самарской областью (107,5%), в других же регионах Урало-Поволжья он заметно ниже [4].

Индекс РЧП за период 2005-2008 гг. вырос на 0,032. Однако в рейтинге ИРЧП за 2008 г. регион занимает лишь 26-е место, что существенно ниже, чем у регионов, близких по экономическому развитию (Свердловская, Челябинская и Самарская области — см. табл. 1).

При этом в триаде индикаторов ИРЧП (образование, долголетие, доход) самый неблагоприятный показатель в Пермском крае — низкая продолжительность жизни. Хотя за период 2005-2008 гг. отмечен рост ожидаемой продолжительности жизни на 3,4 года (максимальные темпы роста среди регионов Поволжья и Урала — см. табл. 2). В этот же период постепенно сокращается младенческая смертность: за 2005-2009 гг. отмечено снижение с 18 до 15 чел. на тысячу родившихся.

В сфере образования также выделен ряд проблем. В Пермском крае в возрастах 7-24 лет обучаются 71% детей и молодежи, что ниже среднего по стране (75%). Несмотря на то, что из года в год увеличивается число студентов в вузах, регион существенно отстает по данному показателю от других областей. На начало

2009/2010 учебного года на 10 тыс. населения приходилось 394 студента (54-е место в России) - это самый низкий результат в Приволжском федеральном округе. По данному показателю в среднем профессиональном образовании край занимает 21-е место среди регионов РФ. Однако здесь наблюдается устойчивое сокращение числа учащихся. За последние 5 лет число студентов учреждений среднего профессионального образования сократилось на 22%.

Наряду с этим наблюдается тенденция сокращения числа образовательных учреждений, по сравнению с 2008-2009 учебным годом их количество уменьшилось на 110 единиц, большая часть сокращений приходится на начальные образовательные учреждения (ОУ). Среди регионов — конкурентов Пермский край лидирует по числу сокращений ОУ. Так, за указанный период сеть образовательных учреждений сократилась в Нижегородской области на 73 единицы, в Свердловской — на 71, Челябинской — на 89. В целом Пермский край повторяет общероссийскую тенденцию, однако такое сокращение не вполне оправдано для данного региона. В то время как в Нижегородской, Свердловской, Челябинской областях происходит уменьшение численности учащихся, в Пермском крае за счёт увеличения рождаемости и вхождения в подростковый возраст наблюдается рост контингента более чем на 2 тыс. чел. В Пермском крае всего 12 организаций осуществляют подготовку аспирантов, что в два раза меньше, чем в Нижегородской области и в три раза меньше, чем в Свердловской. Такая же ситуация и с организациями, которые готовят докторантов (таких учреждений в крае всего 6).

Уровень образования занятого населения в Пермском крае несколько ниже, чем в Российской Федерации в целом. Высшее профессиональное образование в Прикамье имеет 21% занятого населения, тогда как в российский показатель составляет 28%, и среднее общее образование — 15 и 21% соответственно.

Таблица 1. Индекс развития человеческого потенциала Пермского края и соседних регионов [5]

	2005		2006		2007		2008	
	ИРЧП	Место в РФ						
Российская Федерация	0,792	—	0,805	—	0,817	—	0,825	—
Пермский край	0,770	27	0,790	20	0,791	30	0,802	26
Свердловская область	0,781	16	0,802	11	0,812	9	0,817	9
Челябинская область	0,781	17	0,796	17	0,811	10	0,816	13
Самарская область	0,795	8	0,803	10	0,811	12	0,817	8

Таблица 2. Человеческий потенциал Пермского края, динамика его показателей (ИРЧП) [6]

Год	ВРП долл. ППС	Ожидаемая продолжительность жизни	Грамотность % населения	Доля учащихся в возрасте 7-24 лет	ИРЧП	Место	Индекс сбалансированности ЧП
2005	11527	62,3	98,9	71,2	0,770	27	0,260
2006	14141	63,99	98,9	70,7	0,790	20	0,313
2007	12804	65,23	98,9	70,2	0,791	30	0,397
2008	14509	65,73	98,9	71,0	0,802	26	0,412

Таблица 3. Уровень культурной активности жителей Пермского края (2005-2009 гг.) [7]

Год	Численность пользователей библиотечным фондом, тыс. чел.	Число посещений музеев		Численность зрителей театров	
		на 1000 чел. населения	Место в РФ	на 1000 чел. населения	Место в РФ
2005	1105	265	55	216	45
2006	1095	329	51	226	16
2007	1076	294	54	251	12
2008	1070	279	52	244	12
2009	1048	313	52	240	13

Анализ статистических данных показал невысокий уровень культурной активности жителей Пермского края. Ежегодно уменьшается число пользователей библиотечным фондом. Согласно официальной статистике в 2005 г. 1134 тыс. чел. являлись пользователями библиотечного фонда, к 2007 г. произошло их сокращение до 1076, в итоге в 2009 г. данный показатель равнялся 1048 тыс. чел. Отметим, что наряду с этим происходит уменьшение самого библиотечного фонда региона, по сравнению с 2005 г. он сократился более чем на 10% и теперь по числу экземпляров, хранящихся в библиотеках, Пермский край занимает 70-е место (5092 книг) среди регионов Российской Федерации.

Характерной чертой края становится низкая посещаемость музеев, так, в 2006 г. она составила 320 посещений на 1000 чел. населения, в 2009 г. данный показатель снизился до 313. К примеру, в Свердловской области число посещений в 2009 г. равнялось 377 на 1000 чел., а в Нижегородской — 324. Наряду с этим в Пермском крае возрастает численность зрителей театров, в 2009 г. она составила 240 на 1000 чел. По этому показателю регион превышает как общероссийский уровень (213 чел.), так и уровень некоторых регионов: Нижегородская область — 179 чел., Челябинская — 200. В целом по численности зрителей театров край занимает 13-е место в РФ (см. табл. 3).

За исследуемый период отмечена тенденция сокращения объектов инфраструктуры для занятия спортом и физической культурой. Существенно сократилось число стадионов (в 2008 г. — 100, а в 2009 г. — 58), спортивных залов (2008 г. — 1664, 2009 г. — 1423), плавательных бассейнов (137 и 69 соответственно). Это обуславливает процесс снижения числа занимающихся в физкультурно-оздоровительных клубах, секциях. По данным показателям Пермский регион существенно отстает от Нижегородской, Свердловской и Челябинской областей.

В данной статье представлен лишь фрагмент такого сложного феномена, как «социокультурная динамика». Однако проведенный анализ позволяет выявить ключевые проблемы региона, на первый план среди которых выходит регрессивная динамика демографических процессов. С одной стороны, негативное влияние на демографическую ситуацию в крае оказывает экономическая нестабильность, отражающаяся на замедлении роста численности населения. А с другой — неблагоприятное экологическое состояние региона. Высокий уровень загрязнения атмосферного воздуха в городах, где проживает основная часть населения края, неудовлетворительное состояние природных и питьевых вод, недостаточная обеспеченность жителей благоустроенным жильем негативно сказываются на состоянии здоровья населения Пермского края, а также уровень «сверхсмертности» от ряда излечимых заболеваний и предотвратимых причин. Несмотря на

выделенные негативные проявления, социокультурный потенциал региона имеет позитивные условия для его развития. Это — благоприятное географическое положение, высокий уровень индекса человеческого потенциала, высокий профессиональный уровень населения региона, высокий уровень толерантности населения, что способствует притоку мигрантов.

Список литературы

1. Социологический опрос «Исследование миграционных потоков на территории города Перми» проведен Пермским центром социального партнерства и социологических исследований в июне 2009 г. Пермь, 2009.
2. Доклад о развитии человеческого потенциала в Пермском крае/ под ред. С.Н. Бобылева. Пермь: НП «Профессиональный интерес», 2010. С.34.
3. Доклад о развитии человеческого потенциала в Пермском крае// Там же. С. 20.
4. Доклад о развитии человеческого потенциала в Пермском крае// Там же.
5. Доклад о развитии человеческого потенциала в Пермском крае// Там же.
6. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2006-2007 гг. / под общей ред. проф. С.Н. Бобылева и А.Л. Александровой. М.: Весь Мир, 2007. С. 129; Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 г. / под общей ред. А.Г. Вишневского и С.Н. Бобылева. М: Сити-Принт, 2009. С. 30.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010.

DYNAMICS OF SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT IN THE PERM REGION FROM 2006 TO 2010

Igor A. Germanov, Elena B. Plotnikova, Ekaterina A. Zlidneva

*Centre of social partnership and sociological researches of Perm State National Research University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia*

This paper analyses socio-cultural processes in Perm Krai in the period from 2006 to 2010. It discusses the problems of social development in the region.

Key words: socio-cultural development, Perm Krai, region, social development

УДК 314.3 "20" (470)

РОЖДАЕМОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Л.А. Хачатрян

Рождаемость — это важнейший демографический процесс, определяющий наряду со смертностью режим воспроизводства населения. Социологи и демографы давно обратили внимание на то, что, являясь по сути процессом биологическим, рождаемость в обществе приобретает социальное содержание и регулируется комплексом социальных, религиозных и иных норм. В настоящее время в России и многих экономически развитых странах наблюдается снижение рождаемости в результате воздействия на нее множества факторов, вызывающих последствия, имеющие значение для функционирования общества.

Ключевые слова: рождаемость; депопуляция; качественные и количественные характеристики рождаемости; факторы и социальные последствия снижения рождаемости.

Важнейшим демографическим процессом современности является рождаемость, которая связана с процессом воспроизводства населения страны. Тот факт, что уже в течение не одного десятилетия ученые бьют тревогу по поводу депопуляции в России, необходим глубокий анализ рождаемости и выявления факторов, влияющих на нее. В демографии рождаемость определяется как процесс деторождения в совокупности людей, составляющих поколение, или в совокупности поколений, составляющих население. В последнее время в публикациях отмечается, что в России наблюдается процесс повышения рождаемости. По мнению В.М.Медкова, рост абсолютных чисел рождений на протяжении последних двух лет не означает радикального изменения генеральной тенденции снижения рождаемости. Напротив, он считает, что «...есть все основания предполагать, что в самом ближайшем времени рост числа рождений прекратится и начнется их спад» [7, с.114]. Специфика изучения данного процесса состоит в том, что рождаемость, будучи демографическим процессом, имеет биологическую основу, сущность которой можно определить как способность женщины и мужчины (брачной пары) к воспроизведению потомства, т.е. к оплодотворению, зачатию и вы-

нашиванию плода. В России каждый шестой заключаемый брак бесплодный.

Воспроизведение потомства возможно лишь в течение репродуктивного периода, главной характеристикой которого выступает плодовитость. Продолжительность репродуктивного периода определяется границами репродуктивного возраста и зависит от генетических особенностей и состояния здоровья супругов. В России репродуктивный возраст женщины равен интервалу от 15 до 49 лет. Известно, что средняя видовая плодовитость человека не превышает 15-16 рождений на одну женщину.

Изучая разные виды плодовитости: нормальную, пониженную и стерильную, демографы обратили внимание на то, что биологическая составляющая рождаемости сегодня оказывает существенное влияние на ее итоги. Так, в естественных условиях при нормальной плодовитости репродуктивный цикл разворачивается последовательно и заканчивается рождением ребенка. При пониженной плодовитости происходит затягивание наступления беременности, существует возможность самопроизвольного аборта, мертворождения, что свидетельствует о неполном репродуктивном цикле. Стерильность характеризуется неспособностью к зачатию при условии нормальной половой жизни. Причем стерильность может быть по-

стоянной и временной; естественной, искусственной и патологической; абсолютной и относительной. Плодовитость зависит от генетических особенностей и состояния здоровья обоих супругов. При наличии физических недостатков, биологической несовместимости супругов, противопоказаний беременности, а также наследственных заболеваний либо предрасположенности к ним рождение ребенка невозможно или опасно как для здоровья младенца, так и для жизни и здоровья матери.

В противоположность плодовитости бесплодие представляет неспособность зрелого организма мужчины или женщины к воспроизведению потомства. Мужское бесплодие означает неспособность к оплодотворению, женское — либо неспособность к зачатию, либо вынашиванию, либо рождению ребенка. Брак признается бесплодным, если в течение трех лет у супругов, предпринимающих все меры для рождения ребенка, не происходит рождения живого ребенка из-за отсутствия зачатия либо из-за самопроизвольного аборта или рождения мертвого ребенка. В современных экономически развитых странах около 10 — 15% супружеских пар бесплодны абсолютно и примерно столько же относительно, в России бесплодный каждый шестой заключаемый брак. Одной из основных причин женского бесплодия, невынашивания беременности является аборт. Исследователи отмечают, что 15% женщин из семейных пар не могут иметь детей [4].

Рождаемость может быть охарактеризована набором качественных и количественных показателей. Качественные показатели позволяют выделить и описать типы рождаемости, соответствующие различным историческим этапам репродуктивного поведения и типам воспроизводства населения. Прежде всего, выделяется естественная рождаемость — это брачная рождаемость, не ограничиваемая противозачаточными средствами и абортами, она господствовала в обществе примерно до XVIII в., опиралась на традиции многодетности. Уровень естественной рождаемости обусловлен лишь физиологическими и структурными факторами и существует в виде определенного социально-биологического потенциала, который реализу-

ется частично. В демографии имеется практика измерения гипотетического уровня социально-биологического потенциала, чтобы сравнить его с фактическим уровнем рождаемости. В научный оборот было введено понятие трех уровней оценки рождаемости: максимальный (12,44 детей), средний (10,54 детей) и минимальный (7,95 детей). В качестве потенциальной рождаемости назывались цифры от 10 до 15 рождений детей на одну женщину.

Реальная рождаемость, уровень которой всегда ниже естественной рождаемости, так как в обществе даже при отсутствии ограничения рождаемости есть женщины, не состоящие в браке. Реальная рождаемость зависит от применения контрацепции и искусственного прерывания беременности. В развитых странах нормой стала малодетность, и среднее число детей, рожденных одной женщиной за репродуктивный период, не превышает 1,5 ребенка. Этот разрыв между потенциальной и реальной рождаемостью демографы расценивают как результат репродуктивного поведения.

По критерию состояния в браке рождаемость может быть брачной и внебрачной. В демографии рассматривают также итоговую и компенсаторную рождаемость. Итоговая рождаемость представляет число рождений детей женщинами одного поколения. Компенсаторная рождаемость была зафиксирована после окончания Второй мировой войны. Академик В. Вернадский отмечал, что темпы роста народонаселения быстро восстанавливались после всякого его нарушения. И. Забелин подчеркивал, что за полвека, включившего две самые масштабные войны в истории человечества, количество землян удвоилось. Современный исследователь А. Агаджанян пришел к выводу, что, убивая, люди провоцируют новые демографические взрывы.

Количественные показатели рождаемости выражены количеством детей в семье. Так, по данным переписи населения в России 90% семей имеют 1 — 2 детей, остальные — трех и более. В большинстве экономически развитых стран в семье в среднем растут 1 — 2 ребенка. Второй количественный показатель — уровень рождаемости, который определяется числом

детей, рожденных женщиной за весь репродуктивный период, и характеризует демографическую ситуацию в стране. В России, например, в 1970 г. на женщину репродуктивного возраста приходилось 2 ребенка, в 1995 г. — 1,4, а в 2002 г. — 1,24 ребенка. В Европе ситуация немного лучше: на одну женщину сегодня приходится 1,4 ребенка, в США — 1,8.

В обществе рождаемость всегда *социально* обусловлена, так как регулируется комплексом социальных, религиозных и иных норм, а также зависит от состояния в браке, наличия семьи, правил ухода за детьми и других поведенческих факторов. Сегодня в нашей стране основным методом регуляции рождаемости является аборт. Показатель числа абортов на 1000 россиянок детородного возраста — один из самых высоких в мире. В настоящее время на процесс рождаемости оказывает воздействие ряд факторов, которые провоцируют появление новых и обострение существующих проблем в воспроизводстве населения.

Одним из факторов, оказывающих существенное влияние на рождаемость, является потребность супругов в детях, которая формируется под влиянием господствующих в обществе социальных либо религиозных норм, а также традиций детности. Переход от многодетности к среднедетности, а затем и к малодетности является результатом усвоения новых репродуктивных норм, унаследованных от предыдущих поколений и подкорректированных в новой реальности. Тип норм детности всегда влиял на количество детей в семье. Так, в доиндустриальном обществе господствовала норма многодетности, что было обусловлено потребностями семьи в рабочих руках, высоким уровнем смертности и т.д. В индустриальном обществе массовой стала норма среднедетности, так как на смену сельской семье пришла семья городская, сократилась потребность в дополнительных рабочих руках, утратила свою актуальность проблема содержания детьми своих престарелых родителей. В постиндустриальном обществе прочно утвердилась новая социальная норма малодетности. Если в большинстве экономически развитых стран переход к малодетности происходил в течение примерно двухсот

лет, то в России он завершился в срок менее ста лет. Как показала перепись 2002 г., сегодня в России 90% семей имеют одного — двоих детей, а по оценке А.Антонова семья с одним ребенком — это не семья, семья с двумя детьми — это семья «пограничная», «маргинальная» [8]. 9% семей имеют трех-четырёх детей, и лишь 1% семей имеют пять и более детей. Эти цифры свидетельствуют о том, что современные российские супруги не испытывают потребности в большом количестве детей и имеют детей столько, сколько хотят. Вывод может быть только один: если число детей в семье соответствует потребностям супругов в детях, то никакое улучшение экономической ситуации не стимулирует рождения новых детей. Демографы подсчитали, что многодетных семей в России в 15 раз меньше, чем необходимо для простого воспроизводства населения, среднедетных — в пять раз меньше, а однодетных — в пять раз больше. По мнению А.Антонова, чтобы избежать серьезного демографического кризиса, трех-четырёх детей должны иметь 50% российских семей [8].

Характеризуя новую норму детности, следует отметить, что в настоящее время в России быстрыми темпами снижается потребность у супругов в первенце, чего не наблюдалось еще 10 лет назад. Сейчас молодая семья придерживается главного условия: оба супруга должны получать от совместной жизни удовольствие. Когда это условие перестает выполняться, отношения дают трещину. Появился феномен откладывания рождения ребенка на более поздний срок, пока не будут достигнуты более важные для молодой семьи цели. Потребность в бездетности встречается крайне редко, но к концу репродуктивного периода в России по разным причинам образуется 5-6% бездетных семей.

Рождаемость во многом зависит от воздействия такого фактора, как уровень благосостояния. Еще с античных времен было замечено, что в семьях богатых людей детей меньше, чем в семьях бедняков. И если в XVIII в. А.Смит подчеркивал, что «бедность благоприятствует размножению», то сегодня в развитых странах соотношение «ниже благосостояние — выше

рождаемость» нарушается. Классическим примером действия данной тенденции можно считать снижение рождаемости в США в период «великой депрессии». Это феномен наблюдается и сегодня в развитых в экономическом отношении странах. Наличие обратной связи между условиями жизни и рождаемостью подтверждается и результатами проведенных в СССР исследований дифференциальной рождаемости (1934 г), обследования семей рабочих и служащих, ведущих регулярные бюджетные записи, результатами почтового опроса 1969 г. др. И в настоящее время российские демографы прослеживают четкую обратную связь между материальными благами и желанием заводить детей. Действие данной тенденции можно объяснить тем, что в современном обществе повышение благосостояния семьи всегда сопровождается расширением круга внесемейных интересов, увеличением расходов на содержание и воспитание детей.

Фактором, оказывающим влияние на рождаемость, стала урбанизация. В результате индустриализации, требующей большого количества дешевых рабочих рук, источником которых была деревня, быстрыми темпами стало расти городское население. Так, в России в конце 1930-х гг. доля горожан составляла треть населения страны, к 1950-м гг. — уже половина россиян стали горожанами, а к началу 1990-х гг. — уже почти три четверти населения. Бурный рост городского населения сопровождался изменением образа жизни людей, разрывом соседских связей, отчужденностью людей, что в первую очередь нашло отражение в снижении рождаемости в городских семьях. Городское население России сегодня составляет 73% всего населения страны.

Рождаемость во многом зависит от численности женщин — потенциальных матерей, т.е. женщин репродуктивного возраста. Отмечено, что женщины в возрасте 19 — 28 лет, составляя треть всех женщин репродуктивного возраста, обеспечивают более 70% всех рождений детей. В последние два десятилетия численность этой возрастной группы в России значительно сократилась в результате последствий так называемого «эха войны» и снижения рождаемости

в 1960-е гг. XX в. Сегодня данная группа составляет примерно 25 — 30% общей численности женщин репродуктивного возраста. Данные статистики свидетельствуют о том, что к 29 годам однодетными мамами стали только 28,8% девушек. Двоих детей рискнули завести всего 7,2% молодых женщин и чуть больше 1% рожают троих и больше детей; решили отложить до лучших времен рождение ребенка 63% молодых женщин [3].

Наряду с откладыванием рождения ребенка наблюдается и повышение среднего возраста матери при рождении первенца. За последние 20 лет в западно — европейских странах средний возраст первородящей женщины увеличился на 3 — 5 лет и достиг в Нидерландах 29 лет, в Германии, Франции, Швеции, Испании и Японии — 28 лет, в Греции, Португалии — 26 лет. В России он приближается к 29 — 30 годам, и это при среднем возрасте россиянки, равном 40 годам. Пациентки родильных домов постепенно становятся старше, хотя еще шесть лет назад чаще россиянки рожали в возрасте 19-25 лет. По мнению западных исследователей, именно этот фактор является ведущим при анализе необычайно низкого уровня рождаемости.

Состояние в браке является фактором, влияющим на уровень рождаемости. Большая часть детей рождается в браке, в полных семьях. В России законодательством признается только брак, зарегистрированный в органах загса. В нашей стране большинство браков регистрируется, но и наблюдается процесс нарастания числа браков фактических. За последние 15 лет значительно сократилось (с 8 до 1,5 тыс.) число браков, в которые вступают несовершеннолетние, хотя поправки, разрешающие брак с 14 лет, приняты в 22 субъектах Российской Федерации. По российскому законодательству сожителем супругами не являются. Статистика утверждает, что на пять официальных браков приходится два гражданских [2]. Женщина, живущая в браке-сожительстве, посвящает себя любимому мужчине и чаще всего ребенка не рождает, а если и решится родить, то только одного. Текущая статистика фактические браки браками не признает, и соответственно дети,

появившиеся в таком браке, считаются внебрачными. В 1960 г. родившиеся вне брака дети составляли 13,1% числа всех родившихся младенцев, к 1975 г. их доля сократилась до 10,7%, а с конца 1980-х гг. был отмечен бурный рост внебрачных рождений. К началу 2000 г. число детей, родившихся вне брака, увеличилось в два раза по сравнению с 1975 г. Внебрачные дети на свет появились у 26,9% мам в возрасте 19-25 лет и 21,2% у мам 25-29 лет.

Многолетние наблюдения социологов и демографов показали, что чаще всего внебрачные дети появляются либо у девочек — тинейджеров, либо у женщин в возрасте за 30 лет. Первые — это подростки и вчерашние школьницы, которым не исполнилось и 20 лет. Рождение ребенка обычно является результатом случайных связей, и все чаще они оказываются матерями-одиночками. Вторые — это женщины, оставшиеся неостребованными на брачном рынке, сознательно решившиеся родить ребенка, чтобы создать семью, пусть и неполную. Отмирание института брака приводит к изменениям на уровне семьи. Профессор А. И. Антонов отмечает, что в мире наметились тенденции к усилению бессемейной организации жизни, к одиночно-холостяцкому существованию. И, как следствие этого, уменьшается число детей в семьях, что, в свою очередь, влечет за собой резкое изменение всего строя жизни, системы ценностей, ослабление отцовства и материнства, сплоченности родителей и детей, исчезновение ролей брата и сестры, дезорганизацию систем родства.

В настоящее время можно наблюдать новый социальный феномен снижения ценности детей. Сегодня в обществе складывается неоднозначное отношение к детям. Для одних людей ребенок — это смысл жизни, радость, счастье, для других — наказание, обуза. Но, отказываясь от рождения детей, первые мотивируют это тем, что тревожатся за их будущее, ссылаются на то, что не смогут сочетать функции родителей с занятостью на работе и т.п. Вторые — абсолютизируют супружеские интересы, могут согласиться с тем, что дети — «цветы жизни», но подчеркивают, что пусть они растут в чужом саду. Сегодня молодая семья чаще всего

признает одно главное условие: оба супруга должны получать от совместной жизни удовольствие. Когда это условие перестает выполняться, отношения дают трещину. Многие молодые мамы стараются быстрее выйти на работу, отдают своих малышек на воспитание бабушке или няне, профессиональная карьера для них важнее, чем материнский долг. Снижение престижа многодетной семьи в глазах окружающих привело к тому, что сегодня более престижно семье иметь собственный коттедж, импортный автомобиль, собаку с хорошей родословной, а не три — пять детей.

Важнейшим фактором, влияющим на рождаемость, специалисты признают репродуктивное поведение, определяемое как совокупность психофизической деятельности человека, связанной с деторождением. Основными внешними индикаторами репродуктивных установок служат три основных показателя: среднее идеальное, желаемое и ожидаемое число детей в семье. Среднее идеальное число детей характеризует представление человека о наилучшем числе детей в семье, среднее желаемое число детей выступает показателем индивидуальной потребности в детях. Результаты репродуктивного поведения зависят от установки и мотивов рождения детей. Установки детности формируются, как правило, в детстве и касаются числа детей в семье. Но установки характеризуются и тем, что к моменту заключения брака они способны измениться, например, на установки применения контрацепции и искусственного прерывания беременности. Репродуктивные мотивы характеризуют качественную сторону потребности в детях, а по содержанию предполагают достижение определенных личных целей родителей через рождение определенного числа детей. Дети при этом оказываются средством достижения этих целей. Для современной российской реальности характерен очень низкий уровень репродуктивных установок молодежи: 10,5% девушек учащихся ПТУ и 6,5% школьниц не хотят иметь детей. В 1990 г. число таких лиц не превышало 1%.

Изменение положения и статуса женщины в обществе и в семье стало существенным фактором, влияющим на рождаемость. Современ-

ная россиянка не желает быть только женой и матерью. Она сегодня мало нуждается в мужчине — добытчике и кормильце, не торопится замуж и не желает заводить детей в первый год замужества. Она получила достойное образование, стремится найти применение собственным знаниям. Доктор кафедры социологии Лондонской школы экономики Е.Хаким, анализируя результаты исследования, отмечает, что в России 89% опрошенных россиянок работают, 72% зарабатывают больше своих мужей [1]. Многие исследования, проведенные в стране, показывают, что более образованные женщины в среднем рожают меньше детей, чем менее образованные. У них в иерархии личных ценностей стоят не семья и дети, а хорошая высокооплачиваемая работа, здоровье и карьера. Как отмечает И.В.Бестужев-Лада, около 15% российских женщин в сфере труда ни в чем не уступают мужчинам и даже превосходят их, примерно 60% из них пытаются сочетать работу с воспитанием детей, с семейными заботами, и только четверть россиянок готовы иметь от 3 до 6 детей и посвятить себя семье.

По мнению социологов, в настоящее время в России переживают очередной кризис взаимоотношения между полами. По наблюдениям А.Полеева, во всех больших городах наблюдается десексуализация, т.е. менее жесткое половое разделение. Во-первых, нужно отметить, что постепенно у юношей теряется «самость», половая идентификация. Объясняется это тем, что мужчину с детства воспитывают женщины: мама, которая старается быть сыну и папой, няня, учительница, преподаватель, а потом и жена. Во-вторых, в сознании такого юноши утверждается мысль, что он главный, он должен доминировать в отношениях с женщиной. Но когда рядом с ним оказывается сильная, успешная женщина, он уходит в тень, предпочитая быть холостяком. В-третьих, сегодня многие мужчины ищут только денег и удовольствий, которые можно купить на эти деньги, и их вполне устраивает такая жизнь [10].

Рождаемость в современном обществе осложняется ухудшением репродуктивного здоровья женщины. Прежде всего, речь идет об анемии у беременных женщин, по некоторым

данным ею страдают почти 100% будущих мам. Широкое распространение получила гинекологическая заболеваемость, за последние пять лет частота гинекологических заболеваний увеличилась в три раза. Около 20% молодых россиянок имеют заболевания этого вида. Около 15% супружеских пар не имеют детей из-за бесплодия, в структуре бесплодного брака 50 — 60% — это женское бесплодие. Ухудшающееся репродуктивное здоровье женщины приводит к сокращению доли нормальных родов: в 1997 г. они составили 32% от всех родов (в 1992 г. было 45%), в ряде регионов страны — даже менее 25%. Наблюдения медиков показывают, что массовое распространение поздних родов приводит к многочисленным негативным последствиям. Так, при родах старше в возрасте 40 лет увеличивается вероятность заболевания женщины онкологией, диабет у старородящих встречается в два раза чаще, чем у молодых, опасность повышенного давления, отеков и т.п. явлений у них встречается в три раза чаще, чем у 30-летних матерей [9]. Проблемы с репродуктивным здоровьем женщины зачастую являются результатом абортов, сделанных в юном возрасте. Количество абортов у россиянок в возрасте 15-19 лет составляет около 70 на 1000 подростков. Эти показатели — одни из самых высоких в мире.

Материнская смертность в абсолютных цифрах особо не изменилась, но уровень ее значительно выше, чем в развитых странах. Так, если в 1980 г. уровень материнской смертности в России был в пять раз выше уровня материнской смертности в странах Европейского союза, то в середине 90-х гг. XX в. — в девять раз, а сегодня этот разрыв вырос до десяти раз.

Сегодня проявляется ситуация с репродуктивным здоровьем юношей, которое сравнительно недавно стало особым предметом внимания со стороны медиков. Около 60% всех заболеваний у юношей в возрасте 14 — 17 лет грозят в будущем бесплодием. Это возраст, когда молодые люди особенно подвержены инфекциям, передаваемым половым путем. Наблюдаемая в обществе ранняя сексуальная активность подростков превратилась в актуальную проблему, требующую принятия экстрен-

ных мер. Многие авторы, занимающиеся изучением данной проблемы, приводят шокирующие общественность цифры: около половины российских школьников в возрасте 16-17 лет живут половой жизнью.

Демографическая политика в современном обществе стала действенным фактором, определяющим рождаемость. В нашей стране в настоящее время она сориентирована на семью с двумя детьми. Но если такая семья станет массовой, то, по мнению демографов, из группы населения в 1000 чел. через 30 лет останется 621, через 60 лет — 386, через 90 лет — 240, а через 300 лет — всего 8 чел. Россия приняла особую программу по повышению уровня рождаемости и решению проблемы депопуляции. В стране принят ряд мер, направленных на появление в семье второго ребенка, хотя демографы давно подчеркивают, что проблема рождаемости в России — это проблема рождения третьего ребенка.

Содержание, цели и задачи демографической политики в России определяются новой «Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», которая была принята в 2007 г. **Демографическая политика в России направлена на укрепление института семьи, поддержку многодетности, финансовую поддержку молодой семьи и включает комплекс мер по стимулированию рождаемости.**

Изучение рождаемости в нашей стране позволяет выделить ряд последствий ее снижения для общества, которые распространяются на самые разные сферы жизни общества.

Прежде всего, демографическая ситуация в стране отражается на экономической сфере. Снижение рождаемости приводит к дефициту трудовых ресурсов во всех сферах производства. В ближайшие 20 лет сокращение рабочей силы ожидается примерно в 25 странах. Россия возглавляет это список. Трудоспособное население в нашей стране к 2025 г. по прогнозам может сократиться на 10 млн чел. При этом резервы повышения уровня экономической активности в молодом и старшем возрастах фактически исчерпаны, о чем предупредил секретарь Совбеза РФ Н.Патрушев, выступая в Юж-

но-Сахалинске [5]. Пути решения проблемы: либо повышение пенсионного возраста, либо повышение налогов, либо привлечение мигрантов. Уже сегодня проблему трудовых ресурсов многие развитые страны решают за счет привлечения иностранной рабочей силы. Задачи модернизации требуют действенных мер по привлечению в нашу страну высококвалифицированной рабочей силы. Усиливается процесс закрепления определенных этносов за определенными видами трудовой деятельности, усиливается борьба между иммигрантами на рынке труда. Все это может привести к социальной напряженности.

Сокращение рождаемости сопровождается деформацией возрастной структуры населения, увеличением в населении доли лиц пожилого и преклонного возраста. Эта тенденция имеет место во всех развитых странах. Известно, что для обеспечения простого воспроизводства населения страны возрастная структура в идеальном варианте должна включать 50% трудоспособного населения, 27% детей и 23% лиц пенсионного возраста. По результатам переписи 2002 г. в России доля трудоспособного населения составляет 61%, доля лиц ниже трудоспособного возраста равна 18%, а доля пенсионеров — 21%. Пока состояние вполне удовлетворительное, но настораживают прогнозы демографов, согласно которым примерно через 15-20 лет доля пенсионеров может достичь 50%. Численность выпускников школ постоянно снижается, поступление в вузы для абитуриентов становится более легким, но сами вузы столкнулись с проблемой снижения качества студентов. Старение населения приводит к понижению экономической активности населения и снижению темпов роста эффективности экономики. Оно также предполагает увеличение демографической нагрузки на работающее население. Изменения в возрастной структуре населения сопровождаются диспропорцией половой структуры населения, которая проявляется в преобладании в ряде стран женского населения над мужским, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на семейной структуре населения. Особенно остро эта проблема характерна для современной России. По данным Всерос-

сийской переписи населения 2002 г. численность женщин превысила численность мужчин на 10 млн. Преобладание численности женщин над численностью мужчин отмечается с 33-летнего возраста. Возникает ситуация мужской сверхбрачности, увеличения числа незамужних женщин. Среди последних наблюдается относительное сокращение числа женщин, способных иметь детей. И как следствие — новое сокращение рождаемости. Диспропорция половой структуры населения обостряется и непродуманным территориальным размещением предприятий, на которых работают преимущественно либо женщины, либо мужчины. В результате — возросшая текучесть кадров, сокращение числа браков, увеличение числа разводов и падение рождаемости. Проблема обостряется и тем, что в России наблюдается постоянный дефицит призывников, их недостаточная физическая подготовка, слабое здоровье, что негативно сказывается на обороноспособности страны в новых геополитических условиях.

Снижение рождаемости в России чревато нарастанием негативных явлений морального и этического содержания. Увеличение доли одноподдетных семей в населении приводит к тому, что в стране нормой поведения становится эгоизм. Единственный ребенок сложнее вступает в контакт, он не может усвоить все семейные роли, привыкает к любви и обожанию окружающих его родных и близких. Став взрослым, он ждет этого же от окружающих. У такого ребенка слабо развито чувство ответственности, он не привык и не умеет отвечать за младших. В итоге ему трудно создать свою семью, он боится взять ответственность за семью, за детей на себя. Но в то же время единственные дети интеллектуально более развиты, более высокообразованны. Этические последствия проявляются в снижении понимания детей как важнейшей ценности в системе жизненных ценностей. Если в патриархальной семье ребенок рассматривался как будущий работник, как человек, который в будущем будет заботиться о престарелых родителях, содержать их, то сегодня ребенок все чаще рассматривается как игрушка, которую надо покормить, хорошо одеть, многому

научить, чтобы потом ее можно было продемонстрировать окружающим. Именно в одноподдетной семье чаще всего формируется потребительское отношение к жизни.

Социально — гигиенические последствия снижения рождаемости проявляются, прежде всего, в увеличении возраста вступления женщины в брак. Первый ребенок появляется у нее в более позднем возрасте, т.е. в 30-летнем и старше. Дети рождаются более слабыми, часто имеют врожденные пороки, осложнения во время родов у так называемых старородящих встречаются чаще, чем у 20-летних мам. Этот первый у 30-летней матери ребенок часто становится и последним, и на смену репродуктивному поведению приходит контрацептивное поведение, либо активно применяется искусственное прерывание беременности. Аборты, в свою очередь, приводят к росту гинекологических заболеваний и бесплодию.

Обращают внимание на снижение рождаемости и антропологи, которые прямо заявили о негативных генетических последствиях данного демографического процесса. По мнению некоторых антропологов, в человеческой популяции накапливаются перворожденные дети, которые менее жизнестойкие, чем вторые и третьи дети. Преобладание в населении первых детей ведет к накоплению в популяции отрицательных генетических последствий, увеличению числа лиц с наследственными болезнями, которые чаще всего поражают первых детей.

Можно выделить и этнические последствия снижения рождаемости, которые касаются, прежде всего, определенного этноса и актуальны во многих развитых странах. По данным ООН сегодня в мире уже более чем в 60 странах уровень рождаемости не обеспечивает простого воспроизводства населения, причем рождаемость во многих из них реализуется за счет мигрантов. Рождаемость среди иммигрантов на много выше рождаемости среди коренного населения. В итоге, по прогнозам демографов, к 2050 г. белые в Европе могут стать национальным меньшинством. Как подчеркивает О.Л.Лебедь: «Без создания условий для ассимиляции приток иностранцев чреват нарастанием межэтнической напряженности и кон-

фликтов» [6, с.139]. Статистика же утверждает, что еще 50 лет назад 22% землян относились к белой расе, сегодня только — 12%, а еще через 50 лет будет лишь 6,5%.

Так, наблюдения многих российских исследователей показали, что в отличие от русских у некоторых народов России, в частности у народов Северного Кавказа, интересы семьи всегда преобладали над интересами государства, жены горцев рожали и рожают детей больше и охотнее, чем русские женщины. Так, например, за последние пять лет рождаемость в Чечне выросла на 10%. В «довоенной» Чечне на каждую чеченку приходилось 6,7 ребенка, сегодня — уже 7,5, хотя в республике существует диспропорция в половой структуре населения: на одного мужчину приходится более десяти женщин. Ситуация обостряется и тем, что все большее число россиянок предпочитают заключать брак с иностранцами. По данным Института общей генетики РАН, 58% всех брачных союзов в Москве — это союзы, созданные с участием мигрантов. 14% столичных невест находят мужа за границей. По данным столичных загсов в прошлом году москвички заключили брак с гражданами 108 государств — от США до Бурунди, от Германии до Либерии. Самые популярные женихи-иностранцы в России — турки и украинцы, совсем немного им уступают армяне, азербайджанцы, молдаване. Проблема данных браков состоит в том, что дети, как правило, наследуют этническую принадлежность отца, а, проживая в другой стране,

они отдаляются от российской культуры, забывают обычаи и традиции, главное, родным для них становится не русский язык.

Таким образом, рождаемость в современном обществе имеет тенденцию к снижению. Снижение рождаемости вызывается действием как объективных, так и субъективных факторов и влечет за собой последствия, которые негативно сказываются на функционировании общества и самого человека.

Список литературы

1. Главные цели в жизни — выйти замуж и не работать// Комс.правда. 2011. 5 марта.
2. Гражданским бракам предпочитают официальные// Комс. правда. 2010. 18 марта.
3. Детей любят, а воспитывать их сами не хотят//Комс.правда. 2011.18 марта.
4. Женское бесплодие — путь страны к демографической катастрофе// Комс.правда. 2010. 28 апр.
5. К 2025 году трудовое население России уменьшится на 10 миллионов//Комс.правда. 2011.14 сент.
6. *Лебедь О.Л.* Социальные последствия депопуляции в России // Демографические исследования: сборник / отв.редактор А.И.Антонов. М.: КДУ, 2009.
7. Медков В.М. Рождаемость: есть ли повод для эйфории? // Демографические исследования: сборник / отв.ред. А.И.Антонов. М.: КДУ, 2009.
8. Миллионы людей в России не хотят иметь детей// Комс.правда. 2010. 26 окт.
9. Позже родишь — молодость продлишь? //Комс.правда. 2009. 20 мая.
10. Почему в столице ни замуж выйти, ни жениться//Комс.правда. 2010. 28 янв.- 4 февр.

FERTILITY IN CONTEMPORARY RUSSIA: FEATURES AND CONSEQUENCES

Lyudmila A. Hachatryan

Perm State National Research University, 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The birth rate is the most important demographic process that, along with mortality, determines reproduction of the population. Sociologists and demographers have long noticed the fact that, being essentially biological process, the birth rate in the society has a social content and is regulated by a complex of social norms. Nowadays Russia and economically developed countries are experiencing falling birth rates under the influence of many factors, leading to the consequences important to the life of society.

Key words: fertility; depopulation; qualitative and quantitative characteristics of fertility; factors and social consequences of fertility decline.

УДК 331.54 (470.53)

СТРУКТУРА СПРОСА НА ПРОФЕССИИ (НА ОСНОВЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ОБЪЯВЛЕНИЙ О РАБОТЕ В Г. ПЕРМИ)

А.Г. Антипов, В.С. Волегов

На основе материалов контент-анализа региональных печатных средств массовой информации исследуется спрос на профессии. Спрос рассматривается как составная часть социально-профессиональной структуры населения г. Перми. Выделяются наиболее востребованные группы занятости.

Ключевые слова: профессии; социально-профессиональная структура; спрос на профессии; группы занятости.

Анализ социальной структуры общества - один из важнейших элементов познания современного общества, его проблем и противоречий позволяет наметить пути их разрешения. Исходя из общепризнанной для отечественной социологии традиции, социальную структуру можно определить как «совокупность взаимосвязанных социальных групп и социальных отношений между ними, присущих той или иной общественной системе, обеспечивающих целостность и качественную определённость её организации» [1, с. 505]. При этом социальная структура общества включает в себя структуры, взаимосвязанные и переплетённые между собой.

Данная статья посвящена изучению социально-профессиональной структуры населения г. Перми, точнее, такому её элементу, как структура спроса на определённые профессии. Актуальность изучения социально-профессиональной структуры общества, как одной из многочисленных подструктур, связана, прежде всего, с тем, что профессиональный статус человека, требующий определённого образовательного уровня и во многом определяющий положение человека в обществе, имеет важное значение при изучении социальной структуры и стратификации современного общества. Кроме того, потребность общества в

носителях определённых профессий, наблюдаемая через спрос на эти профессии, может свидетельствовать о той стадии, на которой находится исследуемое общество в данный момент, какие проблемы перед ним стоят. Так, одним из признаков постиндустриального общества, например, выступает доминирование в структуре занятости профессионального и технического классов [2, с. 18].

Понимание важности изучения профессиональной структуры существует в рамках социологии длительный период времени. Социально-профессиональный компонент в модели социально-экономической структуры общества выделял А.И. Стронин. Другой, более полной моделью социальной стратификации, имеющей в качестве ключевого элемента профессиональный статус, является концепция социальной стратификации П.А. Сорокина. Феномен профессиональной структуры анализируется в трудах основателя структурного функционализма Т. Парсонса, в концепции «функциональной необходимости» К. Дэвида и У. Мура. Важность изучения профессий с точки зрения социального расслоения общества представлена и в отечественной социологии в рамках стратификационного подхода [3, с. 36].

Антипов Анатолий Григорьевич — доктор социологических наук, зав. кафедрой социологии и политологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; agantip@psu.ru.

Волегов Владимир Сергеевич — студент философско-социологического факультета специальности «Социология» Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; wsvolegov@mail.ru

Источниковая база проведённого нами исследования представлена тремя группами материалов:

- 1) научная литература и первоисточники;
- 2) официальные данные органов государственной статистики по Пермскому краю и Агентства по занятости населения края, посвящённые статистике рынка труда и занятости, наиболее востребованным и наиболее популярным профессиям;
- 3) периодические издания края, посвященные поиску работы, как один из основных источников информации о наиболее востребованных профессиях.

Для анализа спроса на работу и соответствующих профессий нами была выбрана еженедельная газета Ва-Банк, как наиболее отвечающая таким критериям, как массовость (еженедельный тираж газеты — 268 000 экз.), величина читательской аудитории (аудитория одного выпуска издания включает 198 400 чел.). По данным исследования, газета Ва-Банк по указанным критериям занимает первое место среди печатных СМИ г. Перми [4]. За 2010 г. было издано 50 номеров газеты. В исследовании нами была применена механическая выборка. При шаге выборки $K=3$ в выборочную совокупность вошло 16 единиц анализа, что составляет 32% генеральной совокупности.

В качестве метода исследования применялся формализованный анализ документов — контент-анализ. Как отмечается в научной литературе, данный метод наиболее плодотворно используется в анализе «статических закономерностей частотного распределения смысловых единиц в тексте. В свою очередь, закономерности частотного распределения смысловых единиц в тексте нередко позволяют понять закономерности именно смыслового определения объекта» [5, с. 26-27]. Связь между целями исследования и его результатами осуществляется посредством категорий, которыми в данном исследовании выступают группы профессий, для определения которых необходимо выбрать классификатор профессий. В инструментарии исследования — карточке кодировщика отдельные профессии, упоминаемые в объяв-

лениях, выступают в качестве смысловых единиц, частота их упоминания и общее количество объявлений в разделе «Работа» конкретного номера — единиц счёта.

В настоящее время количество профессий, выделяемых различными источниками, доходит до 7500 [6], что свидетельствует о необходимости использования классификации профессий для упрощения работы с ними. Известно, что существует несколько различных классификаций профессий, формируемых по различным основаниям и с различной степенью детализации.

Первый тип профессиональных классификаций выделяется на основе уровня квалификации. Данный тип, как правило, представлен классификаторами, создававшимися службами статистики в отдельных странах, что неизбежно приводило к их разнородности. Необходимость интеграции и унификации стала причиной возникновения Международной стандартной классификации профессий ISCO-88 (International Standard Classification of Occupations) [7, с. 33]. Нынешний его вариант (ISCO-08) состоит, как и предыдущий, из 4 уровней группировки: раздел, подраздел, класс, подкласс. Отдельные профессии сгруппированы в подклассы — самый нижний уровень иерархии, а на каждом последующем уровне они классифицируются во всё более обобщающие категории.

Российские органы государственной статистики осуществляют классификацию профессий и занятий на основе Общероссийского классификатора занятий ОК 010-94 (ОКЗ) [8]. Он представляет собой систематизированный перечень видов трудовой деятельности, позволяющий достигнуть единообразие их наименований и обеспечить возможность проведения статистических сравнений, учета и анализа в интересах осуществления рациональной политики занятости. Классификатор так же имеет четырёхуровневую структуру.

Объектами классификации являются однородные, с точки зрения содержания работ, укрупненные группировки профессий рабочих и должностей служащих.

Структурно классификатор состоит из девяти укрупненных групп, подразделяющихся на подгруппы, составные группы и базовые группы. В классификаторе приняты следующие укрупненные группы:

- 1) руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий;
- 2) специалисты высшего уровня квалификации;
- 3) специалисты среднего уровня квалификации;
- 4) служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием;
- 5) работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности;
- 6) квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства;
- 7) квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр;
- 8) операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин и слесари-сборщики;
- 9) неквалифицированные рабочие [9].

Второй тип классификаторов представляет собой схемы экономического и социального класса. Наиболее известными среди них являются классовые схемы Дж. Голдтропа, Т. Заславской, О. Шкаратана [7].

Схема Голдтропа — Эриксона — Портокаро в качестве ключевого критерия группировки использует профессиональную принадлежность индивидов, их схожесть по роду занятий (occupations) как основание для построения социальной группы (класса). При этом выделяются три основные классовые позиции: работников, нанимателей и самозанятых. Затем проводится разделение работников по характеру занятости, по типу заключенных ими контрактов. Таким образом, классы различаются по специфическим для каждого из них ограни-

чениям и возможностям, в число которых входят те, которые оказывают влияние на индивидуальную экономическую безопасность, стабильность и перспективы [10, с. 30-31].

Третий тип классификаторов связан со шкалами профессионального престижа, построенным на основе субъективного ранжирования основных занятий [7].

В нашем исследовании, в связи с необходимостью сопоставления результатов с данными официальной статистики, использовался отечественный стандарт классификации профессий, адаптированный под условия проведения исследования. Так, дополнительной категорией (она представлена под номером 0) в карточке кодировщика выступала позиция «Представители профессий, отсутствующих в классификаторе», отражающая спрос на профессии, которые не учитываются официальной статистикой.

Полевой этап исследования проходил в ноябре-декабре 2010 г.

Как показало исследование, количество объявлений в номере не является стабильным: отличается период увеличения спроса (приходится на середину мая) и спада, происходящий в начале октября. На рис. 1 приведено количество объявлений (ось ординат) о приеме на работу, проанализированных в каждом номере.

Говоря о наполняемости карточки кодировщика, следует отметить, что в общероссийском классификаторе занятий, который лёг в основу карточки, отсутствует ряд родов деятельности, встречающихся в эмпирическом материале. Речь идёт об объявлениях, в которых вместо конкретной профессии указывались половозрастные характеристики кандидата. К ним относятся: «девушки», «красивые (реже — «очаровательные») девушки», «женщины», реже — «юноши». Зачастую в заявках подобного типа присутствуют дополнения, уточняющие характер деятельности: «досуг», «апартаменты» и указание на почасовую оплату труда. Данные объявления и были вынесены в дополнительную группу профессий, отсутствующих в классификаторах. Их доля варьируется в номерах газеты от 3,5 до 8%.

Рис. 1. Количество объявлений в номере

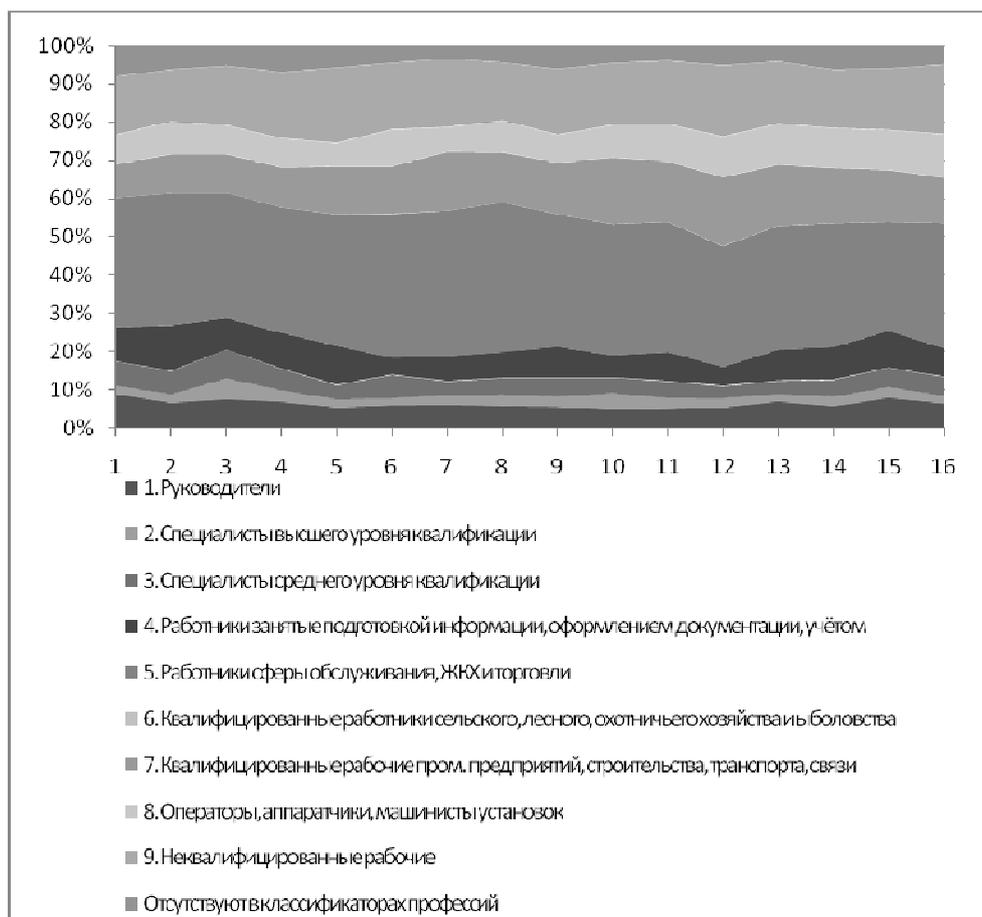

Рис. 2. Распределение объявлений по группам занятости

На рис. 2 представлены результаты контент-анализа материалов газеты Ва-Банк, посвящённых спросу на рабочую силу. По оси

абсцисс отложены порядковые номера газеты, по оси ординат — доля группы профессий (в %) в разделе объявлений о найме на работу.

В данном рисунке практически отсутствует шестая классификационная группа, объединяющая квалифицированных работников сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыболовства и рыболовства. При контент-анализе данная категория использовалась лишь один раз, в 17-м номере газеты.

Из рисунка видно, что наиболее востребованными оказались профессии пятой группы: работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности (группа включает около трети всех объявлений).

В данную классификационную группу входят профессии, связанные с торговлей (продавец, коммивояжёр, торговый и медицинский представители, промоутер), сферой общественного питания (повар, бармен, официант), и работники косметических и парикмахерских салонов (парикмахер, массажист, косметолог, маникюр, мастера тату и пирсинга). Кроме того, в неё входят группы занятости, связанные с охранными услугами. Как известно, в нашей стране насчитывается более 26 тысяч охранных агентств с численностью работников около 700 тысяч. В этом плане Пермский край не является исключением.

Второй по величине группой занятости в нашем исследовании является категория, объединяющая представителей неквалифицированного труда (в среднем к ней относится порядка 16,5% объявлений). Неквалифицированные рабочие выполняют простые механические работы, в основном связанные с использованием ручных инструментов и затратами определенных физических усилий. Для большей части профессий этой классификационной группы характерен низкий уровень квалификации, соответствующий, как правило, наличию основного общего или среднего (полного) общего образования и индивидуального обучения на рабочем месте [9].

Учитывая, что в группах занятий, не входящих в классификатор профессий, главным и зачастую единственным требованием работодателя выступает половозрастной критерий, можно прийти к выводу о их близости по уровню

квалификации к категории неквалифицированных рабочих. Вместе эти две группы составляют в среднем 22%.

Обратная картина наблюдается в отношении специалистов высшего и среднего уровня. Наблюдается низкий спрос на представителей группы профессий, связанных с высоким уровнем квалификации (примерно 3%), включающей занятия (профессии), отличающиеся «высокой степенью сложности выполняемых работ и требующие уровня квалификации, соответствующего высшему профессиональному образованию, а также более высоких уровней» [9]. К ним относятся специалисты в области образования, естественных, технических и гуманитарных наук, деятели литературы и искусства. Почти в два раза больше объявлений посвящено найму на работу специалистов со средним уровнем квалификации. Необходимо отметить, что среди занятых доля данных работников в Пермском крае за 2008 г. составляет 15,7 и 17% соответственно [11, с. 149] (спрос на данные профессиональные группы, по данным Агентства по занятости населения Пермского края, составил примерно по 8%). Данные классификационные группы особенно важны ввиду того, что включают в себя высокопрофессиональный и технический классы, играющие, согласно теоретической концепции Д. Белла, ключевую роль в развитии постиндустриального общества [2], к которому стремится наша страна.

Стабильно невысокий спрос существует и на работников первой классификационной группы, объединяющей представителей руководящих должностей. В неё вошли такие группы занятости, как «менеджер» и «помощник руководителя». Их доля среди искомым профессий составляет чуть меньше 6%.

Сравнивая результаты исследования с данными Агентства занятости населения Пермского края о структуре спроса на рынке труда (см. рис. 3), можно выделить ряд особенностей. Так, спрос на высококвалифицированных специалистов и специалистов со средним уровнем квалификации по официальным данным был выше более чем в два раза выявленного в ходе исследования. Кроме того, расходятся и максимальные

значения в объемах спроса на классификационные группы: если по данным контент-анализа наиболее востребованной категорией являются работники сферы обслуживания, то по данным Агентства по занятости населения Пермского края наиболее востребованными являются работники крупных и мелких промышленных предприятий. На рис. 3 отражено наличие объявлений, связанных со спросом на профессии, не учитывающиеся в данных статистики.

Выявленные различия могут указывать как на различия между структурой спроса в крае в целом и в г. Перми, так и на отличия организа-

ций, предлагающих вакансии. В связи с этим можно рассматривать проблему структуры спроса на рабочую силу более дифференцированно.

Но помимо различий можно обнаружить и несколько совпадений. Так, примерно на одном уровне находится спрос на категории руководителей и неквалифицированных рабочих, кроме того, спрос на квалифицированных работников сельского хозяйства, рыбоводства и рыболовства по данным статистики не превышает одного процента.

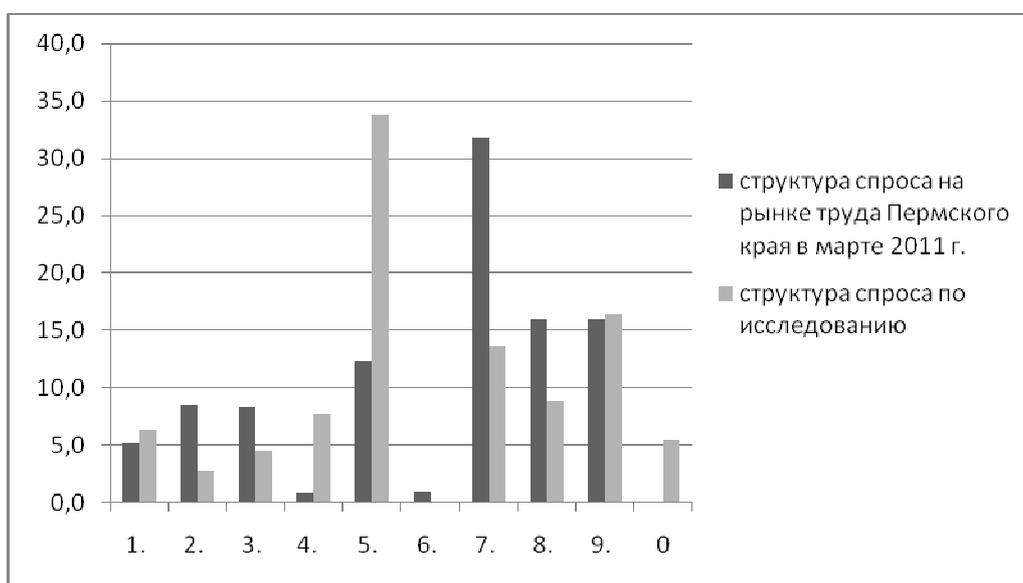

Рис. 3. Сравнение результатов исследования с официальными данными о структуре спроса, %

Наблюдается низкий спрос на представителей творческих профессий, таких как архитектор, аниматор, аромастилист, Ди-джей (организатор праздников), дизайнер, мастер по пирсингу и тату. В каждом номере газеты подобных объявлений имеется не более 7, что составляет примерно 0,12% всех объявлений, помещённых в газете.

Ранжированный ряд из десяти профессий, наиболее часто упоминаемых в объявлениях, и среднее число подобных объявлений выглядит следующим образом:

- 1) охранник — 52,1;
- 2) продавец — 47,2;
- 3) водитель — 45,0;
- 4) «девушка» — 35,1;

- 5) повар — 32,2;
- 6) менеджер — 26,0;
- 7) администратор — 21,8;
- 8) парикмахер — 19,4;
- 9) строитель — 19,3;
- 10) уборщица — 18,8.

Но подобное выделение не является точным, поэтому для его корректировки был применён метод прямого ранжирования. В каждом номере, входящем в выборочную совокупность, названия профессий выстраивались в ряд, где первое место занимала профессия, которой было посвящено наибольшее число объявлений в номере. В результате пятёрка наиболее востребованных профессий была скорректирована следующим образом:

- 1) охранник (лидирует в 43,75% номеров);
- 2) водитель (занимает второе место примерно в трети выборочной совокупности);
- 3) продавец (замыкает тройку самых востребованных профессий в 37,5% номеров);
- 4) повар (половина номеров);
- 5) «девушка» (56,25% номеров).

По данным Агентства по занятости населения Пермского края, десятка самых востребованных профессиональных групп в крае (по состоянию на начало марта 2011 г.) такова:

- 1) строители монтажники и родственные профессии;
- 2) неквалифицированные рабочие, общие для всех отраслей экономики;
- 3) работники предприятий общественного питания;
- 4) водители мототранспортных средств;
- 5) рабочие-отделочники на строительных и ремонтно-строительных работах и родственные профессии;
- 6) механики по оборудованию, слесари-сборщики и слесари-ремонтники;
- 7) продавцы магазинов и демонстраторы товаров;
- 8) руководители специализированных подразделений (служб);
- 9) архитекторы, инженеры и специалисты творческих профессий;
- 10) машинисты сельскохозяйственного, землеройного, подъёмного и другого подвижного погрузочно-разгрузочного оборудования [12].

Что касается динамических показателей, то наибольший перепад значений в течение года наблюдается среди категорий работников сферы обслуживания, ЖКХ и торговли: разница между максимальным и минимальным значением доли подобных объявлений составляет 10,6%. Чуть незначительный «перепад» наблюдается у квалифицированных рабочих промышленных предприятий, строительства, транспорта и связи (9%).

Обобщая приведённые результаты исследования, сделаем следующие выводы.

Изучение средств массовой информации как источника данных о структуре спроса на

основные профессии в г. Перми показало следующие. Во-первых, исследование затронуло не только группы занятости, учитываемые официальной статистикой, но и отсутствующие в ней. Во-вторых, данные, полученные в ходе исследования, могут не совпадать с информацией, поступающей в службу занятости Пермского края, что даёт возможность получить более полную информацию о спросе на профессии и виды деятельности. Сравнение данных исследования на территории г. Перми со структурой занятости населения в Крае позволяет выявить ряд особенностей краевой столицы.

Самыми востребованными являются группа работников сферы обслуживания и торговли и группа занятости, связанная с охранной деятельностью. Среди множества факторов, объясняющих востребованность последней группы, следует выделить высокий уровень преступности в крае, занимающем первые места в стране по количеству зарегистрированных преступлений.

Второй по величине группой выступают неквалифицированные рабочие и работники, чья сфера деятельности отсутствует в классификаторах. Их представителей объединяет отсутствие какой-либо необходимой квалификации, занятие преимущественно физическим трудом.

Большая доля спроса на квалифицированных работников промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр, в совокупности с группой операторов, аппаратчиков, машинистов машин и установок, и группу неквалифицированных рабочих говорит о преимущественно индустриальной стадии развития, характерной для такой социально-территориальной общности, как население г. Перми.

Противоположные результаты наблюдаются в группе высококвалифицированных работников и работников со средним уровнем квалификации, доля которых в сумме составляет примерно 7,5%. Столь низкую их потребность необходимо учитывать, поскольку г. Пермь является крупным научным, промышленным и культурным центром Урала.

Структура спроса, выявленная нами, не может претендовать на полную объективность. Тем не менее она отражает имеющиеся проблемы, в частности крайне слабую ориентированность на модернизацию и инновационную экономику. Кроме того, по данным Т. Малеевой, директора Независимого института социальной политики, можно объективно судить о структуре занятости в нашей стране лишь на основе анализа крупных предприятий. Между тем на них трудится около половины (49%) россиян, а 18% населения работают неформально (поэтому в фокус внимания исследователей эти граждане не попадают) [13, с. 37]. Эти и другие данные свидетельствуют о необходимости использования различных методов, в том числе контент-анализа, при изучении структуры занятости населения и спроса на определённые виды деятельности.

Список литературы

1. *Староверов В.И.* Социальная структура // Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичёв. М.: Норма, 2008.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2004.
3. *Мансуров В. А., Юрченко О. В.* Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. №8.
4. Газеты Перми, принимающие частные объявления [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL.: http://www.doskapermi.ru/index_4.html (дата обращения 18.04.2011).
5. *Аверьянов Л.Я.* Контент-анализ: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2009.
6. Сколько существует профессий? [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL.: <http://profstandart.wordpress.com/2010/03/16/сколько-существует-профессий/> (дата обращения: 15.04.2011).
7. *Симончук Е.В.* Классификатор профессий ISCO-88: история разработки, концептуальные основания, модель операционализации, применение в социологических исследованиях // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008, №3.
8. Предисловие // Труд и занятость в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL.: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_36/IssWWW.exe/Stg/d1/01-00.htm (дата обращения 15.04.2011).
9. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов. Ок 016-94.
10. *Шкаратан О.И., Ястребов Г.А.* Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России // Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
11. Труд и занятость в Пермском крае: статистический сборник / Пермьстат. Пермь, 2009.
12. Спрос и предложение на профессиональных рынках труда Пермского края. Март 2011 // Служба занятости населения Пермского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL.: <http://szn.permkrai.ru/?o=600&e=0> (дата обращения 22.04.2011.).
13. *Антипов А.Г.* К вопросу о формировании цивилизованного рынка труда в «архаичном» обществе // Человек и труд. 2010. №5.

STRUCTURE OF DEMAND FOR PROFESSIONAL (BASED ON CONTENT ANALYSIS OF THE BOARD IN PERM)

Anatoly G. Antipov, Vladimir. S. Volegov

Perm State National Research University, 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The author analyzes the structure of demand in key professions in the city of Perm. The analysis is based on the stratification approach to studying the phenomenon of the profession. Using the results content analysis of the regional media.

Key words: occupation; socio-professional structure; demand for the profession.

УДК 311.21

АНАЛИЗ РЫНКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ С ЦЕЛЬЮ ВЫЯВЛЕНИЯ МОТИВАЦИИ АБИТУРИЕНТОВ 2011 Г.

И.Н. Ефимова

Представлены результаты анализа рынка образовательных услуг с целью выявления мотивации абитуриентов 2011 г. Выявлены причины, факторы и критерии, оказывающие решающее влияние на выбор молодых людей того или иного ВУЗа. Определены основные ценности для поступающих в ВУЗы на примере ННГУ им.Н.И. Лобачевского: высокое качество образования, большой выбор направлений подготовки, возможность обучения на современном оборудовании, инновационность, возможность трудоустройства и самое главное — известность и престиж ВУЗа.

Ключевые слова: ВУЗ; ННГУ им.Н.И. Лобачевского; социологический анализ; мотивация абитуриентов; бренд; реклама ВУЗа; бренд ВУЗа; выбор ВУЗа.

Образование является одной из сфер общественной жизни, от которой во многом зависят развитие и потенциал общества и страны в целом. Речь идет не только о человеческом капитале в экономическом понимании, но и научной деятельности, которые формируются благодаря передаче знаний, опыта, навыков и стремлению что-то новое познать, исследовать, открыть. Это особо ценно для страны, у которой есть прекрасное культурное наследие и выдающиеся умы. Период обучения в вузе и получение высшего образования является не только определенной вехой в жизни каждого человека, но и одним из основных этапов социализации личности, способствующих формированию ее мировоззрения. Мотивация получения высшего образования занимает одно из ведущих мест в структуре личности. Изучение мотивации профессионального выбора и системы ценностных ориентаций абитуриентов даёт возможность выявить изменения, происходящие в отношении перспектив получения высшего образования. Общее направление реформ экономической и социальной жизни в нашей стране существенно изменило ситуацию в области высшего образования, в системе жизненных ценностей, иерархии мотивов выбора профессии молодыми людьми.

Актуальность темы объясняется тем, что

вопрос мотивации, по существу, является вопросом о качестве получаемого образования, успешности социально-психологической адаптации молодых людей к условиям обучения в вузе, эффективности профессиональной подготовки будущего специалиста. От выбора выпускниками школ высшего учебного заведения зависит их будущее. Каждый абитуриент понимает, что образование является в настоящее время неотъемлемой составляющей всей его жизни. В настоящее время, однако, изменяются экономическая обстановка в стране, спрос со стороны работодателей, а наряду с этим и запросы абитуриентов. То, что было для них важно сегодня, завтра может оказаться уже совершенно незначимым фактом. Следовательно, все ВУЗы, участвующие в конкурентной борьбе друг с другом, должны четко отслеживать все тенденции, связанные с мотивацией абитуриентов при выборе ВУЗа, предлагать новые формы, методики обучения, современное оборудование, возможность трудоустройства и т. д., чтобы своевременно адаптироваться к изменениям в данной сфере.

Таким образом, анализ рынка образовательных услуг с целью выявления мотивации абитуриентов 2011 г. позволит выявить причины, факторы и критерии, которые оказывают решающее влияние на их выбор ВУЗа.

I. Постановка цели и определение задач исследования

1. Цель: выявление причин и факторов, влияющих на выбор абитуриентами вуза, определение источников получения абитуриентами необходимой информации, а также исследование влияния бренда ВУЗа при поступлении.

2. Задачи:

- определить процент выпускников, планирующих получать высшее профессиональное образование;
- выявить причины, по которым абитуриенты хотят получить высшее образование;
- выяснить, определились ли абитуриенты с окончательным выбором вуза;
- определить наиболее популярные источники информации, используемые абитуриентами для получения информации о вузе;
- выяснить, что повлияло на выбор абитуриентами конкретного вуза;
- определить и проанализировать факторы, влияющие на выбор абитуриентами конкретного вуза;
- установить степень влияния наличия у ННГУ категории «национальный исследовательский университет» на его престиж;
- определить процент абитуриентов, планирующих поступать на ту или иную форму обучения;
- определить наиболее востребованную область знаний среди абитуриентов;
- выявить сумму денег, которую абитуриенты готовы заплатить за обучение в вузе в расчете на 1 семестр;
- определить ожидания абитуриентов относительно получаемой заработной платы в течение 1-2 лет после окончания вуза;
- установить личностные характеристики абитуриентов, планирующих получать высшее образование в ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

3. Объект исследования: абитуриенты 2011 г. ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

4. Предмет исследования: характеристики, предпочтения абитуриентов, факторы и причи-

ны, источники получения необходимой информации, бренд вуза, влияющие на выбор абитуриентами вуза

5. Рабочие гипотезы:

- 97% выпускников школ будет поступать в вуз.
- Наиболее важными причинами получения высшего образования являются: приобретение статуса дипломированного специалиста (бакалавра) и знакомство с новыми людьми.
- 85% абитуриентов определились с вузом. Наиболее популярными среди них в Нижнем Новгороде являются: ННГУ им.Н.И. Лобачевского, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Нижегородский государственный педагогический университет, Нижегородский филиал государственного университета — Высшая школа экономики, Нижегородский филиал Гуманитарного института, Нижегородский филиал Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ), Нижегородский коммерческий институт (НКИ), Нижегородский институт менеджмента и бизнеса (НИМБ).
- Определяющими факторами при выборе вуза являются: большой выбор направлений подготовки, возможность учиться на современном оборудовании, возможность получить инновационное и перспективное образование, наличие широкого круга международных стажировок, возможность успешного трудоустройства после окончания вуза, высокое качество образования, известность и престиж вуза, интересная специальность, возможность бесплатного обучения, местонахождение учебного заведения.
- Информацию о вузах абитуриенты узнали из таких источников, как справочники для поступающих в вузы, Дни открытых две-

рей, реклама в газетах и журналах, реклама на радио и ТВ, от учителей, с официального сайта вуза, от знакомых, друзей, родных, из социальных сетей в Интернете.

- 84% абитуриентов хотят поступить только на бюджетное отделение.
- 98% абитуриентов будут пытаться поступить сначала на очное отделение, 15% при неудаче будут поступать на вечернее или заочное отделение.
- Собственное мнение абитуриентов, совет родителей и совет друзей являются основополагающими при выборе вуза абитуриентами.

- Наиболее востребованными областями знаний являются: экономика, юриспруденция, менеджмент, международные отношения.

6. Система используемых показателей:

- демографические показатели (пол, место жительства);
- показатели важности различных критериев при выборе вуза;
- показатели степени влияния различных факторов на принятие решения о выборе вуза;
- показатели популярности различных областей знаний;
- проценты.

II. План выборки

Таблица 1. Выборка абитуриентов 2011 г., поступающих в ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Место опроса	Дата	Время	Количество собранных анкет	Планируемое количество собранных анкет
Приемн. ком., кор.1	20, 21 июня	10:00-13:00	38	35
Приемн. ком., кор.1	20, 21, 22 июня	14:00-17:00	47	45
Приемн. ком., кор.1	23,24 июня	9:00-11:00	49	45
Приемн. ком., кор.1	25, 27 июня	9:00 -10:30	39	40
Приемн. ком., кор.1	28, 29,30 июня	10.30 — 12:00	52	55
Приемн. ком., кор.1	1,2 июля	12:00 — 13:00	39	40
Приемн. ком., кор.1	4 июля	13:00 — 14:00	33	30
Приемн. ком., кор.1	5 июля	14:30 — 16:30	55	50
Приемн. ком., кор.1	6,7 июля	9:00 — 11:30	34	35
Приемн. ком., кор.1	8,9 июля	11:30 — 12:00	38	40
Приемн. ком., кор.1	11,12 июля	9:00-12:00	54	55
Приемн. ком., кор.1	11,12 июля	13:00-16:30	52	55
Приемн. ком., кор.1	13 июля	9:00-12:00	42	42
Приемн. ком., кор.1	14июля	10:30-13:00	48	50
Приемн. ком., кор.1	15 июля	9:00-14:30	45	45
Приемн. ком., кор.1	16 июля	10:00-12:30	46	45
Приемн. ком., кор.1	18 июля	9:00-11:30	37	35
Приемн. ком., кор.1	18 июля	13:00-14:30	21	25
Приемн. ком., кор.1	19 июля	10:30-13:00	29	30
Приемн. ком., кор.1	20 июля	12:00 — 15:00	24	25
Итого: 822 анкеты				

III. Обработка результатов исследования

В рамках данной научной работы было проведено исследование с целью выявления мотивации абитуриентов при выборе высшего учебного заведения, конкретно ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Исследование проводилось с помощью такого рабочего инструментария, как анкета (приложение). На вопросы данной анкеты ответило 822 респондента. Опрос был проведен в приемных комиссиях 16 факультетов университета в период с 20 июня по 20 июля 2011 г. Вся полученная информация была приведена к более сжатому виду с помощью программ

Microsoft Word и Microsoft Excel. В результате данного исследования нами были получены описанные ниже результаты.

В проведенном опросе участвовало 822 респондента, из которых 378 чел. (46%) — молодые люди и 444 чел. (54%) — девушки (см. рис.1).

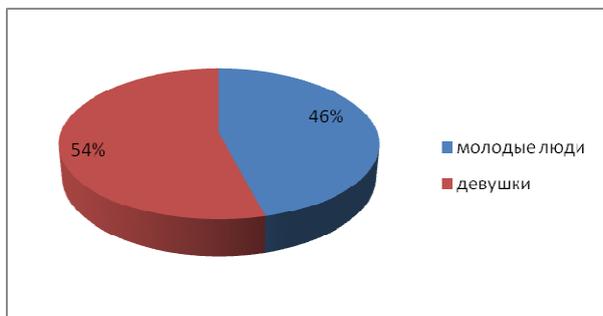

Рис. 1. Распределение респондентов по половому признаку

Показания, отмеченные на диаграмме, ожидаемы, так как демографические данные свидетельствуют о том, что число девушек в возрасте от 16 до 19 лет больше, чем представителей мужского пола.

Распределение респондентов по признаку местности проживания выглядит следующим образом: 62,7% опрошенных абитуриентов проживают непосредственно в г. Нижнем Новгороде или в ближайших городах области: Кстово, Дзержинск, Павлово и т.д., 37,3% проживают в других городах различных регионов. Распределение респондентов по признаку местности проживания представлено на рис. 2.

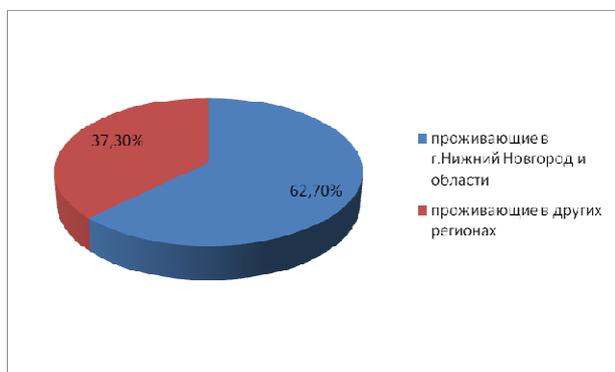

Рис. 2. Распределение респондентов по признаку местности проживания

Как видно из рисунка, число абитуриентов, проживающих непосредственно в г. Нижнем

Новгороде и области, опрошено больше почти на 30%, чем приезжих, проживающих в городах и поселениях других регионов.

Перед анкетированием предполагалось, что большинство абитуриентов свое решение в отношении избрания ВУЗа уже приняли, поэтому они смогут дать более четкий ответ, что именно повлияло на выбор того или иного учебного заведения.

В настоящее время трудно устроиться на высокооплачиваемую работу без наличия диплома о высшем образовании, поэтому практически все абитуриенты, еще будучи школьниками, планируют поступить в ВУЗ. Доказательством этому служат статистические данные по Нижегородской области: 94,7% опрошенных планируют получить высшее профессиональное образование, 4,7% пока не знают и лишь 0,7% не будут поступать в ВУЗ (рис.3).

Рис. 3. Намерения абитуриентов в отношении получения высшего профессионального образования

Относительно причин, влияющих на получение высшего образования в ННГУ им. Н.И. Лобачевского, мнения молодых людей и девушек были достаточно однородными (табл. 2).

Данные юношей и девушек представлены в обобщенном виде на рис. 4.

Таким образом, большинство респондентов хотят получить высшее образование, чтобы стать дипломированными специалистами (46%), 24% респондентов хотят получить диплом престижного вуза, 16% абитуриентов считают, что высшее образование необходимо всем и хотят получить больше знаний в интересующей их сфере.

Рассмотрим вопрос, касающийся различных критериев при выборе абитуриентами конкретного ВУЗа. Представим данные опроса в виде таблицы с целью анализа дифференциации ответов в зависимости от пола опрошиваемых (табл. 2).

Как и в вопросе относительно причин получения высшего образования, так и в вопросе о критериях выбора ВУЗа мнение молодых людей и девушек было достаточно однородным.

Однако отметим, что 37 девушек одним из немаловажных критериев отметили изучение более 1-го иностранного языка, в то время как 47 молодых людей отметили другой критерий: наличие военной кафедры.

Представим обобщенные данные в виде диаграммы (рис.5).

Среди 822 опрошенных абитуриентов только 69,1% определились с окончательным выбором ВУЗа — это ННГУ им.Н.И. Лобачевского (см. рис. 6).

Рассмотрим какие ВУЗы респонденты рассматривают в качестве альтернативы (30,9% респондентов подали документы в качестве альтернативы в другие ВУЗы): Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет — 2,1%, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова — 3,4%, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева — 20,9%, Нижегородский государственный педагогический университет — 19,5%, Нижегородский филиал Государственного университета — Высшая школа экономики — 26,9%, Нижегородский филиал Гуманитарного института — 15,4%, Нижегородский филиал Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ) — 6,8%, Нижегородский коммерческий институт (НКИ) — 3,3%, Нижегородский институт менеджмента и бизнеса (НИМБ) — 1,7% (см. рис.7)

Таким образом, наибольшее количество респондентов (69,1%), из подавших заявления, планируют поступить в ННГУ им.Н.И. Лобачевского. Такой результат был достаточно предсказуем: ННГУ им.Н.И. Лобачевского со-

ответствует всем критериям, которые были отмечены респондентами (местонахождение, наличие аккредитации, возможность бесплатного обучения, получение качественного образования и т.д.). 26,9% неопределившихся абитуриентов подали документы в качестве альтернативы в Нижегородский филиал Государственного университета — Высшая школа экономики, 20,9% — в Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 19,5% — в Нижегородский государственный педагогический университет, которые также отвечают критериям удобного местонахождения, возможности бесплатного обучения, высокой квалификации преподавателей, наличия аккредитации. Остальные ВУЗы уступают свои позиции более сильным конкурентам.

Для правильного выбора учебного заведения абитуриентам необходимо получать максимально полную, качественную и достоверную информацию об интересующих ВУЗах. Каждый ВУЗ использует различную рекламу с целью мотивации будущих абитуриентов при выборе учебного заведения.

Рассмотрим наиболее популярные источники информации среди абитуриентов ННГУ им.Н.И. Лобачевского (рис.8).

Итак, наиболее популярным источником информации оказался официальный сайт ННГУ им. Н.И. Лобачевского, ему отдали предпочтение 68% респондентов, 50% респондентов отдали предпочтение социальным сетям в Интернете, замыкает тройку популярных ответов (48%) — от знакомых, друзей, родных, далее по убыванию значимости: от учителей — 34%; из рекламы на ТВ и радио — 31%; из рекламы в газетах и журналах — 15%; из справочной литературы для абитуриентов — 11%; другое — 10%.

Ввиду того, что многие респонденты в качестве источников указали на несколько факторов выбора, то сумма ответов превысила 100%.

Рассмотрим и проведем анализ причин, влияющих на выбор абитуриентов при поступлении в ВУЗ в зависимости от пола опрошиваемых (табл.3).

Таблица 2. Дифференциация причин получения высшего образования в зависимости от пола респондентов

Причины, влияющие на получение высшего профессионального образования	Количество респондентов	Молодые люди	Девушки
Хочу стать дипломированным специалистом	221	104	117
Хочу получить диплом престижного вуза	193	92	101
Хочу получить специальность как у родителей	31	15	16
Хочу получить больше знаний по специальности, которая меня интересует	127	58	69
Возможность познакомиться с людьми и приобрести связи, которые помогут в жизни	111	47	64
Высшее образование в жизни необходимо всем	129	53	76
Другое	10	4	6

Таблица 3. Дифференциация критериев, влияющих на выбор абитуриентами ННГУ им. Н.И. Лобачевского в зависимости от пола респондентов

Критерии выбора ВУЗа	Количество респондентов	Молодые люди	Девушки
Интересная специальность	247	118	129
Возможность бесплатного обучения	132	62	70
Местонахождение ВУЗа	108	50	58
Есть военная кафедра	50	47	3
Возможность дополнительно обучаться за границей и получить сразу 2 диплома	66	26	40
Изучение более 1- го иностранного языка	56	19	37
ВУЗ государственный	95	39	56
Предоставление общежития	57	27	30
Другое	11	5	6

Таблица 4. Мнение абитуриентов о том, какие причины повлияли на их выбор ННГУ им Н.И. Лобачевского

Причины выбора ВУЗа	Количество респондентов	Молодые люди	Девушки
Совет родителей	338	175	163
Совет друзей, знакомых, родных	270	153	117
Информация, полученная от представителей ВУЗа (Дни открытых дверей и др.)	185	91	94
Посещение подготовительных курсов	77	35	42
Реклама ВУЗа	261	128	133
Другое	131	57	74

Таблица 5. Анализ факторов, наиболее значащих для абитуриентов при поступлении в вуз

Факторы, значимые при выборе ВУЗа	Количество респондентов	Молодые люди	Девушки
Большой выбор направлений подготовки	230	128	102
Возможность учиться на самом современном оборудовании	207	115	92
Возможность получить инновационное и перспективное образование	271	130	141
Наличие широкого круга международных стажировок и практик	176	74	102
Возможность успешного трудоустройства	279	150	129
Высокое качество образования, профессиональный уровень знаний и подготовки	146	70	76
Известность и престиж вуза (бренд)	415	190	225
Другое	5	2	3

Рис. 4. Дифференциация причин получения высшего профессионального образования

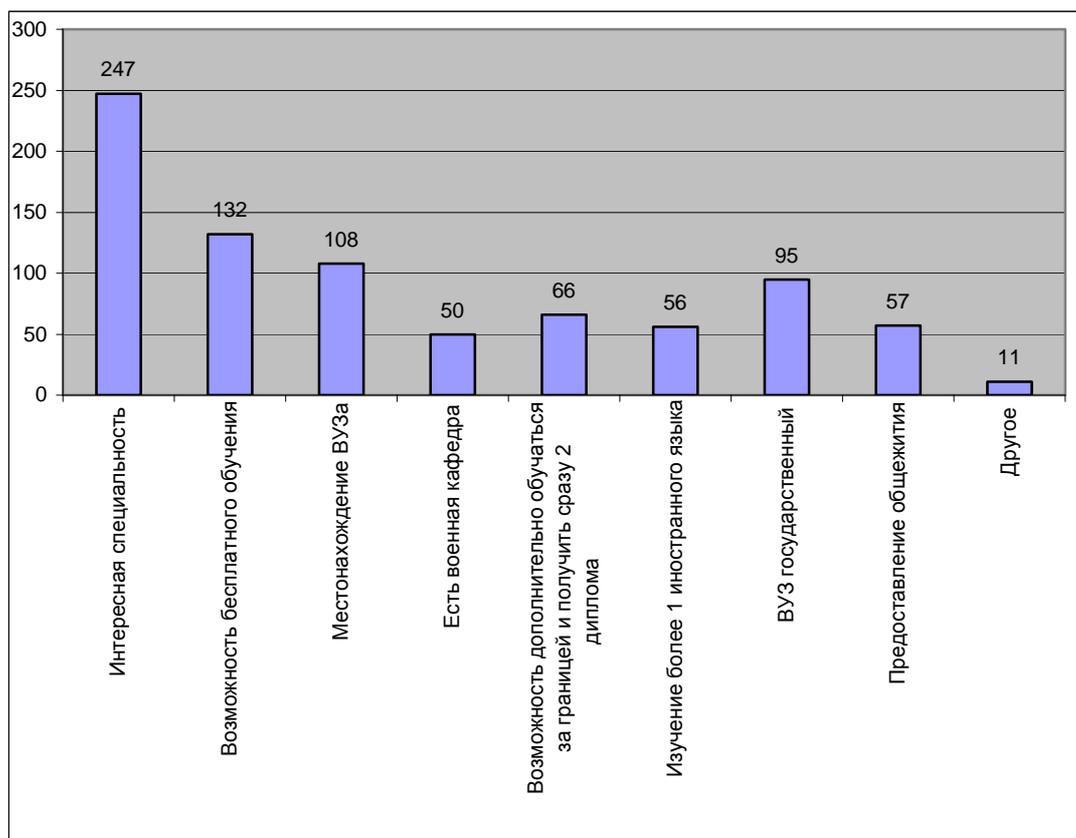

Рис. 5. Дифференциация критериев выбора абитуриентами ВУЗа

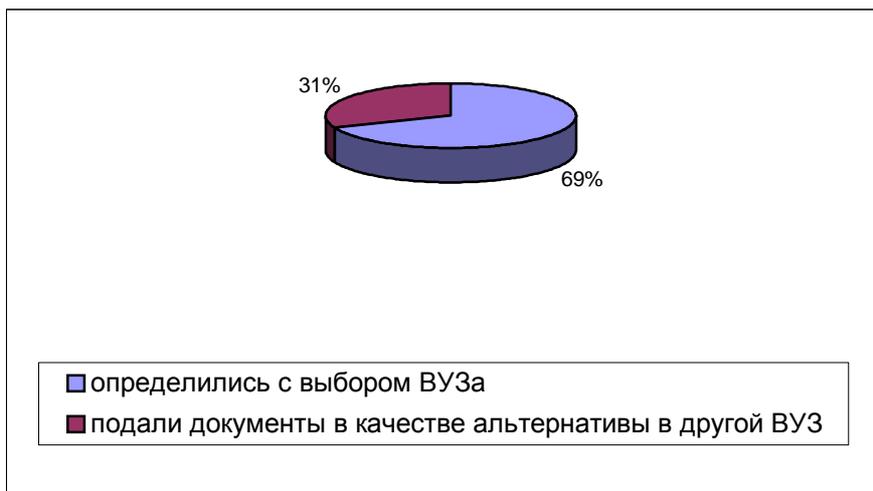

Рис. 6. Процент респондентов, определившихся с окончательным выбором ВУЗа

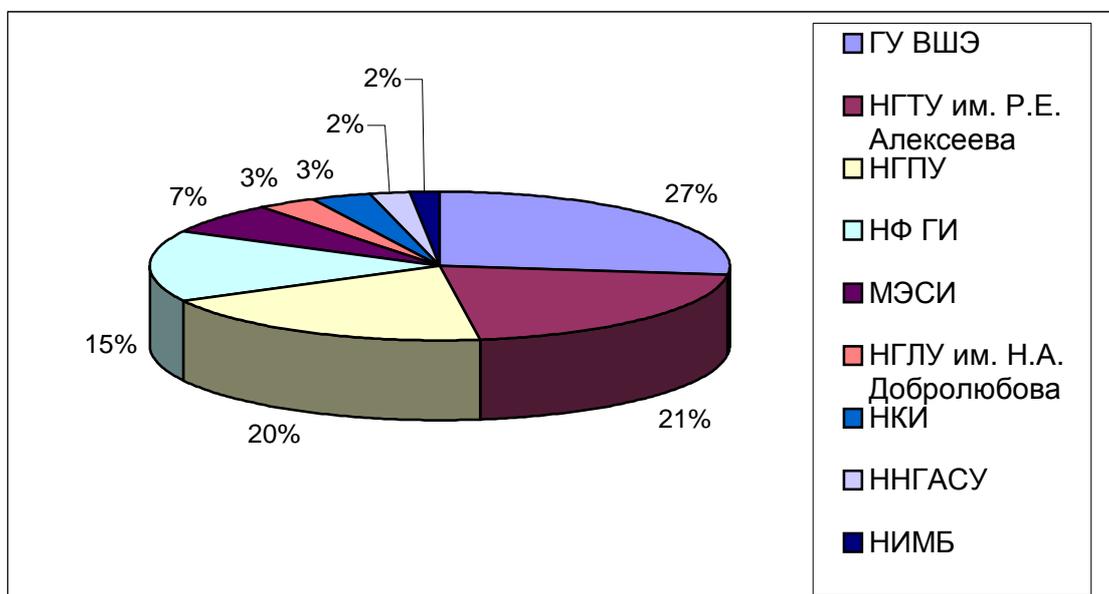

Рис. 7. Распределение ВУЗов г. Нижнего Новгорода при рассмотрении их абитуриентами в качестве альтернативы ННГУ им. Н.И. Лобачевского

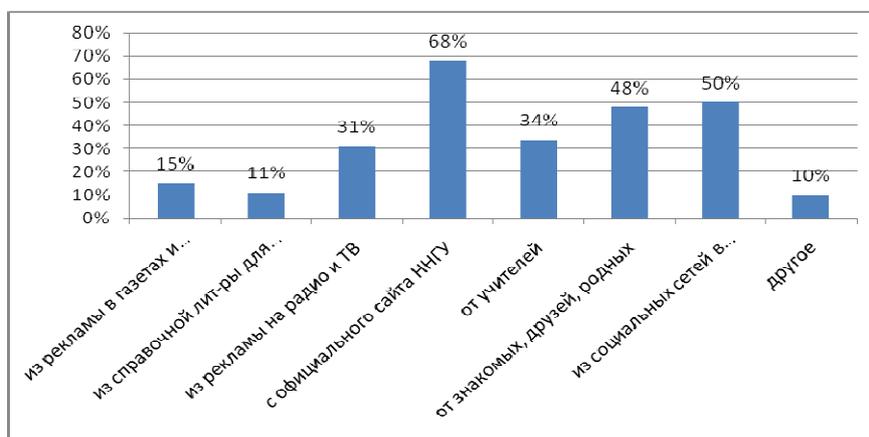

Рис. 8. Популярность источников информации

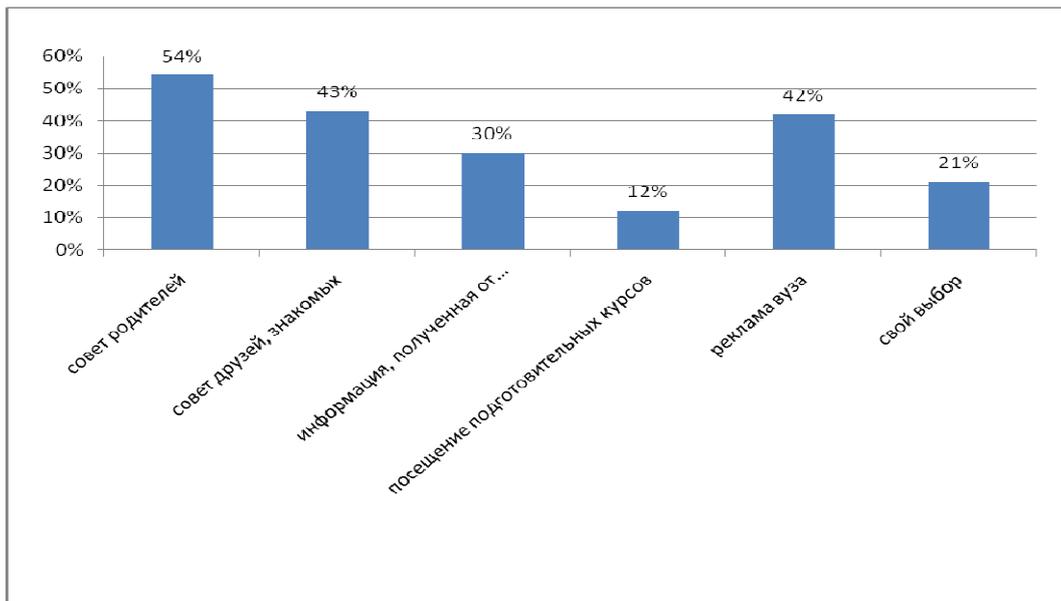

Рис. 9. Причины, влияющие на выбор абитуриентов при поступлении в ННГУ им. Н.И. Лобачевского

С целью анализа ответов на данный вопрос в зависимости от пола опрашиваемых представим обобщенные данные данной таблицы на рис. 9. Из рисунка видно, что при равных условиях основная часть абитуриентов в качестве основной причины при выборе ВУЗа отмечает совет родителей — 54%, затем одинаково значимы для абитуриентов показатели — совет друзей, знакомых (43%) и реклама вуза (42%). Следующую позицию занимает информация, полученная от представителей вуза (30%), свой собственный выбор составляет всего 21% и замыкает показатель посещения подготовительных курсов — 12%.

Определим долю респондентов, указавших на конкретную причину, влияющую при выборе вуза (см. рис.10).

Анализируя причины поступления абитуриентов в ННГУ им. Н.И. Лобачевского, отметим, что подготовительный факультет университета должен пересмотреть свою работу по привлечению школьников (будущих абитуриентов) на подготовительные курсы: больше уделить внимание агитации в школах, колледжах и техникумах Нижнего Новгорода и городов области.

Далее проведем анализ факторов, наиболее значимых для абитуриентов при поступлении в ВУЗ. Представим данные в виде табл. 5 с целью

анализа дифференциации ответов в зависимости от пола опрашиваемых.

Рис. 10. Доля респондентов, указавших на конкретную причину, влияющую при выборе ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Более полное представление и анализ факторов в зависимости от пола респондентов отображают данные на рис. 11.

Проводя анализ полученных данных, отметим, что показатель известности и престижа ННГУ (бренд вуза) с большим отрывом лидирует от других показателей (67%). Затем следуют: возможность трудоустройства после окончания вуза (45%) и возможность получить инновационное и перспективное образование (44%), 37% абитуриентов выбирают большой выбор подготовки, 33% — возможность учиться на современном оборудовании, 28% опро-

шенных отмечают наличие международных стажировок и практик и только 23% выбирают высокое качество образования.

Проведем анализ результатов следующего

вопроса: повлиял ли на выбор ННГУ им. Н.И. Лобачевского тот факт, что он является Национальным исследовательским университетом (см. рис. 12).

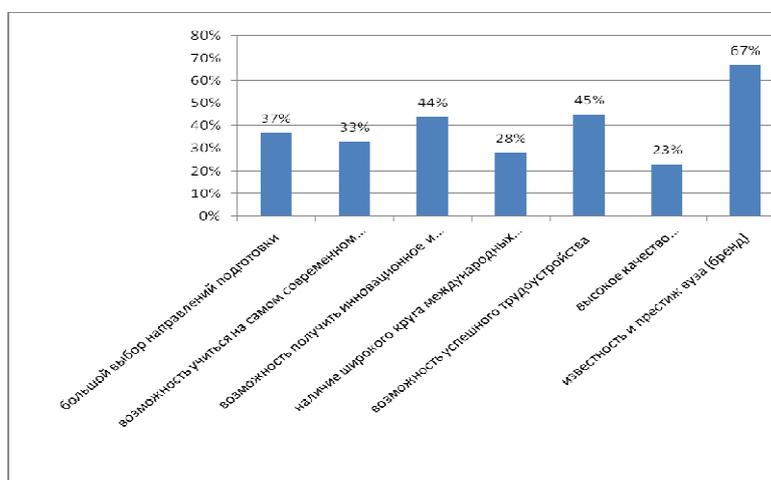

Рис. 11. Анализ факторов, наиболее значимых для абитуриентов при поступлении в ВУЗ

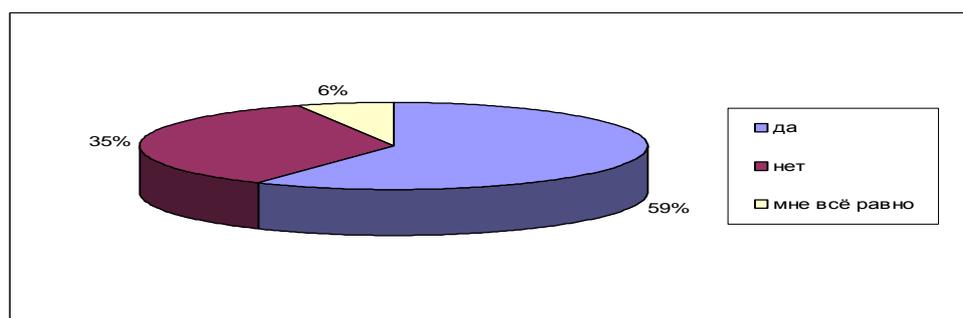

Рис. 12. Влияние наличия у ННГУ категории «Национальный исследовательский университет» на абитуриентов при выборе ВУЗа

Мы видим, что больше половины респондентов отметили важность и значимость факта наличия категории «Национальный исследовательский университет» у ННГУ. На наш взгляд, в дальнейшей рекламной политике ННГУ необходимо продолжать акцентировать внимание на наличие у ННГУ данной категории, так как это, несомненно, играет положительную роль в поддержании и развитии имиджа ННГУ им. Н.И. Лобачевского как крупнейшего и престижного высшего учебного заведения в регионе.

Обратимся теперь к форме обучения, на которую бы хотели поступить абитуриенты (см. рис. 13).

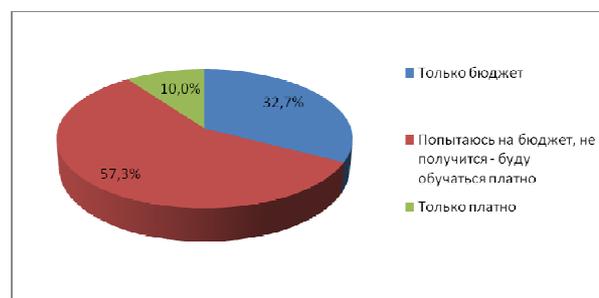

Рис. 13. Распределение мнений абитуриентов относительно формы обучения в ВУЗе

Исключительно бюджетную форму обучения выбрали для себя 32,7%. Данный факт объясняется как нежеланием оплачивать обучение и невозможностью это делать ввиду низкого

дохода семьи. 57,3% попытаются поступить на бюджет, но если не получится, будут обучаться платно. Это связано с тем, что абитуриент может не набрать необходимый проходной балл и ему придется согласиться на платную форму обучения, поскольку количество бюджетных

мест с каждым годом уменьшается. На платную форму обучения согласны всего 10% респондентов.

Рассмотрим, какую сумму готовы заплатить абитуриенты (их родители) за обучение в ВУЗе (см. рис.14).

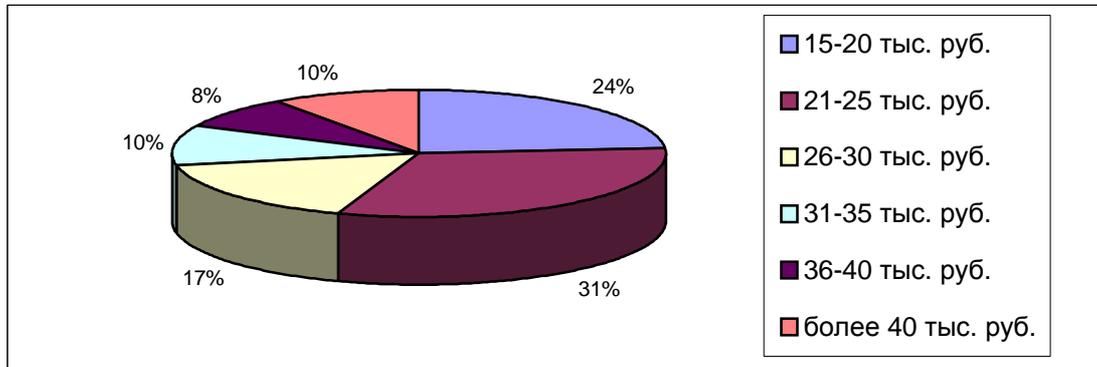

Рис. 14. Размер оплаты за обучение одного семестра

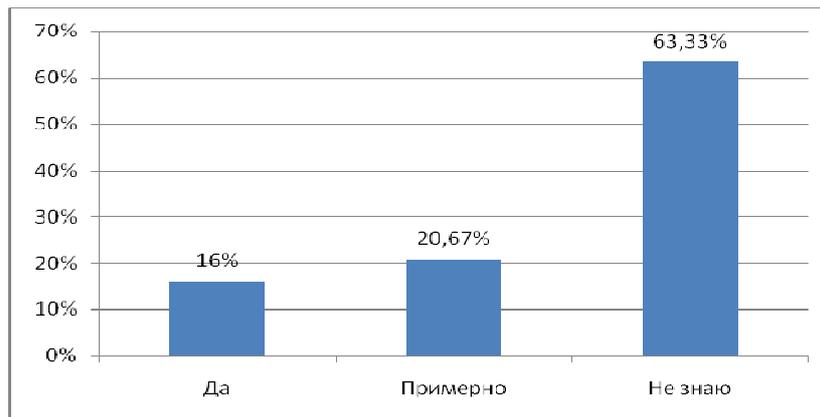

Рис. 15. Осведомленность респондентов о стоимости обучения в выбранном ими ВУЗе

23,7% респондентов готовы заплатить 15-20 тыс. руб. в семестр за обучение, т.е. самую минимальную сумму. Важно отметить, что во всех ВУЗах с каждым годом повышается стоимость обучения и поэтому 15-20 тыс. не хватит для оплаты. В связи с этим большинство абитуриентов рассчитывают поступить на бюджетную форму в связи с невозможностью оплаты обучения. 31,7% респондентов готовы заплатить 21-25 тыс. руб., что является средней стоимостью оплаты семестра обучения в нижегородских вузах. Максимальную сумму, представленную в анкете, т.е. более 40 тыс. руб., могут заплатить 9,6% респондентов, что объясняется достаточно высоким доходом в их семье.

Рис. 15 иллюстрирует, какой процент респондентов осведомлены о стоимости обучения в выбранном ими ВУЗе. Не знают о стоимости обучения в ВУЗе 63,33%, примерно знают — 20,67% абитуриентов и знают точно — 16% опрошенных.

Рассмотрим, какие области знаний выбрали респонденты (см. рис. 16). Из рисунка видно, что пятая часть респондентов выбрала такую область знаний, как экономика и финансы (20%). Далее следуют физико-математическое направление — 17% и юриспруденция — 14%. Отметим, что гуманитарные и социально-экономические направления в целом выбрали — 63% (почти две трети от числа опрошен-

ных). На протяжении нескольких лет данные области выбирает большинство абитуриентов, считая их наиболее прибыльными, престижными и востребованными. Скорее всего, это связано с тем, что респонденты считают эти спе-

циальности низкооплачиваемыми. Поэтому они все еще делают свой выбор в пользу экономики, менеджмента, юриспруденции, а также международных отношений, психологии и нового направления подготовки в ННГУ «Туризм».

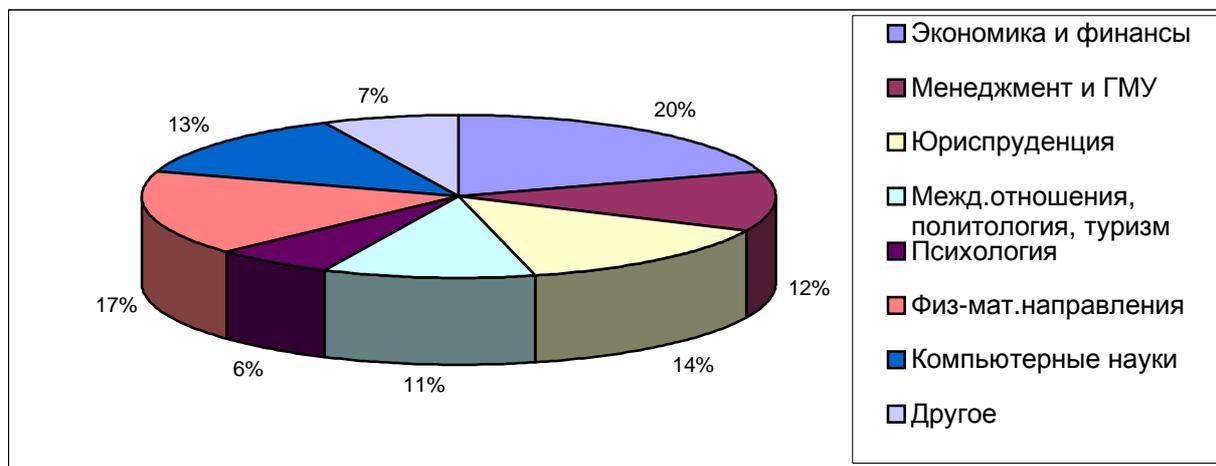

Рис. 16. Области знаний, выбранные абитуриентами при поступлении в ВУЗ

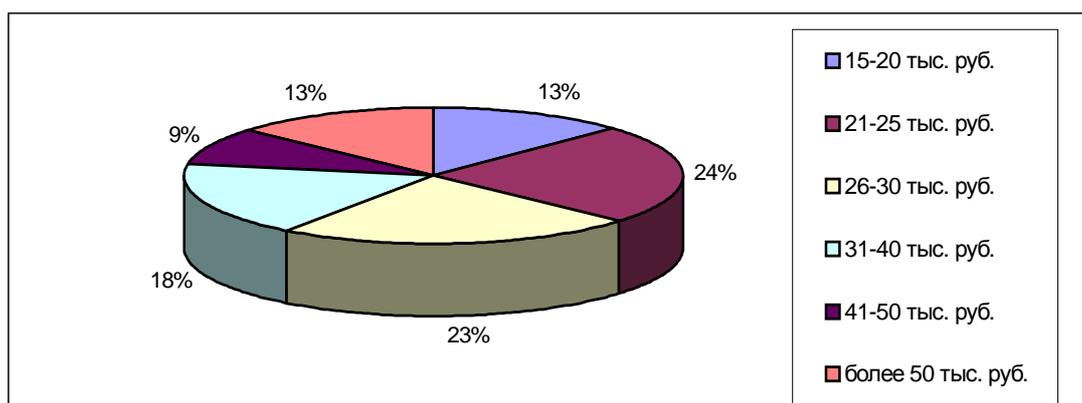

Рис. 17. Ожидания респондентов относительно заработной платы

Относительно ожиданий по заработной плате в течение 1-2 лет после окончания ВУЗа мнения респондентов распределились следующим образом (рис. 17). Из рисунка видно, что мнения абитуриентов достаточно неоднородны.

24% респондентов ожидают получать 21-25 тыс. руб. после окончания ВУЗа, что вполне соответствует действительности, так как работодатели не готовы платить высокую заработную плату выпускникам, поскольку, они не имеют опыта работы. 23,3% ожидают зарабатывать 26-30 тыс. руб. и, как ни странно, 13,3% респондентов отметили сумму в более 50 тыс.

руб., что, скорее всего, является достаточно завышенной суммой для выпускника даже самой престижной специальности и квалификации.

IV. Сравнительный анализ гипотез и данных, полученных в результате исследования

Проведенный анализ собранной первичной информации позволил выявить основные тенденции, характеризующие различные факторы, причины и критерии мотивации абитуриентов при выборе ВУЗа (см. табл. 6).

Таблица 6. Сравнительный анализ гипотез и полученных данных

Гипотезы	Полученные данные	Вывод
97% учеников старших классов будут поступать в вуз	94,7% респондентов планируют поступать в ВУЗ	Гипотеза частично подтвердилась
Наиболее важными причинами получения высшего образования являются: приобретение статуса дипломированного специалиста и знакомство с новыми людьми	Наиболее важные причины: мнение респондентов, что в жизни высшее образование необходимо, и желание получить знания в интересующей их профессиональной сфере	Гипотеза не подтвердилась
85% абитуриентов определились с выбором вуза. Наиболее популярными среди них в Нижнем Новгороде являются: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, ГУ ВШЭ, НГТУ, НГПУ и др.	Наиболее популярные ВУЗы в Нижнем Новгороде: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, ГУ ВШЭ, НГТУ, НГПУ, НКИ	Гипотеза подтвердилась
Определяющими факторами при выборе вуза являются: интересная специальность, возможность бесплатного обучения, местонахождение учебного заведения	Определяющие факторы: интересная специальность, возможность бесплатного обучения, наличие аккредитации	Гипотеза частично подтвердилась
Информацию о вузах абитуриенты будут узнавать из таких источников, как справочники для поступающих в вузы, Дни открытых дверей, Интернет	Наиболее популярные источники информации: Интернет (официальный сайт ННГУ и социальные сети), реклама на ТВ и радио, Дни открытых дверей	Гипотеза частично подтвердилась
84% абитуриентов хотят поступить только на бюджетное отделение	Только на бюджетное отделение будут поступать 32,7% респондентов	Гипотеза не подтвердилась
98% абитуриентов будут пытаться поступить сначала на очное отделение, 15% при неудаче будут поступать на вечернее отделение	84,7% респондентов будут поступать на очное отделение и 9,3% на вечернее	Гипотеза не подтвердилась
Собственное мнение абитуриентов и мнение родителей являются основополагающими при выборе вуза абитуриентами	Основополагающими при выборе ВУЗа абитуриентами является мнение родителей и советы друзей, знакомых	Гипотеза частично подтвердилась
Наиболее востребованными областями знаний являются: экономика, юриспруденция, менеджмент, международные отношения	Наиболее востребованные области знаний: экономика, менеджмент, компьютерные науки, юриспруденция, психология, международные отношения	Гипотеза частично подтвердилась
9% абитуриентов готовы заплатить 15-20 тыс. руб. за 1 семестр обучения, 5% — 21-25 тыс. руб., 20% — 26-30 тыс. руб., 23% — 31-35 тыс. руб., 35% — 36-40 тыс. руб., 8% — более 40 тыс. руб.	23,7% — 15-20 тыс. руб. 31,7% — 21-25 тыс. руб. 16,5% — 26-30 тыс. руб. 10,2% — 31-35 тыс. руб. 8,3% — 36-40 тыс. руб. 9,6% — более 40 тыс. руб.	Гипотеза не подтвердилась
27% — 15-20 тыс. руб., 18% абитуриентов ожидают зарабатывать 21-25 тыс. руб. в течение 1-2 лет после окончания вуза, 33% — 26-30 тыс. руб., 8% — 31-40 тыс. руб., 7% — 41-50 тыс. руб., 7% — более 50 тыс. руб.	12,7% респондентов ожидают получать — 15-20 тыс. руб. 24% — 21-25 тыс. руб. 23,3% — 26-30 тыс. руб. 17,7% — 31-40 тыс. руб. 9% — 41-50 тыс. руб. 13,3% — более 50 тыс. руб.	Гипотеза не подтвердилась

Заключение

При исследовании рынка образовательных услуг ННГУ им.Н.И. Лобачевского г. Нижнего Новгорода с целью определения мотивации абитуриентов при выборе высшего учебного заведения и влияния бренда вуза нами был проведен анализ вторичной и первичной информации по данному рынку.

Для сбора первичной информации респондентам было предложено ответить на вопросы анкеты, после этого все полученные данные приводились к более сжатому виду и анализировались.

По итогам данного исследования были сделаны следующие выводы:

- Существует очень высокий спрос на высшее образование: 94,7% опрошиваемых планируют поступать только в высшие учебные заведения.

- Главная причина получения высшего образования, по мнению респондентов, — его необходимость в жизни.

- Важнейшими критериями при выборе ННГУ им.Н.И. Лобачевского были названы: интересные направления подготовки (специальности), возможность бесплатного обучения, наличие государственной аккредитации у ВУЗа.

- Интернет (официальный сайт ННГУ и социальные сети), советы родителей и знакомых, затем рекламные сообщения на радио, ТВ и в прессе, Дни открытых дверей в вузе — это наиболее популярные источники информации для абитуриентов, на качество и полноту информации которых учебным заведениям необходимо обратить более пристальное внимание с целью обеспечения максимальной осведомленности абитуриентов.

- В связи с уменьшением количества бюджетных мест и некоторым увеличением доходов семей 57,3% респондентов при неудачном поступлении на бюджетное отделение будут обучаться платно.

- При поступлении большое влияние оказывает престиж (бренд) ВУЗа. 67% респондентов отметили важность и значимость факта нали-

чия категории «Национальный исследовательский университет» у ННГУ. При этом диплом престижного вуза воспринимается как конкурентное преимущество и при трудоустройстве. Далее по значимости следуют факторы, непосредственно связанные с будущим абитуриента (инновационное образование, перспективы трудоустройства, большой выбор направлений, возможность практиковаться за рубежом), а также ориентированные на удобство обучения (стоимость, сложность вступительных испытаний, местоположение вуза).

- При выборе учебного заведения абитуриенты ориентируются в основном на мнения родителей, друзей и знакомых, рекламу вузов и в последнюю очередь на собственное мнение.

- 31,7% респондентов (почти каждый третий) готовы заплатить 21-25 тыс. руб. за семестр обучения в ВУЗе, что практически укладывается в среднюю стоимость обучения в ННГУ им. Н.И. Лобачевского (около 48 503 тыс. руб. в год).

- Большинство респондентов хотят обучаться в таких областях знаний, как менеджмент, экономика и финансы, юриспруденция, несмотря на то, что в настоящее время наблюдается избыток в данных специалистах.

Таким образом, данное исследование наглядно иллюстрирует текущее состояние информационного обеспечения абитуриентов, критерии выбора учебного заведения, определяет степень влияния различных факторов на абитуриентов и многие другие показатели, рассмотренные в данном исследовании.

Полученные результаты можно использовать для более детального исследования, направленного на изучение характеристик и мотивации абитуриентов при выборе ими конкретного вуза, а также влияния бренда вуза.

Анкета абитуриента ННГУ 2011

Добро пожаловать в ННГУ им. Н.И. Лобачевского — Национальный исследовательский университет. Пожалуйста, ответьте на несколько наших вопросов, нам важно Ваше мнение! Отметьте выбранный Вами вариант(ы) ответа(ов).

1. Укажите причины, по которым Вы хотите получить высшее профессиональное образование. Продолжите фразу: Я хочу получить высшее образование, потому что:
 - хочу стать дипломированным специалистом (бакалавром, магистром);
 - хочу получить диплом престижного вуза;
 - хочу получить специальность как у родителей;
 - хочу получить больше знаний по специальности, которая меня интересует;
 - это возможность познакомиться с людьми и приобрести связи, которые помогут в жизни;
 - высшее образование в жизни необходимо всем;
 - другое.
- 2: Укажите критерии, которые для Вас являются важными при выборе вуза:
 - интересная специальность (направление подготовки);
 - возможность бесплатного обучения, местонахождение ВУЗа;
 - есть военная кафедра;
 - возможность дополнительно обучаться за границей и получить сразу 2 диплома;
 - изучение более 1 иностранного языка;
 - ВУЗ государственный, предоставление общежития;
 - другое.
3. Вы уже определились с выбором вуза, в который собираетесь поступать?
 - да нет
4. Откуда получили необходимую Вам информацию о ННГУ? (может быть несколько источников):
 - из рекламы в газетах и журналах; из справочной литературы для абитуриентов;
 - из рекламы на радио и ТВ; с официального сайта ННГУ;
 - от учителей; от знакомых, друзей, родных;
 - из социальных сетей в Интернете (В Контакте, Facebook, Twitter);
 - другое.
5. Что повлияло на Ваш выбор поступления в ННГУ?
 - совет родителей; совет друзей, знакомых;
 - информация, полученная от представителей вуза (Дни открытых дверей и др.) ;
 - посещение подготовительных курсов в ННГУ;
 - реклама вуза;
 - другое;
6. Какие из перечисленных факторов являются для Вас значимыми при поступлении?
 - большой выбор направлений подготовки (специальностей);
 - возможность учиться на самом современном оборудовании;
 - возможность получить инновационное и перспективное высшее профессиональное образование;
 - наличие широкого круга международных стажировок и практик;
 - возможность трудоустройства после окончания вуза;
 - высокое качество образования, профессиональный уровень знаний и подготовки, грамотные преподаватели;
 - известность и престиж вуза;
 - другое.
7. Сыграл ли значимую роль в Вашем выборе для обучения ННГУ тот факт, что он является Национальным исследовательским университетом:
 - да нет.
8. На какую форму обучения Вы хотели бы поступить?
 - только на бюджет; попытаюсь на бюджет, если нет, пойду на платное;
 - только на платное.
9. Знаете ли Вы, сколько стоит 1 семестр обучения в выбранном Вами вузе?
 - да, знаю;
 - примерно знаю;
 - нет, не имею представления.
10. Какую сумму Вы готовы заплатить за 1 семестр обучения в вузе?
 - от 15 до 20 тыс.руб.;

от 21 до 25 тыс. руб.;

от 26 до 30 тыс. руб.;

от 31 до 35 тыс. руб.;

от 36 до 40 тыс. руб.;

более 40 тыс. руб.

11. В какой области знаний Вы хотели бы обучаться?

экономика и финансы;

менеджмент и ГМУ;

юриспруденция;

международные отношения, политология и туризм;

психология;

физико-математические науки;

компьютерные науки;

другое.

12. Как Вы думаете, какую зарплату (в месяц) Вы будете получать в течение 1-2 лет после окончания выбранного вуза?

15-20 тыс. руб.;

21-25 тыс. руб.;

26-30 тыс. руб.;

31-40 тыс. руб.;

41-50 тыс. руб.;

более 50 тыс. руб.

13. Личные данные респондента:

пол М Ж;

место проживания г. Нижний Новгород и область; другой регион.

БЛАГОДАРИМ ЗА УЧАСТИЕ В ОПРОСЕ!

ANALYSIS OF THE MARKET OF EDUCATIONAL SERVICES TO IDENTIFY THE PROSPECTIVE STUDENTS' MOTIVATION IN THEIR CHOICE

Irina N. Efimova

The department of public relations of UNN, Nizhni Novgorod, Russia

The results of the sociological analysis of the market of educational services to identify the motivation for the prospective students' choice of the University in 2011 are presented. Reasons, factors and criteria that affect the choice of university in a decisive manner are determined. The study also determined the key values for the prospective students on the example of UNN: high quality of education, broad choice of majors and courses, access to the modern equipment, innovativeness, job opportunities and, most importantly, the University's reputation and prestige.

Keywords: University, UNN, sociological analysis, prospective students' motivation, brand, advertisement of the university, brand of the university, choice of the university.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия «Вестника Пермского университета» (Серия «Философия. Психология. Социология») принимает к публикации научные статьи, содержащие оригинальные авторские идеи и результаты исследований.

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже).

Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Объем статьи до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами). Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуются кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле.

Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Не допускается создание рисунка с помощью функции «Рисование». Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка».

В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

При цитировании библиографические ссылки оформляются в круглых скобках с обязательным указанием страниц источника цитирования: (автор, год, страница). Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна сопровождаться индексом УДК, а также краткой аннотацией (не более 10 строк) и ключевыми словами (не более 10 слов) на русском и английском языках.

К статье прилагается информация об авторе (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, адрес электронной почты.

К статье прилагается рецензия научного руководителя (для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2011

Выпуск 4 (8)

Редактор *Н.И. Стрекаловская*

Корректор *Л.В. Цветкова*

Компьютерная верстка *Д.Г. Трунова*

Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать .12.2011. Формат 60X84/8. Усл. печ. л. . Уч.-изд.л. .
Тираж 500 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15